Генералъ-маіоръ ГОЛУБИНЦЕВЪ

РУССКАЯ ВАНДЕЯ

Очерки Гражданской Войны на Дону
1917 - 1920 гг.

Изданіе первое

«...То Край Родной возсталъ за честь отчизны, за славу дѣдовъ и отцовъ, за свой порогъ и уголъ...»

Ѳ. Крюковъ

Мюнхенъ
1959

ОГЛАВЛЕНІЕ

III

ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ

ПРИМѢЧАНІЯ:

ВСТУПЛЕНІЕ

Приступая къ изданію моихъ записокъ и воспоминаній изъ временъ Гражданской войны на Дону, въ которой я принималъ непосредственное и активное участіе, какъ организаторъ и руководитель возстанія на сѣв.-востокѣ Дона и затѣмъ, какъ начальникъ большихъ конныхъ соединеній въ разгорѣвшейся гражданской войнѣ на югѣ Россіи, я хочу, какъ предпосылку къ запискамъ, дать краткій обзоръ исторіи Дона, психологіи и быта донскихъ казаковъ — тѣхъ условій, которыя создали эту этническую группу русскаго народа, эту военную касту, или орденъ степныхъ рыцарей; а также и указать на тѣ причины, которыя побудили донскихъ казаковъ начать безпощадную борьбу, на жизнь и на смерть, съ такимъ колоссомъ, какъ охваченная безуміемъ анархіи и революціи и натравливаемая шайкой интернаціональныхъ проходимцевъ Совѣтская Россія.

Имя Донского Войска, или Донской Вольной Общины, извѣстно почти всѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ, но, къ сожалѣнію, только имя, а исторію, бытъ, психологію и нравы каждый толкуетъ по своему вкусу, извращая ихъ въ ту или иную сторону и давая широкій просторъ своей фантазіи и политическимъ или романтическимъ вкусамъ.

До второй половины XII вѣка, мы можемъ почерпнуть краткія свѣдѣнія о казакахъ изъ записокъ иностранныхъ путешественниковъ, побывавшихъ въ юго-восточныхъ степяхъ Россійской равнины. Русская исторія лишь кратко и косвенно упоминаетъ, что въ 1380 году отрядъ донскихъ казаковъ прибылъ въ помощь Великому Князю Димитрію Донскому и участвовалъ въ Куликовской битвѣ. Единственнымъ памятникомъ этого событія является икона Гребневской Божьей Матери, поднесенная казаками Великому Князю, съ высѣченной на камнѣ надписью и датой. До революціи икона находилась въ Успенскомъ Соборѣ. Болѣе пространная исто-

рія упоминаетъ о появленіи казаковъ на русской военно-политической аренѣ въ XV вѣкѣ, а съ XVI вѣка казаки уже принимаютъ участіе почти во всѣхъ войнахъ и событіяхъ Московскаго государства: въ Ливонской войнѣ участвуютъ небольшіе отряды донскихъ казаковъ; при взятіи Казани царемъ Іоанномъ IV особенно отличился отрядъ донскихъ казаковъ атамана Сусата, первый ворвавшійся въ Казань; атаманъ Ермакъ съ отрядомъ казаковъ, именемъ Московскаго Царя, въ 1584 году завоевываетъ Сибирское Царство; въ Смутное Время, въ 1613 году, сабля атамана Межакова, по словамъ историка Костомарова, рѣшаетъ вопросъ о возведеніи на Россійскій Престолъ царя Михаила Ѳеодоровича.

Съ этихъ поръ связи Войска Донского съ Москвой становятся все тѣснѣе и тѣснѣе. Въ Москвѣ постоянно гоститъ «Зимовая станица», иначе говоря, посольство донскихъ казаковъ, третируемая наравнѣ съ иностранными дипломатическими миссіями.

Владѣя южной степью, казаки являлись какъ бы барьеромъ для защиты границъ Московскаго государства отъ набѣговъ ордъ степныхъ кочевниковъ и отрядовъ сосѣднихъ татарскихъ ханствъ.

За отсутствіемъ подходящаго строительнаго матеріала — камня и лѣса — казаки не строили ни замковъ, ни крѣпостей, а защищались въ укрѣпленныхъ фортахъ, называемыхъ «городками», сооруженныхъ изъ земляныхъ укрѣпленій, валовъ и бревенъ, обнесенныхъ стѣнами со рвами, бойницами, вышками. Въ городкахъ помѣщались склады съ вооруженіемъ, снаряженіемъ, запасами питанія и строились курени для населенія. Между городками были такъ называемые сторожевые пикеты. При появленіи татарскихъ ордъ населеніе станицъ укрывалось въ этихъ городкахъ и оказывало упорное сопротивленіе кочевникамъ. На сторожевыхъ пикетахъ и вышкахъ вспыхивали сигнальныя вѣхи, передавая сполохъ въ сосѣдніе городки, и степь загоралась общимъ боевымъ фронтомъ, съ сѣтью маневрирующихъ конныхъ лавъ между городками.

Цѣня услуги казаковъ, цари Московскіе не только снабжали казаковъ порохомъ, сукнами, хлѣбомъ и жалованьемъ, но и награждали почетными званіями, саблями, ковшами, на что въ Посольскомъ Приказѣ отпускались ежегодно извѣстныя суммы. Намъ извѣстенъ случай, когда 300 донскихъ каза-

ковъ, въ 1585 году, за услуги, оказанныя Московскому царству, были «поверстаны въ боярскіе дѣти» и награждены помѣстьями. («Обзоръ Русск. Исторіи» Пушкарева, стр. 262).

Жили казаки, по ихъ образному выраженію, «съ травы да воды», иначе говоря, охотой да рыбной ловлей; но этотъ родъ занятій, конечно, не могъ удовлетворить матеріальныхъ и духовныхъ потребностей и запросовъ этой буйной и воинственной общины. Хлѣба казаки не сѣяли, занятіе земледѣліемъ воспрещалось и каралось смертной казнью, «въ куль да въ воду», дабы казаки не омужичились и не утеряли воинственнаго духа.

«Охота за зипунами», т. е. набѣги на сосѣднія мусульманскія государства: Крымъ, Персію, Турцію и побережья Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, были заурядньмъ явленіемъ и почти періодическимъ занятіемъ; считались дѣломъ богоугоднымъ, христіанскимъ и доблестнымъ, такъ какъ сопровождались не только освобожденіемъ изъ рабства христіанскихъ плѣнниковъ, но и захватомъ «ясыри», т. е. плѣнныхъ мусульманъ, которые служили затѣмъ предмѣтомъ обмѣна на своихъ, русскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ татарами въ набѣгахъ.

Турецкіе историки отмѣчаютъ довольно подробно рядъ набѣговъ казачьихъ флотилій на берега теперешней Болгаріи, Румыніи, Анатоліи и даже на Константинополь.

Управлялись казаки выборными атаманами. Дѣла государственныя внѣшнія и внутреннія рѣшались атаманомъ и старшинами и утверждались кругомъ, криками «любо» или «нелюбо». Участіе на кругѣ принимали только «прирожонные» и полноправные казаки. Населеніе Дона состояло изъ прирожонныхъ казаковъ, считавшихъ свой родъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, такъ называемыхъ домовитыхъ и изъ голутвенныхъ, еще не имѣвшихъ полныхъ правъ и голоса въ кругѣ.

Пополнялось Донское казачество, судя по историческимъ даннымъ, а также по названіямъ населенныхъ пунктовъ, мѣстныхъ предметовъ, предметовъ обихода и по фамиліямъ казачьихъ родовъ, выходцами изъ различныхъ странъ и народовъ, по той или иной причинѣ не ужившихся на своей родинѣ, или искавшихъ выхода своему молодечеству, страсти къ войнѣ, приключеніямъ и къ вольной жизни въ донскихъ степяхъ.

Тѣ, чья душа искала простора, безграничной воли, удали, жажды подвиговъ, тянулись къ усѣянной таинственными курганами Донской степи, съ ея романтикой и сосѣдствомъ со Святой Софіей, ожидающей возстановленія на ней Святого Креста. Эта психологія тяги къ святымъ мѣстамъ была такъ обычна и на Западѣ въ средніе вѣка нашей исторіи.

Пріемъ въ казаки былъ совсѣмъ не такъ простъ, какъ думаютъ нѣкоторые «историки», начитавшіеся поэтическихъ сказокъ Гоголя и черпающіе изъ нихъ свой «историческій» матеріалъ, или даже тѣ «популярные», казенные историки, поверхностные, близорукіе или просто недобросовѣстные, искажающіе истину и приспособляющіе исторію къ «духу времени»; или просто усердные не по разуму, готовые въ либеральномъ служеніи принципу нивелированія, уродовать исторію. Ихъ тенденцію теперь продолжаютъ большевики, углубляя ее въ своихъ энциклопедіяхъ.

Чтобы быть принятымъ въ казаки и сдѣлаться равноправнымъ членомъ Донской общины, надо было не только прожить нѣсколько лѣтъ на Дону, но и побывать въ походахъ и набѣгахъ и доказать свою храбрость, мужество и преданность казачеству.

Женщины, въ старое время, большей частью брались въ набѣгахъ, считались «ясырью», т. е. полонянками и, выходя замужъ за казаковъ, становились казачками и матерями казаковъ; этимъ отчасти объясняется, особенно на югѣ Дона, восточный овалъ лица, темные волосы, гибкость и подвижность стана низовыхъ казаковъ.

Съ незапамятныхъ временъ на Дону широко практиковалось право убѣжища: «Съ Дона выдачи нѣтъ», былъ девизъ Войска. На Дону находили убѣжище и сторонники старой вѣры, преслѣдуемые, во времена патріарха Никона, въ Московской державѣ. А послѣ разгрома Новгорода и Пскова, въ XV и началѣ XVI вѣка, много новгородцевъ бѣжало на Донъ. Крымскіе татары, ногайцы, кавказскіе горцы, поляки, запорожцы-черкасы и даже нѣмцы, искавшіе счастья и убѣжища или простора, также являлись на Донъ, втягивались въ боевую, степную, вольную и буйную жизнь, быстро ассимилировались, принимая вѣру, языкъ и обычаи, и лучшая часть ихъ, съ теченіемъ времени, становилась казаками.

Жизнь въ открытой степи, полная опасностей и неожиданностей, заставляла быть всегда настороже, быть готовымъ

и къ нападенію, и къ оборонѣ; эти условія заставляли казаковъ быть всегда начеку, научали оріентироваться не только по звѣздамъ и солнцу, но и по вѣтру, травкѣ, холмамъ, курганамъ, шуму земли, полету и крику птицъ. Такая напряженность вниманія переходила въ привычку и вырабатывала характеръ увѣренности въ самомъ себѣ, въ своихъ силахъ, въ своемъ превосходствѣ надъ врагомъ и презрѣніе къ смерти. Эти свойства, переходя въ привычку, создавали извѣстную мораль и характеръ — рѣшительный, упорный и независимый, — и передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Эти качества, до последняго времени, выгодно отличали казачьи части при веденіи военныхъ операцій и особенно въ развѣдкѣ. Культъ доблести, собственнаго достоинства и гордости заставляли казаковъ крѣпко держаться своихъ частей и беречь свое имя. Фактъ отсутствія, даже единичныхъ случаевъ, дезертирства изъ всей массы казачьихъ полковъ въ послѣднихъ войнахъ, подтверждаетъ эти специфическія свойства казаковъ. Появленіе дезертира покрыло бы на вѣки позоромъ не только родъ, но и всю станицу.

Казаки съ одинаковымъ хладнокровіемъ умѣли и наступать и отступать, не поддаваясь паникѣ, повинуясь приказаніямъ и авторитету начальниковъ. Почетъ и уваженіе къ старикамъ и повиновеніе авторитету старшихъ, создавало единодушіе въ принимаемыхъ рѣшеніяхъ.

Въ первой половинѣ XVII вѣка казаки взяли сильную турецкую крѣпость Азовъ, въ устьяхъ Дона, служившую туркамъ ключемъ и воротами для связи и проникновенія турецкой экспансіи въ юго-восточную Россію, гдѣ сравнительно еще недавно покоренныя царства Казанское и Астраханское не забыли вполнѣ своей независимости и прислушивались и тяготѣли къ единовѣрнымъ державамъ — Турціи и Крыму. Царь отклонилъ предложеніе казаковъ взять Азовъ подъ свою высокую руку, ибо не желалъ ввязываться въ войну съ могущественной въ то время Турціей.

Въ отвѣтныхъ нотахъ на турецкія жалобы на набѣги казаковъ, Москва отписывалась, завѣряя Блистательную Порту, что казаки «воруютъ де и царскую волю не слушаютъ» и за нихъ Москва не можетъ нести отвѣтственности. На многократныя предложенія московскаго правительства принести присягу Царю, казаки обыкновенно отвѣчали дипломатичес-

ки: «мы рады служить Государю и безъ крестнаго цѣлованія». Характерна въ этомъ отношеніи донская поговорка того времени: «Будь здоровъ, Царь, въ Москвѣ Кременной, а мы казаки на Тихомъ Дону».

Въ 1671 году казаки цѣловали крестъ на вѣрность Православному Царю, и съ этихъ поръ казаки становятся какъ бы **офиціально служилымъ сословіемъ Московскаго Царства,** сохраняя свой внутренній бытъ и порядокъ несенія службы. Участіе Войска Донского во всѣхъ войнахъ и походахъ русскихъ царей, начиная съ XIV и до первой четверти XX вѣка включительно, покрыло его неувядаемой славой и связало неразрывными узами съ исторіей и культурой Россійской Имперіи и съ Династіей. Естественно, что при такомъ состояніи морали, традицій, быта, характера, старыхъ устоевъ чести, свободы и вѣрности данной клятвѣ и славной исторіи, связывавшей Донъ съ Царской Россіей, казаки не могли не возстать противъ рабскаго режима большевиковъ, конечная цѣль котораго, путемъ обезличенія индивидуума, создать изъ народа стадо покорныхъ и безгласныхъ рабовъ.

Съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и долга вступили казаки въ безкомпромиссную борьбу съ московскими интернаціональными захватчиками. Въ 1917 году Донъ объявилъ себя самостоятельнымъ государствомъ, впредь до возстановленія Россійской Имперіи и связалъ свою судьбу съ Бѣлымъ движеніемъ, возникшимъ на территоріи Дона; и если бы не было казаковъ, не было бы и Бѣлаго Движенія.

Ген.-м. Голубинцевъ

Филадельфія, 1958 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Составляя настоящія замѣтки о борьбѣ Усть-Медвѣдицкихъ казаковъ съ красными, я задался цѣлью описать лишь то, что я лично видѣлъ, въ чемъ принималъ непосредственное участіе, сначала какъ Командиръ 3-го Донского Казачьяго Ермака Тимофеева полка, приведшій полкъ съ войны на Донъ, затѣмъ какъ организаторъ и руководитель возстанія въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ и, наконецъ, какъ начальникъ конной дивизіи и конной группы въ разгорѣвшейся гражданской войнѣ. Записки мои составлены частью на Дону, частью въ эмиграціи. Къ сожалѣнію, бо́льшая часть документовъ утеряна во время кочевой жизни на войнѣ; по сохранившейся же, совершенно случайно, небольшой части документовъ удалось установить точныя даты нѣкоторыхъ событій и обстоятельствъ, при которыхъ они происходили.

Записки мои никоимъ образомъ не могутъ претендовать на исчерпывающее описаніе пережитыхъ и видѣнныхъ мною событій или эпохи, такъ какъ составлены онѣ, большей частью, по памяти, послѣ долгихъ лѣтъ эмиграціи, и въ нихъ отмѣчены лишь краткіе отрывки событій нѣкоторыхъ періодовъ.

Самой цѣнной частью записокъ является тетрадка: «Дневникъ военныхъ дѣйствій Усть-Хоперскаго отряда»; составлена она въ 1918 году, въ началѣ возстанія, по моему приказанію, однимъ изъ чиновъ штаба отряда, по оригинальнымъ документамъ, и составляетъ лишь часть дневника, — одной случайно уцѣлѣвшей тетрадкой. Остальные очерки, какъ я уже упомянулъ, составлены мною частью въ Крыму, частью въ эмиграціи, въ Болгаріи — въ Анхіало и въ Софіи — въ 1921—1925 годахъ.

Событія я старался записать возможно точнѣе, давая характеристику лицъ и событій такъ, какъ они мнѣ казались, стараясь быть строго объективнымъ и безпристрастнымъ.

Всѣ даты отмѣчены по старому стилю.

Ген.-м. Голубинцевъ

Софія, 1925 г.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Стихотвореніе въ прозѣ

Родимый край... Какъ ласка матери, какъ нѣжный зовъ ея надъ колыбелью, тепломъ и радостью трепещетъ въ сердцѣ волшебный звукъ знакомыхъ словъ.

Чуть таетъ тихій свѣтъ зари, звонитъ сверчокъ подъ лавкой въ уголкѣ, изъ серебра узоръ чеканитъ въ окошкѣ мѣсяцъ молодой... Укропомъ пахнетъ съ огорода... Родимый край...

Кресты родныхъ могилъ, и надъ левадой дымъ кизечный и пятна бѣлыхъ куреней въ зеленой рамѣ рощъ вербовыхъ, гумно съ бурѣющей соломой и журавель, застывшій въ думѣ — волнуетъ сердце мнѣ сильнѣй всѣхъ дивныхъ странъ за дальними морями, гдѣ красота природы и искусство создали міръ очарованій.

Тебя люблю, Родимый край...

И тихихъ водъ твоихъ осоку и серебро песчаныхъ косъ, плачъ чибиса въ кугѣ зеленой, пѣснь хороводовъ на зарѣ, и въ праздникъ шумъ станичнаго майдана, и старый милый Донъ — не промѣняю ни за что...

Родимый край...

Напѣвъ протяжный пѣсенъ старины, тоска и удаль, красота разлуки и грусть безбрежная — щемятъ мнѣ сердце сладкой болью печали, невыразимо близкой и родной...

Молчаніе мудрое сѣдыхъ кургановъ и въ небѣ клекотъ сизаго орла, въ жемчужномъ маревѣ видѣнія зипунныхъ рыцарей былыхъ, полившихъ кровью молодецкой, усѣявшихъ казацкими костями просторъ зеленый и родной... не ты ли это, Родимый край?

Во дни безвременья, въ годину смутную развала и паденія духа, я, ненавидя и любя, слезами горькими оплакивалъ тебя, мой Край родной...

Но все же вѣрилъ, все же ждалъ; за дѣдовскій завѣтъ и за родной свой уголъ, за честь казачества взмететъ волну нашъ Донъ Сѣдой...

Вскипитъ, взволнуется и кликнетъ кличъ, кличъ чести и свободы...

И взволновался Тихій Донъ... Клубится по дорогамъ пыль, ржутъ кони, блещутъ пики... Звучатъ родныя пѣсни, серебристый подголосокъ вдали, какъ нѣжная струна...

Звенитъ и плачетъ, и зоветъ...

То Край Родной возсталъ за честь отчизны, за славу дѣдовъ и отцовъ, за свой порогъ и уголъ...

Кипитъ волной, зоветъ на бой Родимый Донъ... За честь отчизны, за казачье имя кипитъ, волнуется, шумитъ сѣдой нашъ Донъ, — Родимый край.

Ѳ. Крюковъ

*

Ѳеодоръ Димитріевичъ Крюковъ, донской писатель и Секретарь Войскового Круга. Во время возстанія Усть-Медвѣдицкихъ казаковъ, весною 1918 года, Ѳеодоръ Димитріевичъ находился въ своей родной станицѣ Глазуновской и принялъ участіе въ возстаніи, примкнувъ къ отряду полковника Голубинцева. Былъ легко контуженъ въ бою у станицы Арчадинской. Вдохновленный вспыхнувшимъ возстаніемъ, написалъ въ началѣ мая 1918 года вышеприведенное стихотвореніе въ прозѣ. Въ первый разъ оно было прочитано на собраніи въ Усть-Медвѣдицкомъ клубѣ, если не ошибаюсь, на Троицынъ день, одной изъ участницъ собранія. Стихотвореніе было принято присутствующими съ съ большимъ энтузіазмомъ и волненіемъ. Въ немъ какъ въ зеркалѣ отражена вся душа казака и его безграничная привязанность къ Родному Краю, къ родной землѣ, насыщенной кровью, славой, доблестью, честью и любовью къ свободѣ.

I

РУССКАЯ ВАНДЕЯ

1.

ОСИНОЕ ГНѢЗДО

Февраль 1918 года на исходѣ. Не стало на Дону Атамана. Разгромленъ и загаженъ Новочеркасскъ. Помутились головы у казаковъ — трудно стало старикамъ сдерживать буйную молодежь — «фронтовиковъ». Уже почти повсюду на Дону совѣты смѣнили атамановъ, но свято блюдутъ Усть-Хоперцы старину, чтутъ старики порядки и обычаи дѣдовскіе: все еще атаманъ правитъ станицей, въ домахъ портреты царскіе, казаки въ погонахъ.

Недаромъ славится Усть-Хоперская станица по всему Тихому Дону, и орлы и коршуны вылетали изъ нея: и славный атаманъ генералъ Калединъ, и лихой казакъ Кузьма Крючковъ, и печальной памяти «красный атаманъ Дона», «президентъ Донской Совѣтской республики», подхорунжій Подтелковъ.

Слыветъ станица въ округѣ «контрреволюціонной» и «бѣлогвардейской», но пока еще не рѣшаются красныя власти круто расправиться: боятся трогать это «осиное гнѣздо».

Шлетъ изъ Усть-Медвѣдицы Окружной комиссаръ, бывшій войсковой старшина Филиппъ Мироновъ, грозные приказы: упразднить атамана и избрать совѣтъ; грозитъ въ случаѣ неповиновенія прислать карательный отрядъ. Мнутся старики, но дѣлать нечего, предложили станичному атаману называться «предсѣдателемъ — плюнулъ старикъ и отказался. Попробовали выбирать — нѣтъ охотниковъ представлять совѣтскую власть. Наконецъ, уговорили подхорунжаго

Атланова: «Если и ты откажешься — мужика назначутъ». Доводъ основательный.

Съ выборомъ совѣта жизнь потекла, какъ будто, по прежнему, только на майданъ стали являться «иногородніе»; зазвучали непривычныя рѣчи о равенствѣ, о раздачѣ казачьей земли мужикамъ, объ уравнительно-трудовомъ землепользованіи; стали читаться декреты и приказы всякаго рода, ничего добраго не сулившіе казакамъ и т. п.

Долго крѣпились казаки, слушая наглыя рѣчи «хохловъ», одинъ изъ которыхъ, сапожникъ Капустинъ, разошелся вовсю и, убѣждая упрямыхъ стариковъ, сказалъ: «У васъ, старики, бороды длинныя, да головы глупыя!» Это переполнило чашу терпѣнія — сорвался съ мѣста урядникъ Осинъ, ударомъ кулака сшибъ нахала съ трибуны, старики подхватили и, избивъ до полусмерти, выбросили изъ станичнаго правленія.

Дня черезъ три Осинъ и еще три казака были вызваны Окружнымъ комиссаромъ товарищемъ Мироновымъ въ Усть-Медвѣдицу на расправу. Заупрямились старики, не желая выдавать, и только угроза прислать карательный отрядъ и взять силою заставила отпустить Осина.

По прибытіи въ Окружный Совѣтъ, Осинъ былъ избитъ, предсталъ предъ Революціоннымъ трибуналомъ и, отсидѣвъ около двухъ недѣль въ тюрьмѣ, возвратился домой.

Декреты, вызывающее поведеніе иногороднихъ, случай съ Осинымъ создали настроеніе неудовольствія, обиды, боязни за будущее; это чувство росло, ширилось, вызывая острую ненависть къ новымъ порядкамъ. Чувствовалось, что наступила пора использовать это настроеніе. Почва для работы была благопріятна. Нужна только искра.

*
* *

Распустивъ, по приказанію Донского Атамана Каледина, по домамъ въ безсрочный отпускъ, съ оружіемъ, приведенный мною съ Румынскаго фронта 3-й Донской Казачій Ерма-

ка Тимофеева полкъ, я 15 февраля 1918 года изъ станицы Глазуновской переѣхалъ въ станицу Усть-Хоперскую, гдѣ и поселился въ уединенномъ домѣ. Рѣдко показываясь, я внимательно слѣдилъ за развивающимися событіями. Не вмѣшиваясь открыто въ станичную жизнь, имѣя общеніе лишь съ вѣрными людьми, по большей части моими сослуживцами по 3-му полку, я съ ихъ помощью образовалъ небольшое ядро, съ цѣлью поддерживать и развивать антибольшевицкое настроеніе и направлять волю станицы къ желаемой цѣли. На хуторахъ, по указанію прапорщика Щелконогова и его отца К. Т. Щелконогова, были намѣчены вѣрные, твердые и убѣжденные люди, по большей части старики и выборные, которые изрѣдка тайно пріѣзжали ко мнѣ по одиночкѣ для доклада, обмѣна мыслями и полученія инструкцій. Здѣсь имъ объяснялись и толковались декреты и распоряженія красныхъ властей, гибельныя послѣдствія этихъ декретовъ для казаковъ, необходимость и возможность сопротивленія проведенію ихъ въ жизнь, объяснялись событія на Украйнѣ и значеніе ихъ для Дона, положеніе на фронтѣ, непрочность совѣтской власти и т. п.

Получивъ болѣе или менѣе полную информацію, они возвращались домой, дѣлились со своими хуторянами полученными свѣдѣніями и разъясненіями, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ и серьезными оппонентами заглядывавшимъ иногда на хутора съ цѣлью большевицкой пропаганды гастролерамъ изъ Усть-Медвѣдицы.

Кромѣ того, связь съ хуторами постоянно поддерживалась при помощи многочисленныхъ моихъ сослуживцевъ по 3-му полку.

Работать въ болѣе широкомъ масштабѣ можно было только при помощи и черезъ «Съѣзды Хуторскихъ Совѣтовъ», невидимо руководя ихъ работой и обращая постановленія ихъ въ замаскированныя воззванія къ сплоченію, сопротивленію и, наконецъ, къ открытому неповиновенію и возстанію съ оружіемъ въ рукахъ противъ совѣтской власти.

Узнавъ о времени и цѣли съѣзда хуторскихъ совѣтовъ и о предполагаемыхъ къ обсужденію вопросахъ, я на отдѣльныхъ клочкахъ бумаги писалъ резолюціи къ будущему постановленію съѣзда по интересующимъ насъ вопросамъ, а

затѣмъ свой человѣкъ ѣхалъ въ сосѣдніе хутора и передавалъ вѣрнымъ людямъ готовыя рѣшенія, обыкновенно, одному лицу только одну резолюцію, давая при этомъ, конечно, соотвѣтствующую инструкцію. Являясь на сходъ, выборный, послѣ дебатовъ, просилъ слова и предлагалъ резолюцію, читая ее по бумажкѣ. Гладко написанныя фразы, отвѣчающія настроеніямъ казаковъ, обычно принимались почти безъ измѣненія криками: «въ добрый часъ» и заносились въ протоколъ рѣшеній съѣзда.

Такимъ образомъ была провалена объявленная Мироновымъ мобилизація: «не отказываемся отъ мобилизаціи, но требуемъ сначала роспуска и удаленія красной гвардіи изъ Усть-Медвѣдицы и выдачи предварительно оружія на руки подлежащимъ мобилизаціи».

Затѣмъ, на приказъ о сдачѣ казеннаго оружія, съѣздъ отвѣтилъ, что оружія въ станицѣ вообще очень мало и что оно необходимо для защиты станицы отъ появившихся на сѣверѣ бандъ.

Наконецъ, было сдѣлано постановленіе (слѣдствіе ареста и избіенія урядника Осина), что въ будущее время арестъ Усть-Хоперскаго гражданина можетъ быть произведенъ только съ разрѣшенія мѣстнаго совѣта, а если кто-либо будетъ арестованъ Усть-Медвѣдицкими властями, то немедленно всѣмъ выборнымъ съ хуторовъ явиться на сходъ въ Усть-Хоперскую съ оружіемъ и привести съ собою каждому по пяти вооруженныхъ казаковъ. (Хуторовъ въ Усть-Хоперской станицѣ свыше 30-ти).

Въ каждомъ постановленіи дѣлалась приписка: «Въ цѣляхъ поддержанія связи, разослать копіи во всѣ станицы округа для свѣдѣнія».

Говорятъ, что читая Усть-Хоперскія постановленія, товарищъ Мироновъ приходилъ въ бѣшенство, кричалъ, рвалъ постановленія, грозилъ карательнымъ отрядомъ, но. . . дальше словъ дѣло пока не шло.

Такимъ образомъ, забронировавъ себя послѣднимъ постановленіемъ отъ активнаго вмѣшательства Усть-Медвѣдицкихъ властей, Усть-Хоперская станица, получивъ названіе

«контрреволюцiонной» и «бѣлогвардейской», стала недвусмысленно готовиться къ возстанiю.

— Вотъ отпахаемся и начнемъ, — говорили казаки. Но время шло, наступали праздники Св. Пасхи, чувствовалось, что если не начнемъ, то будемъ арестованы, ибо слухи уже проникли въ Усть-Медвѣдицу и мѣстные шпiоны-большевики усиленно зачастили свои визиты въ Окружной совѣтъ къ Миронову.

Ждать больше нельзя, все готово, нуженъ только толчокъ, только искра.

Оружiе, посланное изъ Усть-Медвѣдицы въ крестьянскую слободу Чистяковку и перехваченное казаками хутора Каледина и явилось этимъ толчкомъ: «совѣтская власть вооружаетъ «хохловъ» противъ казаковъ!» — пронеслось по всѣмъ хуторамъ станицы; это переполнило чашу терпѣнiя и открыло глаза даже благожелательно смотрѣвшимъ на совѣтскую власть.

Что же въ это время дѣлалось за предѣлами Усть-Медвѣдицкаго Округа? Что дѣлалось на Украйнѣ? Что дѣлалось на югѣ Дона?

Въ этомъ отношенiи Усть-Хоперская была совершенно отрѣзана отъ остального мiра — никакихъ свѣдѣнiй, никакихъ слуховъ. По совѣтскимъ даннымъ все обстоитъ благополучно, все тихо, всѣ довольны. Въ послѣднее время даже газеты, изъ которыхъ раньше можно было почерпнуть койкакiя свѣдѣнiя о событiяхъ на Украйнѣ, стали задерживаться большевикомъ почтмейстеромъ. Правда, промелькнули было слухи, что въ Новочеркасскѣ что-то было на Пасху, что нѣмцы подходятъ къ Каменской, а ѣздившiе въ Обливы за солью казаки хутора Каледина говорили, что слышали, будто бы, орудiйную стрѣльбу къ юго-востоку отъ станцiи Обливской (Суровикино), но свѣдѣнiя эти были какiя-то робкiя, неувѣренныя, провѣрять ихъ было трудно и небезопасно и поэтому они быстро заглохли. Мѣстный же почтмейстер, ярый сторонникъ совѣтской власти, заявлялъ всѣмъ, что все это вздоръ, что всюду спокойно и совѣтская власть установилась прочно и твердо.

На 24 апрѣля былъ назначенъ Съѣздъ Совѣтовъ станицы. Если и это собранiе кончится безъ результата, то ждать боль-

ше нечего. Лошади готовы, отдохнули, перекованы, въ сумахъ заготовлены патроны и провизія: надо уходить на Украйну, тѣмъ болѣе, что получено тайное предупрежденіе отъ одного изъ членовъ Усть-Медвѣдицкаго Окружного Совѣта, что на дняхъ изъ Усть-Медвѣдицы въ Усть-Хоперскую будетъ отправлена вооруженная команда для производства арестовъ, причемъ я долженъ быть арестованъ въ первую голову.

2.

УСТЬ-ХОПЕРСКОЕ ВОЗСТАНІЕ

«Журналъ военныхъ дѣйствій Усть-Хоперскаго отряда»

Начатое 24 апрѣля, на слѣдующій день, т. е. 25-го, мирно протекало совѣщаніе Съѣзда Совѣтовъ станицы Усть-Хоперской, занимаясь разрѣшеніемъ мирныхъ жизненныхъ вопросовъ и задачъ, неразрывно связанныхъ съ наступленіемъ весны. Были и тихіе мирные разговоры, прорѣзались и бурныя пренія, возбуждавшія весь съѣздъ. Но время протекало, проходило возбужденіе и дѣло дѣлалось своимъ обычнымъ порядкомъ.

Предстояло избрать делегатовъ на «Окружный Съѣздъ Представителей Земельныхъ Комитетовъ» и дать имъ соотвѣтствующій наказъ, который являлся бы отзвукомъ на «Общія положенія о земельныхъ комитетахъ».

Особенно не нравился станичникамъ маленькій по размѣрамъ, но огромный по содержанію параграфъ положеній, въ которомъ указывалось на то, что «къ предметамъ вѣдѣнія губернскихъ земельныхъ комитетовъ относится: фактическое изъятіе земли, построекъ, инвентаря, сельскохозяйственныхъ продуктовъ и матеріаловъ изъ владѣнія частныхъ лицъ».

Туманное представленіе о прелестяхъ уравнительно-трудового пользованія землей и инвентаремъ, неясное очертаніе глубинъ соціализма уже и раньше мерещились многимъ казакамъ, не потерявшимъ еще здравый житейскій смыслъ; уже давно нѣкоторые поговаривали, что дѣло привело къ

тому, что у казаковъ только «кизи» казачьи остались; но были еще и такіе, которые утверждали, что «земля есть духъ», что «она не сдѣлана руками человѣка», а потому, слѣдовательно, она и не должна принадлежать никому. Въ то же время, послѣдніе являлись собственниками и твердыми, конечно, собственниками такихъ предметовъ соціальнаго обихода, какъ коровы, лошади, овцы и прочая живность, которая, разумѣется, ни въ коемъ случаѣ не могла быть дѣломъ рукъ человѣческихъ.

Особенное упорство въ отстаиваніи этого положенія проявляло мѣстное иногороднее населеніе — «наплывъ», по выраженію казаковъ. Незначительная, преимущественно пролетарская часть казачьяго населенія старалась поддержать иногороднихъ въ этомъ отношеніи. Такое же, если не хуже, было и отношеніе къ совѣтской власти, къ «красно-гвардіи», какъ ее здѣсь называли, ко всякимъ съѣздамъ совѣтовъ и къ декретамъ нынѣшняго правительства. Тѣ же защитники и тѣ же противники, то же соотношеніе силъ. Особую тревогу въ казачьемъ населеніи вызвалъ тотъ фактъ, что по постановленію Окружного Исполнительнаго Комитета, изъ Усть-Медвѣдицы было отправлено нѣсколько транспортовъ оружія для крестьянской слободы Чистяковки.

Желанія совѣтской власти оказались ясными и мѣры вполнѣ недвусмысленными. Броженіе началось и особенно усилилось послѣ того, какъ вооруженные чистяковцы обстрѣляли чернышевскихъ конвоировъ, которые гнали плѣнныхъ красногвардейцевъ. Чистяковцы хотѣли освободить послѣднихъ. Такой оборотъ дѣла сильно не нравился казакамъ и безоружные чернышевцы, попросивъ помощи у Усть-Хоперцевъ, рѣшили ликвидировать Чистяковское выступленіе. На братскій зовъ въ одинъ моментъ откликнулись казаки хутора Каледина. Подъ руководствомъ подъесаула Шурупова и съ ихъ помощью Чистяковское дѣло было исполнено.

Просьба Чернышевцевъ о помощи въ Усть-Хоперскую станицу была передана въ 2 часа дня 25-го апрѣля Николаемъ Гавриловичемъ Гавриловымъ, который явился на съѣздъ совѣтовъ, доложилъ выборнымъ о ходѣ событій въ раіонахъ станицъ Казанской, Мигулинской и Чернышевской и прочиталъ постановленіе гражданъ хутора Большого объ объявленіи мобилизаціи въ цѣляхъ защиты своихъ интересовъ, освобожденія отъ красной гвардіи и прочей соціальной дребеде-

ни, которой такъ полны въ настоящее время всѣ стороны нашей жизни.

Искра была брошена, братскій зовъ Чернышевцевъ и Большанцевъ былъ услышанъ и въ 3 час. 30 мин. дня соотвѣтственное рѣшеніе было принято и съѣздъ вынесъ постановленіе, копія котораго приводится ниже:

Постановленіе

Съѣзда Совѣтовъ Усть-Хоперской станицы

1918 года, 25-го апрѣля

№ 144.

1. Общее собраніе гражданъ станицы и хуторовъ постановило: не подчиняться существующей совѣтской власти и всѣми мѣрами задерживать красногвардейцевъ.
2. Немедленно приступить къ принудительной мобилизаціи населенія ст. Усть-Хоперской и прилежащихъ къ ней хуторовъ, (мужского пола), вышеозначенныхъ поселеній, способныхъ носить оружіе, отъ 17-ти по 50 лѣтъ включительно. Лицамъ духовнаго званія (священникамъ, дьяконамъ и псаломщикамъ) предоставляется право добровольной мобилизаціи.
3. Сейчасъ же мобилизовать подлежащіе годы, выдать имъ нарѣзное оружіе и патроны находящіеся у населенія; тѣ лица, которыя утаятъ оружіе подвергаются денежному штрафу въ размѣрѣ 500 рублей или 50 розгамъ.
4. Командный составъ долженъ быть изъ офицеровъ, которымъ вмѣняется право распредѣлять между собою всѣ командныя должности.
5. Начальникомъ Гарнизона Усть-Хоперской станицы и прилежащихъ къ ней хуторовъ (кромѣ Большого и Усть-Клинового) назначается Войсковой Старшина Голубинцевъ; Начальникомъ Штаба Гарнизона подпоручикъ Ивановъ и Комендантомъ Гарнизона прапорщихъ Щелконоговъ, которые пользуются правами согласно правилъ стараго устава о военной службѣ.
6. Лица уклоняющіяся по неуважительнымъ причинамъ идти съ возставшимъ населеніемъ на защиту интере-

совъ, а также за отлучку и побѣгъ послѣ объявленія мобилизаціи, подвергаются наказанію вплоть до смертной казни.

Подписалъ: Предсѣдатель Никуличевъ
Товарищъ Предсѣдателя И. Багровъ
Секретарь Токаревъ.

Отвѣтственное рѣшеніе, такимъ образомъ, было вынесено и отъ словъ необходимо было придти къ дѣлу. Первое и самое важное, что было сдѣлано въ этомъ направленіии, это то, что на мѣстный телеграфъ былъ поставленъ контроль, дабы оттуда не могли дать свѣдѣній въ Усть-Медвѣдицу о положеніи на мѣстахъ. Сейчасъ же въ зданіе станичнаго правленія были приглашены офицеры, которые были ознакомлены съ рѣшеніемъ съѣзда совѣтовъ и приглашены руководить народнымъ движеніемъ. Тутъ же, часа черезъ полтора-два, были сформированы конные разъѣзды изъ добровольцевъ и высланы по дорогамъ, ведущимъ къ Усть-Медвѣдицѣ. Ознакомившись съ положеніемъ дѣла, г. г. офицеры отправились на совѣщаніе, результатомъ котораго явился приказъ:

Приказъ

по Гарнизону станицы Усть-Хоперской

25 апрѣля 1918 года

№ 1

1. Сего числа, согласно постановленія станичнаго схода, я принялъ на себя обязанности Начальника Гарнизона ст. Усть-Хоперской.
2. Приказываю подпоручику Иванову вступить въ исполненіе обязанностей Начальника Штаба гарнизона.
3. Поручику Пархоменко принять командованіе формируемой пѣшей сотней.
4. Прапорщикъ Русакъ назначается младшимъ офицеромъ въ пѣшую сотню.
5. Прапорщику Щелконогову вступить въ исполненіе обязанностей Коменданта станицы Усть-Хоперской.

6. Въ составъ гарнизона ст. Усть-Хоперской входятъ хутора: Рыбный, Избушный, Бобровскій и Зимовный, которымъ мобилизоваться сегодня въ ст. Усть-Хоперской. Остальнымъ хуторамъ станицы завтра, 26-го апрѣля, къ 5-ти часамъ вечера прибыть для мобилизаціи на хуторъ Большой, Усть-Хоперской станицы.
7. Сотника Красноглазова назначаю командиромъ формируемой конной сотни.
8. Хорунжій Говорухинъ и прапорщикъ Наумовъ назначаются младшими офицерами въ конную сотню.
9. Зауряд-прапорщика Красноглазова назначаю комендантомъ мѣстной почтово-телеграфной конторы.
10. Зауряд-военному чиновнику Щеголакову состоять въ распоряженіи Начальника Штаба.

Начальникъ Гарнизона
Войсковой Старшина Голубинцевъ

Начальникъ Штаба Подпоручикъ Ивановъ

Такимъ образомъ, народное движеніе получило первичную форму, первичный зародышъ, изъ котораго должна была развиться мощная, истинно народная организація отстаивающая свои права, свою жизнь, свою свободу. Необходимо было дать полную возможность этому зародышу развиться, свободно работать внѣ опасности и внѣ вліянія вреднаго элемента, зараженнаго духомъ преступно-безумнаго большевизма. Важно было, находясь подъ рукой противника, расположившагося въ Усть-Медвѣдицѣ, наскоро создать прочную гарантію для успѣшнаго проведенія мобилизаціи. Это было достигнуто. Временный контроль съ почты былъ снятъ и замѣненъ постоянной комендатурой. Начальникъ почтово-телеграфной конторы былъ арестованъ и отрѣшенъ отъ должности, которую занялъ почтово-телеграфный чиновникъ Гавриловъ. По постановленію схода были арестованы вожаки мѣстной «пролетарщины», среди которыхъ былъ и почтальонъ. Между 4 и 5 часами уже были организованы конные разъѣзды и пѣшіе посты, которые къ этому времени исполняли возложенныя на нихъ задачи и уже къ вечеру результаты этой работы сказались въ томъ, что въ Усть-Хоперскую были доставлены перебѣжчики, несшіе въ противный лагерь

донесенія о событіяхъ происходящихъ въ станицѣ. Но пойманы были не всѣ, нѣкоторымъ изъ нихъ, явно уличеннымъ и уже открытымъ, Куликову Ефиму (лѣтъ 17-18) и Даніилу (по-житейски Долька) Романову (лѣтъ 19-20) удалось добраться до Усть-Медвѣдицы и ударить челомъ всесильному въ то время Миронову, офицеру съ темнымъ и преступнымъ прошлымъ, безпринципному честолюбцу. Подобное паломничество было предпринято и еще кой-кѣмъ изъ мѣстныхъ жителей, между которыми были даже и женщины.

Между тѣмъ формированіе сотенъ происходило ускореннымъ темпомъ и указанные выше перебѣжчики дали Миронову свѣдѣнія о численности уже сформированныхъ къ этому времени частей. Изъ перехваченной телеграммы видно, что противникъ имѣлъ сравнительно точныя свѣдѣнія о численности нашего отряда:

«У аппарата товарищъ Горячихъ и членъ Окружного Исполнительного Комитета Блиновъ».

«Сегодня изъ Усть-Хоперской прибѣгли два бѣженца, которые передали слѣдующее: подполковникъ Голубинцевъ мобилизуетъ отъ 17 до 50 лѣтъ, кто не желаетъ, тѣхъ заставляетъ силою оружія, даже и крестьянъ, пѣхоту и конницу. Пѣхоты въ первый день уже набрали 150 человѣкъ и конницы 100 коней, но пока что, оружія у нихъ очень мало. Въ Вешинскую они послали делегацію за пушками. Есть свѣдѣнія, что у нихъ въ Вешинской... орудій, посты ихъ высланы въ 12 верстахъ отъ Усть-Медвѣдицкой и кромѣ этихъ постовъ заняты хутора Большой, Царица и хуторъ Калединъ, гдѣ арестовали двухъ делегатовъ Чернышевской волости, которые везли двадцать...»

Для огражденія мобилизаціи отъ всякихъ случайностей и для болѣе планомѣрной организаціи отдѣльныхъ боевыхъ частей по юрту станицы Усть-Хоперской были назначены два главныхъ сборныхъ пункта: одинъ изъ нихъ станица Усть-Хоперская, къ которой отнесены были хутора: Рыбинскій, Избушный, Бобровскій и Зимовной; другой — хуторъ Большой, куда должны были отойти остальные хутора станицы. Въ первый же день стали поступать и донесенія отъ разъѣздовъ со свѣдѣніями о противникѣ. Первое донесеніе поступило отъ прапорщика Наумова, начальника разъѣзда № 2, направленнаго въ сторону Усть-Медвѣдицы:

Разъѣздъ № 2. 9 час. 25 мин. вечера. Хут. Кузнечиковъ.
Начальнику Гарнизона ст. Усть-Хоперской.

Доношу, что разъѣздъ № 2 прибылъ благополучно на хут. Кузнечиковъ. Переправа находится на хут. Шемякиномъ,куда послано за ней 7 человѣкъ привести сюда. Хуторской председатель хут. Рыбнаго распорядился выслать 8 человѣкъ для охраны берега и 8 на дорогу. Мнѣ донесено, что этимъ разъѣздомъ задержаны подозрительныя лица стремившіяся переправиться на лодкѣ черезъ Донъ. По частнымъ свѣдѣніямъ, партіи большевиковъ переправляются обратно изъ Усть-Медвѣдицы. Кромѣ того, сообщено, что какой-то Степка Рябой, видимо Степанъ Федоровъ Андреевъ (Буза) отправился на Усть-Медвѣдицу. Желательно узнать, дома ли онъ.

Начальникъ разъѣзда прапорщикъ Наумовъ.

Самое живѣйшее участіе въ организаціи отрядовъ принялъ хуторъ Рыбный, жители котораго, безъ разговоровъ, какъ одинъ человѣкъ примкнули къ народному движенію.

Хуторъ Избушный нѣсколько медлилъ, подъ вліяніемъ агитаціи подхорунжаго Кривова, отдавшаго дань большевизму.

Организація отрядовъ въ хут. Бобровскомъ тормозилась разложившейся частью населенія, подъ непосредственнымъ руководствомъ матроса Анфиногенова, у котораго на хуторѣ было очень много родственниковъ изъ ингородняго и казачьяго сословія; но какъ бы то ни было, сильное чувство, бодрый духъ и сознаніе правоты своего дѣла со стороны здороваго элемента взяли верхъ и упрямое до безсмысленности тяготѣніе къ большевизму въ первый же день было сломано, инертное отношеніе многихъ къ происходившимъ и происходящимъ событіямъ разрушено и еле замѣтное раньше чувство великой и неотвратимой необходимости стало получать все болѣе и болѣе реальныя формы. Чувствовалось безпомощное безсиліе однихъ, преимущественно раздѣляющихъ платформу совѣтской власти, ихъ жалкая, недоумѣвающая растерянность, раскаяніе прозрѣвшихъ «блудныхъ сыновъ», возвратившихся съ фронта, лихорадочность дѣйствій ставшихъ у аппарата налаженія организаціи и яркое, красочное спокойствіе стариковъ, озаренное свѣтлой, яркой и радостной надеждой на успѣхъ въ предпринятомъ дѣлѣ.

Вездѣ и всюду витала эта надежда, эта радость начала воскресенія, и только она одна окрыляла возставшій народъ и заставляла почти совершенно безоружныя части совершить великій подвигъ изгнанія торгующихъ совѣстью изъ предѣловъ родныхъ полей.

А недостатокъ вооруженія былъ поразительный: существовали сотни, въ которыхъ къ моменту выступленія насчитывалось по 12 винтовокъ; пѣшія же части были совершенно безоружны. О средствахъ же необходимыхъ для пріобрѣтенія довольствія и фуража и думать было нечего.

Эта надежда, эта тихая радость и тутъ совершила чудо, послѣ котораго положеніе стало совершенно опредѣленнымъ.

Начальникомъ гарнизона станицы Усть-Хоперской было выпущено слѣдующее:

Воззваніе

къ Вольнымъ хуторамъ и станицамъ Тихаго Дона

Ударилъ часъ. Загудѣлъ призывный колоколъ и Тихій Донъ, защищая свою волю и благосостояніе, поднялся какъ одинъ челловѣкъ противъ обманщиковъ, угнетателей, грабителей мирнаго населенія.

Отцы и братья казаки, въ тяжелое время, въ грозный часъ жизни, ушедшіе на защиту Вашихъ интересовъ да не будутъ оставлены Вами!

Вашъ долгъ и Ваша прямая обязанность накормить бойцовъ сражающихся за Ваши и народные интересы, охраняющихъ тяжелымъ трудомъ добытое Вами добро.

Не пожалѣйте капли хлѣба и провіанта, дабы не отдать потомъ моря Вашего добра, ибо придетъ хамъ, а онъ уже близокъ, и отъ цвѣтущихъ хуторовъ и станицъ останется одинъ пепелъ.

Стоя на стражѣ сражающихся за Васъ, приказываю каждому хутору, каждому поселенію, впредь до особаго распоряженія, наладить на первый случай своими средствами, на своихъ подводахъ подвозъ и доставку провіанта и фуража къ частямъ, мобилизованнымъ изъ этихъ поселеній.

Помните — спорить не время. Каждая минута дорога. Дружно всѣ, какъ одинъ.

За Тихій Донъ!
За Казачью Волю!

Начальникъ Гарнизона ст. Усть-Хоперской
Войсковой Старшина Голубинцевъ

Начальникъ Штаба Подпоручикъ Ивановъ

Это воззваніе среди населенія встрѣтило въ высшей степени теплый пріемъ. Помогали всѣ, кто чѣмъ могъ и какъ могъ.

26-го апрѣля, въ 6 часовъ утра, на имя Начальника гарнизона станицы Усть-Хоперской было получено въ штабѣ слѣдующее донесеніе:

Разъѣздъ № 2. 4 часа 35 мин. утра, х. Кузнечики

Н-ку Гарнизона ст. Усть Хоперской

Доношу, что ночь прошла благополучно. Паромъ доставленъ сюда на хуторъ. При высылкѣ разъѣзда № 1 желательно снабжать казаковъ сѣномъ, т. к. приходится быть въ чистомъ полѣ. Настроеніе жителей къ намъ сочувственное и, по словамъ хуторского предсѣдателя, хуторской сборъ выразилъ вчера готовность защищать казачество.

Начальникъ разъѣзда прапорщикъ Наумовъ.

Вскорѣ была сформирована и конная сотня, командиръ которой, сотникъ Красноглазовъ, получилъ уже предписаніе выступить на хут. Рыбный, отправивъ разъѣзды дальше въ сторону Усть-Медвѣдицы. Одновременно съ этимъ по хуторамъ ст. Усть-Хоперской и нѣкоторымъ хуторамъ ст. Усть-Медвѣдицкой были разосланы воззванія, копіи которыхъ приводятся ниже:

Воззваніе

Отцы и братья казаки!

Пришелъ часъ рѣшить судьбу Тихаго Дона!

Ваше счастье въ вашихъ рукахъ. Казачья доблесть требуетъ отъ Васъ только одного призыва, одного клича:

Къ оружію!

Не дожидайтесь особыхъ приглашенiй. Поднимайтесь всѣ, какъ одинъ человѣкъ, въ единой волѣ, въ единомъ желанiи побѣдить или умереть!

Ибо теперь наша жизнь — наша побѣда!

Наши Мироновы — наша смерть!

Пусть погибнетъ одинъ предатель съ кучкой своихъ подлыхъ приверженцевъ, давъ право на жизнь и на лучшее будущее сотнямъ тысячъ лучшихъ людей!

Казаки, помните о Мироновѣ!

Помните о человѣкѣ, за чечевичную похлебку продавшимъ Донъ и наводнившимъ его разнузданными бандами красногвардейцевъ.

Казаки, помните Чистяковку, помните оружiе, посылаемое для подкрѣпленiя ея въ тылъ Вамъ!

Не забывайте «Iудъ Искарiотскихъ, предавшихъ Васъ на разграбленiе. Оплевавшихъ и опоганившихъ Тихiй Донъ. Съ первыхъ же дней революцiи положившихъ на Васъ пятно измѣнниковъ. Связавшихъ Васъ по рукамъ и по ногамъ. Обезоруживших Вашихъ сыновей и братьевъ для болѣе легкой расправы съ Вами.

Казаки, помните о Мироновцахъ.

Воскресите былую доблесть Донцовъ.

Начальникъ Гарнизона ст. Усть-Хоперской
Войсковой Старшина Голубинцевъ

Начальникъ Штаба Подпоручикъ Ивановъ

Второе

Воззванiе

всѣмъ хуторамъ, совѣтамъ и казакамъ хуторовъ гласило:

«Казаки, въ трудное время недорода на вашихъ поляхъ, каждый день даетъ нашему округу все новыя и новыя шайки пьяныхъ разнузданныхъ красногвардейцевъ, проѣдающихъ ваши народныя деньги, ваши трудовые гроши.

Вашихъ сыновей и братьевъ обезоружили и устранили отъ охраны Родного Края, родныхъ очаговъ, чтобы дать смертоносное оружiе пришлымъ бандамъ хищниковъ, призванныхъ для установленiя порядка и уклада жизни у насъ на Дону.

Помните, отвѣтственное рѣшеніе принято. Всѣ какъ одинъ человѣкъ сплотимся въ единомъ порывѣ, въ единомъ желаніи добыть похищенную у насъ волю и право распоряжаться самимъ собою.

Боритесь за идеалъ свободы своей всѣми средствами, какія найдутся въ вашемъ распоряженіи. Ни одного фунта хлѣба, мяса, пшена грабителямъ красногвардейцамъ. Ни одной капли провіанта для красногвардейскихъ бандъ, ни одного свѣдѣнія, ни одного слова доноса въ вражескій станъ.

Дружно и съ Богомъ впередъ!

Казаки, прошлая доблесть зоветъ Васъ исполнить свой долгъ до конца.

Съ нами рука объ руку идутъ Верхне-Донской, Первый и Второй Донскіе, Черкасскій, Сальскій и все низовье Дона.

Начальникъ отряда ст. Усть-Хоперской
Войсковой Старшина Голубинцевъ

Начальникъ Штаба подпоручикъ Ивановъ.

26 апрѣля начали поступать различныя донесенія, просьбы и постановленія хуторскихъ обществъ, которыя показывали, что и на хуторахъ началась лихорадочная работа по организаціи движенія.

Предсѣдатель хутора Бобровскаго просилъ Начальника гарнизона ст. Усть-Хоперской о разрѣшеніи выставить охрану ввѣреннаго ему хутора изъ переписей стараго возраста, мобилизованныхъ въ хуторѣ. Охрана должна состоять изъ людей честныхъ и стойко охраняющихъ интересы казачества, причемъ все подозрительное должно быть отставлено и отстранено отъ несенія этой отвѣтственной службы.

Хуторское общество хутора Девяткина прислало слѣдующее постановленіе, которое отчасти показалось странноватымъ, ввиду того обстоятельства, что смыслъ его походилъ нѣсколько на занимательное постановленіе присяжныхъ засѣдателей, сводящееся къ формѣ: «не виновенъ, но не заслуживаетъ снисхожденія».

Девяткинцы оказались въ этомъ постановленіи отчаянными службистами и исполнителями постановленія съѣзда совѣтовъ въ ст. Усть-Хоперской: они звонко забряцали мобилизаціоннымъ оружіемъ, угрожая «грабительскимъ бандамъ»

отказомъ въ снисхожденіи, но все же отдали извѣстную дань и, нѣкоторымъ образомъ, «делегаціи». Привожу копію этого постановленія:

Постановленіе

Мы казаки хутора Девяткина на общемъ собраніи 8 сего мая, выслушавъ докладъ предсѣдателя нашего хутора Анфима Герасимова Милашева и постановленіе станичнаго сбора отъ сего числа № 144 о немедленной мобилизаціи всѣхъ казаковъ и лицъ иногородняго вѣдомства отъ 17 до 50 лѣтъ для защиты казачьихъ интересовъ, постановили: согласно постановленія приступить къ мобилизаціи, но такъ как много получено особенно тревожныхъ свѣдѣній о нападеніи какихъ то грабительскихъ партій на окресныя населенія нашихъ казачьихъ хуторовъ, а въ особенности о событіяхъ въ хуторѣ Шемякиномъ и Чистяковской волости, послать делегатовъ въ названный хуторъ и не выступать впредь до тѣхъ поръ, пока не возвратятся делегаты и не освѣтятъ насъ подробно о предстоящихъ опасностяхъ.

Предсѣдатель собранія Милашевъ

Повидимому, пресловутыя делегаціи не вышли еще изъ моды на хуторѣ Девяткиномъ и, вѣроятно, всякіе, хотя бы и спѣшные, дѣла и вопросы разрѣшались словами: «такъ что, нельзя ли делегацію», аргументомъ, которому въ числѣ многихъ другихъ за время «великихъ свободъ» научились фронтовики.

Совсѣмъ иной характеръ носило постановленіе, вынесенное хуторскимъ обществомъ хутора Тюковного. Освободительное движеніе, начавшееся въ станицѣ Усть-Хоперской, было единодушно поддержано Тюковновцами. Они писали:

Постановленіе

Общее собраніе хутора Тюковновскаго, подъ предсѣдательствомъ Хуторского Атамана, Илларіона Крючкова, постановило:

1. Сейчасъ же мобилизовать всѣхъ казаковъ и иногороднихъ лицъ отъ 20 до 50 лѣтъ, для защиты казачьихъ интересовъ и родного края отъ вторженія въ предѣлы

области красной арміи и гвардіи, которая уничтожаетъ и истребляетъ жилища и хозяйство казаковъ.

2. Завтра же, 26 апрѣля, выступить на сборный пунктъ въ х. Большой въ распоряженіе Начальника Гарнизова, войскового старшины Голубинцева.
3. Всѣ казаки, имѣющіе собственныхъ лошадей должны явиться на сборный пунктъ конными, въ полномъ обмундированіи, снаряженіи и вооруженіи у кого таковое имѣется, какъ холодное такъ и огнестрѣльное.
4. Пѣшіе также должны явиться въ тотъ же сборный пунктъ въ полномъ обмундированіи и вооруженіи.
5. При чемъ всѣ казаки должны имѣть провіантъ на три дня.
6. Хуторъ долженъ выслать при выступающемъ отрядѣ три повозки, при чемъ, при нихъ должно находиться по одному казаку.
7. Всѣ подлежащіе мобилизаціи казаки и иногородніе должны безъ всякаго сопротивленія вступить въ ряды. Лица же не подчиняющіеся настоящему постановленію, должны быть объявлены измѣнниками и предателями и немедленно изгнаны изъ предѣловъ Донской Области.
8. Въ случаѣ же появленія дезертировъ изъ нашего хуторского отряда, подобные должны быть немедленно убиты, какъ предатели.

Настоящее постановленіе утверждаемъ нашими подписями

Тюковновскій Хуторской Атаманъ Крючковъ

Граждане хутора — слѣдуютъ подписи.

Постановленіе общества хутора Еланскаго носило не такой страстный характеръ. Оно отличалось наиболѣе спокойнымъ, дѣловитымъ и даже хозяйственнымъ отпечаткомъ въ вопросѣ проведенія мобилизаціи для защиты своихъ интересовъ. Не забытъ былъ даже пастухъ Плѣшаковъ, котораго общество освободило отъ призыва по мобилизаціи. Еланцы писали:

«Общее собраніе гражданъ хутора Еланскаго, въ своемъ полномъ собраніи, отъ 26 апрѣля 1918 года, обсудивъ тяжелое положеніе родного края и согласуясь съ постановленіемъ хут. Горбатова, рѣшило постановить слѣдующее:

1. По обнаружившейся уже опасности рѣшило немедленно принять мѣры къ пресѣченію этой опасности въ корнѣ.
2. Немедленно же мобилизовать всѣхъ годныхъ носить оружіе съ 17-ти лѣтняго возраста до 55 лѣтъ. При чемъ постановили: а) уклоняющіеся отъ мобилизаціи подлежатъ смертной казни; б) за утайку оружія и, вообще, боевыхъ припасовъ, подлежатъ штрафу въ 500 рублей и 50 розгамъ.
3. Командованіе нашей арміей подлежитъ чисто офицерскому составу.
4. Собраніе порѣшило оставить при хуторѣ пастуха Сергѣя Михайловича Плѣшакова.

Настоящее постановленіе общества хутора Еланскаго единогласно принято

Предсѣдатель хут. совѣта Растегаевъ
Секретарь Василій Дубровинъ.

Въ то же самое время и Усть-Медвѣдицкій совѣтъ не оставлялъ Усть-Хоперской станицы безъ своего благосклоннаго вниманія. Какъ бы невзначай и между прочимъ, въ станицѣ было получено высшей степени краснорѣчивое предупрежденіе. Привожу его здѣсь, не мѣняя орѳографіи:

Предупреждение

Я Командующий I-ой Донской Революционной Армией, прибывши в Усть-Медведицу с целью разогнать контр-революционные банды, в виду того что эти банды ушли в сторону, временно уезжая на ст. Себряково для регистрации оружия

Предупреждаю всех граждан что если за время моего отсутствия будут прибывать

Агитаторы белой гвардии

и население будет их поддерживать, а не предовать советской власти, представляя такими действиями возможность контр-революции поднять голову, то я двину всю свою 120.000 армию и не оставлю здесь камня на камне

Командующий I-й Донской Революционной Армией
Горячих.
Ад'ютант Иван Барицков.

1918 года, мая 8 дня н. с.
Усть-Медведица №1415

Усть-Хоперцы остались очень довольны вышеприведеннымъ предупрежденіемъ, тѣмъ болѣе, что послѣднее ясно говорило, какъ о цѣляхъ посѣщенія товарищемъ Горячихъ Усть-Медвѣдицкаго Округа, такъ и о причинахъ его поспѣшнаго отъѣзда въ Себряково. Какъ не горячъ былъ товарищъ Горячихъ, все же въ раскаленномъ воздухѣ юрта ст. Усть-Хоперской, онъ не могъ надолго акклиматизироваться, хотя на извѣстную часть нашего населенія и сумѣлъ навести извѣстное настроеніе.

Пошли толки о томъ, что въ Усть-Медвѣдицу переправилось болѣе 500 человѣкъ соціальной пѣхоты, вооруженной отъ пятъ до зубовъ, что уже къ переправѣ подошли части двухъ кавалерійскихъ полковъ, движущихся въ подкрѣпленіе пѣшимъ краснюгвардейцамъ, что уже на Березкахъ установлены пушки, готовыя привести въ чувство опьянѣвшихъ стариковъ и контрреволюціонеровъ станицы Усть-Хоперской. Охали, вздыхали что дѣло уже пропало, что всѣ мы погибли и т. д. и т. д.

Между тѣмъ, Усть-Медвѣдицкій Исполнительный Комитетъ, во главѣ съ соціалъ гражданиномъ изъ мордобойцъ Мироновымъ, введенный въ курсъ событій, совершающихся въ Усть-Хопрѣ, подкрѣпилъ предупрежденіе товарища Горячихъ обѣщаніемъ порадовать усть-хоперцевъ присылкой въ станицу карательнаго отряда, 26 апрѣля къ 9 часамъ вечера. Это любезное обѣщаніе было передано по телеграфу въ формѣ разговора гражданина Миронова съ предсѣдателемъ совѣта Ф. Никуличевымъ.

Милую бесѣду привожу ниже. Вызванный къ аппарату Никуличевъ говоритъ Усть-Медвѣдицѣ:

— Предсѣдатель Никуличевъ.

— Я, военный комиссаръ, Мироновъ. Я пріѣхать не могъ, ибо получилъ вашу записку вчера въ 2 часа дня. Нѣтъ ли чего интереснаго и непріятнаго у васъ въ станицѣ или хуторахъ?

Никуличевъ: — Все спокойно, интереснаго непріятнаго пока нѣтъ.

Мироновъ: — Что дѣлаетъ въ вашей станицѣ полковникъ Голубинцевъ?

Никуличевъ: — На съѣздѣ совѣтовъ, его съѣздъ просилъ организовать самозащиту от хулигановъ, идущихъ подъ флагомъ красной арміи.

Мироновъ: — Съ которой стороны и откуда они ждутъ этихъ хулигановъ?

Никуличевъ: — Съ верховьевъ Дона.

Мироновъ: — За что арестованы четыре человѣка?

Никуличевъ: — По случаю недовѣрія населенія.

Мироновъ: — Кто именно арестованъ?

Никуличевъ: — Я сейчасъ свѣдѣнія не могу дать. Когда узнаю фамиліи, тогда сообщу.

Мироновъ: — Чѣмъ заслужили эти люди недовѣріе у населенія?

Никуличевъ: — Арестованы они для спасенія ихъ жизни.

Мироновъ: — Сейчасъ у насъ есть бѣглецы изъ проходившихъ черезъ вашу станицу и говорятъ другое — то, что у васъ есть сейчасъ. Большинство членовъ Окружного Совѣта у аппарата, предлагаемъ арестованныхъ выслать сюда и вмѣстѣ съ ними выслать делегацію отъ станицы и отъ сформированнаго Голубинцевымъ отряда для переговоровъ къ 9-ти часамъ вечера сегодня. Если это не будетъ исполнено, всѣ послѣдствія ложатся на товарища Никуличева и его соучастниковъ.

Никуличевъ: — Арестованы они народомъ и безъ разрѣшенія съѣзда выслать ихъ не могу.

Мироновъ: — Безъ разговоровъ выслать арестованныхъ и делегацію. За спину народа не прятаться, такъ дѣлаетъ сволочь въ кавычкахъ, о которой вы не писали.

Никуличевъ: — Я за спину народа не прячусь, а исполняю его волю.

Мироновъ: — Мы члены Окружного Совѣта, по волѣ того же народа, просимъ исполнить нашу просьбу, чтобы не пролить крови того же народа.

Никуличевъ: — Мы крови проливать не думаемъ.

Мироновъ: — Категорически предлагаю исполнить, что сказано, въ противномъ случаѣ силою оружія заставлю исполнить. Просимъ не прикрываться флагомъ красноармейцевъ, пронося свой партизанскій.

Никуличевъ: — Посягательствъ на совѣтскую власть нѣтъ и партизанъ никакихъ нѣтъ. Я состою предсѣдателемъ и всѣ члены на мѣстахъ.

Мироновъ: — Такъ требованія исполнить къ 9 часамъ. Съ появленіемъ карательнаго отряда въ Усть-Хоперской, оружіе сдать безъ выстрѣла. Если это будетъ сдѣлано, то совѣтъ по-

вѣритъ вамъ. Помните, что вся отвѣтственность ложится на васъ. До свиданья.

Въ моментъ веденія переговоровъ станица Усть-Хоперская располагала слѣдующими силами: двумя пѣшими сотнями, сбитыми наспѣхъ изъ людей самаго разнокалибернаго состава, и одной конной сотней.

Пѣшія сотни были совершенно безоружны, одна изъ нихъ, сотня прапорщика Русака, была даже отпущена на домъ, въ хутора Бобровскій и Зимовновскій. О вооруженіи конной сотни также долго говорить не приходится. Словомъ, если бы карательному отряду дѣйствительно вздумалось оказать честь станицѣ Усть-Хоперской своимъ посѣщеніемъ, то винтовкамъ, бомбамъ и пулеметамъ красногвардейцевъ станица могла бы противопоставить около сотни шашекъ, пять-шесть пикъ и 20-30 винтовокъ, среди которыхъ видное мѣсто занимали обыкновенные охотничьи ружья. При такомъ положеніи дѣлъ, перспектива борьбы съ красными не могла обѣщать какихъ-либо положительныхъ результатовъ, тѣмъ болѣе, что скомплектованныя сотни въ большомъ количествѣ были составлены изъ элемента склоннаго къ веденію войны митингами и делегаціями.

Ни одинъ часъ, 26-го апрѣля, не обходился безъ митинга, ни одно приказаніе не исполнялось безъ долгихъ разговоровъ, особенно пѣшими сотнями. Временами казалось, что игру въ освобожденіе отъ совѣтской власти, затѣянную 25-го апрѣля, ожидаетъ судьба мыльнаго пузыря, который подъ вліяніемъ извѣстныхъ причинъ, быстро принимаетъ опредѣленную форму, сохраняющуюся до извѣстнаго предѣла... Какъ скоро наступитъ предѣлъ, за которымъ могла разразиться катастрофа, никто предугадать не могъ. Но съ каждымъ часомъ настроеніе дѣлалось все болѣе и болѣе тревожнымъ, элементъ соціализирующій до большевизма, все выше и выше поднималъ голову, становился все болѣе и болѣе задорнымъ, но все же до рѣшительныхъ дѣйствій съ этой стороны было еще далеко и Усть-Хоперскіе большевики пока еще держались болѣе или менѣе прилично, такъ какъ вчерашній подъемъ заставлялъ ихъ работать за углами и не выступать открыто. Росту тревожнаго настроенія способствовалъ фактъ задержанія Усть-Медвѣцкихъ мясниковъ, которые пріѣхали въ Усть-Хоперскую для заготовки мяса.

Мясники говорили, что на 27 апрѣля имъ заказано доставить мяса на 1000 человѣкъ. Мѣстное населенiе нервничало и эта нервность передавалась штабу, который рѣшилъ, въ случаѣ невозможности задержать противника передъ Усть-Хоперской, отступать съ отрядомъ по дорогѣ на хуторъ Большой, гдѣ шло формированiе отрядовъ двадцати пяти хуторовъ ст. Усть-Хоперской.

Мелкiй упорный дождь, похожiй на осеннiй, еще усиливалъ тревожность настроенiя. Пришлось пережить нѣсколько тревожныхъ часовъ. Освѣдомленный о положенiи станицы войсковой старшина Голубинцевъ, въ 6 час. 20 минутъ вечера писалъ подпоручику Иванову:

«Завтра утромъ прибываю съ хорошо вооруженнымъ коннымъ отрядомъ. Получилъ свѣдѣнiя, что у Миронова 46 человѣкъ конницы, пѣхота вся ушла. Мироновъ вретъ, примите мѣры на всякiй случай. Отрядъ формирую изъ отборныхъ людей — не безпокойтесь.

Делегацiй никакихъ не принимайте. Переговоры будемъ вести тогда, когда ни одной красной сволочи не будетъ въ Усть-Медвѣдицѣ. Населенiе поголовно возстало. Прибыли отряды (подъесаула Шурупова) изъ подъ Чистяковки. Отбито оружiе и 400 головъ скота. Арестованныхъ ни въ коемъ случаѣ не выпускать. Казаки горятъ желанiемъ идти на Усть-Медвѣдицу.

Войсковой старшина Голубинцевъ

Казаки прибывшiе изъ-за Дона говорятъ, что красная гвардiя бѣжитъ, бросая оружiе. Делегацiй не посылать.»

Послѣ вышеприведеннаго сообщенiя командиры конной и пѣшей сотенъ были освѣдомлены о положенiи Усть-Медвѣдицы и получили предписанiе держаться до послѣдней возможности.

Часовъ въ 10 вечера штабъ ст. Усть-Хоперской читалъ слѣдующее:

«Часа черезъ 2-3 прибудетъ въ Усть-Хоперскую 1-я конная сотня. Озаботьтесь квартирами. Фуражъ пусть сегодня дадутъ жители. Къ утру сѣно прибудетъ отсюда. Черезъ 2-3 часа послѣ 1-й сотни прибываетъ 2-я конная

сотня, хорошо вооруженная. Послано за пулеметами. Завтра еще прибудутъ подкрѣпленія. Общій подъемъ.

Войсковой старшина Голубинцевъ.»

Одновременно съ этимъ было получено и распоряженіе о высылкѣ арестованныхъ Ломова, Капустина и почтальона Перфильева съ сыномъ. Арестованные въ ночь были отправлены на хут. Большой. Настроеніе штаба улучшилось. Явилась бодрость и увѣренность въ успѣхѣ.

3.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪѢЗДЪ ВОЛЬНЫХЪ ХУТОРОВЪ И СТАНИЦЪ УСТЬ-МЕДВѢДИЦКАГО ОКРУГА

26 апрѣля, послѣ полудня, на всѣхъ дорогахъ ведущихъ къ хутору Большому видны были конныя и пѣшія группы вооруженныхъ казаковъ, направлявшихся туда для мобилизаціи. Отряды сопровождались подводами съ провизіей. Къ 5-ти часамъ вечера хуторъ Большой представлялъ обширный военный лагерь. На площади у училища хуторскіе атаманы и офицеры провѣряли списки, оружіе, патроны. Хуторскіе отряды сводились въ сотни и передавались назначеннымъ мною командирамъ, которые немедленно уводили свои сотни на квартиры въ указанные раіоны для заканчиванія формированія: разбивки на взводы, назначенія младшихъ начальниковъ, распредѣленія и учета имѣющагося оружія и патроновъ.

Несмотря на темный дождливый день, настроеніе было бодрое, приподнятое и дѣловое. На хуторѣ Большомъ къ этому времени уже была сформирована конная сотня, несшая ближайшую охрану хутора; отъ нея для охраны мобилизаціи и для развѣдки мною были высланы разъѣзды по направленію на Усть-Медвѣдицу и Царицу.

Съ формированіемъ приходилось особенно торопиться, т. к. изъ Усть-Хоперской, черезъ нѣсколько часовъ послѣ моего прибытія на хут. Большой, были получены тревожныя свѣдѣнія, что нервность тамъ усиливается и являлась опасность, какъ бы Усть-Хоперцы не начали войны съ посылки делегаціи.

Слѣдуетъ еще учесть, что хут. Большой, въ связи съ событіями у Чистяковки, мобилизовался еще 24 апрѣля, но сейчасъ же, послѣ порыва, и здѣсь уже началась реакція и страхъ расправы и отвѣтственности уже замѣтно чувствовался.

— Еще бы, какая смѣлость! Объявили войну Россіи! — шептали малодушные.

Вѣсть о мобилизаціи станицы Усть-Хоперской и приглашеніе всѣмъ хуторамъ и станицамъ Усть-Медвѣдицкаго Округа прислать своихъ делегатовъ, въ тотъ же день разнеслась по всѣмъ станицамъ къ югу отъ Дона и 26-го вечеромъ на хуторъ Большой стали прибывать делегаты и представители отъ хуторовъ и станицъ: Усть-Медвѣцкой, Распопинской, Краснокутской, Перекопской, Клѣцкой, Кременской и даже Чернышевской и Ново-Григорьевской. Успѣхъ Усть-Хоперской мобилизаціи произвелъ на всѣхъ огромное впечатлѣніе и поднялъ духъ.

Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія въ ночь съ 26 на 27 апрѣля, въ училищѣ состоялся «Чрезвычайный Съѣздъ Хуторовъ и Станицъ Усть-Медвѣдицкаго Округа».

Выслушавъ мой докладъ о положеніи и о дальнѣйшемъ планѣ дѣйствій, а также докладъ Усть-Хоперскаго делегата И. П. Короткова (впослѣдствіи члена Войск. Круга), Съѣздъ рѣшилъ присоединиться къ Усть-Хоперцамъ и немедленно мобилизовать всѣ станицы и хутора Усть-Медвѣдицкаго Округа, избравъ Начальника Усть-Хоперскаго отряда, войскового старшину Голубинцева Александра Васильевича, «Командующимъ Освободительными Войсками Вольныхъ Хуторовъ и Станицъ, Усть-Медвѣцкаго Округа».

Затѣмъ, по моему предложенію, былъ избранъ «Совѣтъ Вольныхъ Хуторовъ и Станицъ» и Продовольственная Комиссія.

Привожу по памяти постановленіе Съѣзда:

Постановленіе

Чрезвычайнаго Съѣзда Совѣтовъ Вольныхъ Хуторовъ и Станицъ Усть-Медвѣдицкаго Округа

27 апрѣля 1918 г. хут. Большой Усть-Хоп. ст.

№ 1

Чрезвычайный Съѣздъ делегатовъ отъ хуторовъ и станицъ Усть-Медвѣдицкаго Округа, выслушавъ доклады На-

чальника Усть-Хоперскаго отряда войскового старшины Голубинцева и делегата Усть-Хоперской станицы Ив. П. Короткова, постановилъ:

1. Неподчиняться существующей Совѣтской власти и объявить возстаніе противъ Совѣтской власти, съ цѣлью изгнанія красной гвардіи изъ предѣловъ округа и возстановленія казачьей власти.
2. Объявляется мобилизація всѣхъ способныхъ носить оружіе до 50-лѣтняго возраста.
3. Командующимъ Освободительными Войсками Вольныхъ Хуторовъ и Станицъ Усть-Медвѣдицкаго Округа назначается войсковой старшина Голубинцевъ; начальникомъ Штаба подъесаулъ Сучилинъ.
4. По предложенію войскового старшины Голубинцева избирается Совѣтъ Вольныхъ Хуторовъ и Станицъ при Командующемъ Освободительными войсками Усть-Медвѣдицкаго Округа въ составѣ: сотника Веденина, хорунжаго Лащенова, урядника Алферова, казака Алферова и казака Лащенова, съ задачей чинить судъ и расправу и содѣйствовать распоряженіямъ Командующаго Войсками по административной части, безъ права вмѣшиваться въ военныя и оперативныя распоряженія Командующаго Войсками.
5. Избирается продовольственная комиссія в составѣ: о. Николая Попова, Н. Г. Гаврилова и др.
6. Делегатамъ съѣзда немедленно развезти настоящее постановленіе съѣзда и оповѣстить всѣ хутора и станицы для свѣдѣнія и исполненія.

Подписи делегатовъ съѣзда.

Съѣздъ закончился на разсвѣтѣ 27-го апрѣля и делегаты поскакали въ свои хутора и станицы, развозя вѣсть о всеобщемъ возстаніи и призывъ къ мобилизаціи.

Здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое разъясненіе, ибо у многихъ долженъ естественно явиться вопросъ: для чего, собственно, надо было избирать совѣтъ, хотя бы и «бѣлый»?

Слѣдуетъ отмѣтить, что кромѣ положительныхъ сторонъ обстановки были, какъ всегда, и отрицательныя — прибывали делегаціи отъ дальнихъ хуторовъ и станицъ и даже изъ сосѣднихъ округовъ ознакомиться съ ходомъ и характеромъ

возстанія, съ цѣлью и шансами на успѣхъ и т. п., причемъ въ составѣ этихъ делегацій были преимущественно фронтовики. Многіе изъ нихъ открыто заявляли, что они, собственно, не противъ «совѣтовъ», но противъ «красной гвардіи»; отравленные ядомъ свободъ и митинговъ, они еще очень боялись «стараго прижима», дисциплинарной власти начальниковъ и т. п.

Къ сожалѣнію, это были не только казаки, но и нѣкоторые молодые офицеры производства Керенскаго, вошедшіе во вкусъ ролей «предсѣдателей» и «членовъ» всякихъ комитетовъ.

Распускались слухи, какъ бы невзначай, о «старорежимности» бывшаго командира 3-го полка.

Учитывая все это вмѣстѣ взятое, а также отлично зная психологію фронтовиковъ, еще въ началѣ революціи вкусившихъ прелесть распущенности, и наслушавшись за послѣдніе два дня рѣчей и пожеланій, въ которыхъ явно сквозила боязнь «стараго режима», «начальниковъ», какая-то нѣжность и даже благоговѣніе къ моднымъ словамъ «совѣтъ», «предсѣдатель», я рѣшилъ, дабы не скомпрометировать и не погубить движенія въ самомъ его началѣ, потребовать отъ съѣзда избранія совѣта, надѣясь его использовать, какъ ширму въ борьбѣ съ намѣчавшейся уже оппозиціей, какъ политической, такъ и «шкурной», главнымъ образомъ; правда, еще пока робкой и придавленной общимъ подъемомъ. Кромѣ того, имѣя при себѣ совѣтъ, я тѣмъ самымъ «вырывалъ зубы» у оппозиціи и могъ его использовать, проводя въ жизнь мои административныя распоряженія по гражданской части.

Къ сожалѣнію совѣтъ, а главнымъ образомъ, его предсѣдатель, не оправдалъ моихъ надеждъ и скорѣе служилъ мнѣ тормозомъ, чѣмъ помощникомъ. Правда, какъ «фирма», совѣтъ сильно связывалъ красноватую оппозицію и особенно противника, ослабляя ихъ агитацію только однимъ фактомъ своего существованія. Въ первое время совѣтъ состоялъ изъ пяти членовъ: предсѣдателя сотника Веденина, хорунжаго Лащенова, урядника Алферова и еще двухъ казаковъ. Хорунжій Лащеновъ, видя недостатокъ въ офицерскомъ составѣ въ частяхъ, еще въ самомъ началѣ просилъ откомандировать его на фронтъ. Урядникъ Алферовъ, присутствуя какъ-то при пріемѣ мною одной делегаціи изъ Верхне-Донского Окру-

га, глубокомысленно замѣтилъ, что онъ, собственно, по убѣжденію тоже большевикъ, но только «идейный». Стоявшій во главѣ совѣта сотникъ Веденинъ, офицеръ военнаго времени, производства Керенскаго, изъ народныхъ учителей, соціалистъ, съ самаго начала повелъ тайную агитацію противъ меня, какъ «контрреволюціонера» и монархиста. Правда, цѣли онъ не достигъ, казаки отнеслись къ нему враждебно и съ недовѣріемъ, а на хуторѣ Карасевѣ, гдѣ онъ рѣшился задать старикамъ вопросъ: — довѣряютъ ли они бывшему командиру 3-го полка? — его даже прогнали съ майдана и чуть не избили. Затѣмъ, въ тяжелое время, когда красные подходили къ Усть-Медвѣдицѣ, онъ черезъ какую-то сестру милосердія завелъ сношенія съ Мироновымъ. Къ сожалѣнію, я тогда еще не могъ его повѣсить, а впослѣдствіи, когда положеніе окрѣпло, онъ улизнулъ благоразумно куда-то въ тылъ, на югъ. О дальнѣйшей его судьбѣ я свѣдѣній не имѣю.

Несмотря на общій видимый подъемъ, все же не чувствовалось особенной твердости и приходилось быть особенно бодрствующимъ и осторожнымъ въ распоряженіяхъ, балансируя такъ, чтобы не свалиться ни вправо, ни влѣво. Задача у меня была, на первое время, ввиду отсутствія связи съ остальнымъ міромъ и неясной обстановки, рѣзко очерчена: — освободить округъ отъ красныхъ, не навязывая насильно казакамъ того или другого режима или способа управленія. Затѣмъ, по очищеніи округа, созвать Окружный съѣздъ и рѣшить дальнѣйшую судьбу округа. Въ этомъ смыслѣ и даны были мною обѣщанія, въ моей рѣчи, Чрезвычайному съѣзду. Желаніемъ сдержать свое слово объясняется и мой отказъ занять должность Окружного Атамана, вопреки состоявшемуся уже назначенію, этимъ же объясняется и созывъ Окружного Съѣзда, несмотря на отсутствіе необходимости въ немъ и даже на то, что мнѣ изъ Новочеркасска дали понять, что съѣздъ, вообще, лишній, но мнѣ его разрѣшается собрать, если я считаю это по какимъ-либо соображеніямъ желательнымъ; хотя я и раздѣлялъ это мнѣніе, но старый офицерскій принципъ, держаться даннаго слова, заставлялъ меня настаивать на созывѣ съѣзда.

Желая, для пользы дѣла и по обстановкѣ, придать возстанію широко народный характеръ, я, въ первое время, даже не требовалъ обязательной замѣны совѣтовъ атаманами, счи-

таясь съ тѣмъ, что на майданѣ станицы Усть-Хоперской, 25 апрѣля, находились еще ярые до истерики защитники совѣтовъ; тѣмъ не менѣе, черезъ 24 часа ни одного совѣта не было — старики дѣлали свое дѣло.

Впослѣдствіи мои друзья и единомышленники выражали мнѣ свое удивленіе и недоумѣніе, какъ я, царскій офицеръ, убѣжденный монархистъ и консерваторъ, терплю при себѣ «совѣтъ», хотя бы и «почти бѣлый»; не утвердилъ выбраннаго Усть-Медвѣдицей Окружного Атамана, устранялъ иногда блестящихъ и прямыхъ офицеровъ-начальниковъ только потому, что они не могли справиться и ладить съ распущенными казаками. Да, все это было такъ, и дѣлалъ я это съ болью въ сердцѣ, но этого властно требовала обстановка, иначе было нельзя — цѣль оправдывала способы и средства. Я ясно отдавалъ себѣ отчетъ, что всѣ эти мѣры были только временнаго внѣшняго, чисто тактическаго характера, своего рода необходимымъ по времени успокаивающимъ средствомъ для еще частью больного, нервнаго и будирующаго организма, ибо въ толщѣ своей населеніе было глубоко консервативно и «красная лихорадка» только слегка задѣла фронтовую молодежь.

4.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ АРМІЯ ВОЛЬНЫХЪ ХУТОРОВЪ И СТАНИЦЪ УСТЬ-МЕДВѢДИЦКАГО ОКРУГА

Въ первые дни возстанія работа была особенно напряженной, не прекращавшейся даже ночью. Обстановка требовала быстро создать достаточно сильный кулакъ, такъ какъ 26-го апрѣля было получено изъ хутора Горбатова донесеніе, что отступающій изъ Ростова отрядъ Подтелкова — «краснаго атамана Дона» — направляется на Усть-Медвѣдицу и, весьма вѣроятно, будетъ проходить черезъ хуторъ Большой, родной хуторъ Подтелкова, въ которомъ жили его отецъ и жена — «донская царица», по выраженію Большинцевъ.

Кромѣ того, необходимо было срочно послать подкрѣпленія въ Усть-Хоперскую, гдѣ нервность усиливалась, послѣ

моего отъѣзда на хуторъ Большой для проведенія мобилизаціи.

Въ ночь съ 26 на 27 апрѣля, когда еще въ приходскомъ училищѣ хут. Большого шло засѣданіе Чрезвычайнаго Съѣзда Хуторовъ и Станицъ, на площади передъ училищемъ строилась, едва законченная формированіемъ 2-я конная сотня, подъесаула Шурупова, для выступленія въ Усть-Хоперскую. Въ ту же ночь былъ сформированъ штабъ Командующаго Войсками. Начальникомъ штаба мною былъ назначенъ кадровый офицеръ, подъесаулъ Сучилинъ Михаилъ Давидовичъ. На площади передъ зданіемъ штаба взвился большой флагъ Командующаго Освободительной Арміей.

На очереди стояло разрѣшеніе двухъ важныхъ вопросовъ: о довольствіи людей и лошадей и объ оружіи.

Первый вопросъ — разрѣшился пока довольно легко: на хут. Большомъ оказались громадные запасы войскового сѣна, а владѣлецъ мѣстной мельницы, Николай Гавриловичъ Гавриловъ, пошелъ самъ навстрѣчу, предложивъ, на первое время, въ достаточномъ количествѣ муку для печенія хлѣба.

Организаціей, учетомъ и распредѣленіемъ фуража и довольствія, а также организаціей хлѣбопеченія занялась продовольственная комиссія, въ составъ которой, кромѣ другихъ лицъ, входили Н. Г. Гавриловъ и мѣстный священникъ о. Поповъ.

Болѣе остро стоялъ вопросъ объ оружіи. Конныя сотни были вооружены винтовками — одна на трехъ всадниковъ и по 5-10 патроновъ на винтовку. У пѣшихъ хуторскихъ отрядовъ винтовокъ совершенно не было и поэтому я рѣшилъ ихъ отправить пока на свои хутора, возложивъ на нихъ несеніе гарнизонной службы и охрану своихъ хуторовъ. О пулеметахъ и пушкахъ не могло быть пока и рѣчи.

Недостатокъ оружія объясняется тѣмъ, что нѣкоторые полки У.-Медвѣдицкаго Округа, придя съ фронта домой, демобилизовались и неосторожно сдали оружіе въ войсковые склады, находившіеся въ зонѣ краснаго контроля.

Еще 25 апрѣля изъ станицы Усть-Хоперской была послана въ Вешки депутація просить оружія, но надежды на скорое полученіе было мало, поэтому я рѣшилъ попытать счастья и достать его у нѣмцевъ, по слухамъ, занимавшихъ станцію Чертково. Съ этой задачей былъ посланъ подъесаулъ Грошевъ; миссія его увѣнчалась успѣхомъ и черезъ нѣсколь-

ко дней, а именно 7-го мая, я получилъ первый транспортъ оружія: 8 пулеметовъ, нѣсколько сотъ винтовокъ и 50 артиллерійскихъ снарядовъ. Съ полученіемъ оружія хуторъ Большой принялъ оживленный видъ: застучали мастерскія, исправляя и налаживая оружіе, обучались вновь созданныя команды пулеметчиковъ и молодыхъ казаковъ.

27-го апрѣля мною былъ выпущенъ 1-й приказъ Войскамъ Вольныхъ Хуторовъ и Станицъ Усть-Медвѣдицкаго Округа съ объявленіемъ о моемъ вступленіи въ командованіе возставшими казаками. Въ приказѣ была объявлена цѣль возстанія, общая обстановка и даны общія директивы по организаціи борьбы. Предписывалось старшимъ офицерамъ, находящимся въ станицахъ Распопинской, Клѣцкой, Кременской, Краснокуцкой, Перекопской и Н.-Григорьевской (послѣдняя 2-го Донск. Округа) организовать оборону и, вступивъ въ командованіе, со званіемъ Начальниковъ Обороны, въ раіонахъ своихъ станицъ, немедленно произвести мобилизацію населенія; сформировать сотни и полки; связаться съ сосѣдями вправо и влѣво; вести развѣдку и ежедневно два раза присылать подробныя донесенія объ общей обстановкѣ, о противникѣ и о настроеніи жителей. Были высланы разъѣзды въ Верхне-Донской Округъ и на югъ для розыска и связи съ отрядами 2-го Донского Округа.

Къ вечеру, 27 апрѣля, въ моемъ распоряженіи было 8 сформированныхъ конныхъ сотенъ, вооруженныхъ на $^1/_3$ винтовками съ 5-10 патронами на каждую винтовку, двѣ пѣшихъ сотни и 25 хуторскихъ отрядовъ, почти безоружныхъ, и конвойная полусотня изъ Тюковновцевъ. Пѣхота по недостатку оружія была отправлена временно въ свои хутора для обученія. Конница распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: двѣ сотни въ Усть-Хоперской для обороны станицы и развѣдки на У.-Медвѣдицу и на сѣверъ, одна сотня несла службу летучей почты на хут. Горбатовѣ съ развѣдкой на югъ и юго-востокъ, и четыре сотни въ резервѣ на хут. Большомъ.

Чувствовалось, что положеніе крѣпло и можно было взяться и за Усть-Медвѣдицу. Прибывшія въ Усть-Хоперскую подкрѣпленія сильно подняли духъ Усть-Хоперцевъ и они уже нетерпѣливо спрашивали, когда же будемъ брать Усть-Медвѣдицу.

5.

ВЗЯТІЕ УСТЬ-МЕДВѢДИЦЫ

28 апрѣля, около полудня, я отдалъ приказъ о наступленіи на Усть-Медвѣдицу. Атака была назначена на разсвѣтѣ 29-го, для чего было приказано:

1. **Подъесаулу Говорухину Вас. Мих.**, 28 апрѣля вечеромъ, съ наступленіемъ темноты, съ двумя пѣшими сотнями и одной конной выступить изъ Усть-Хоперской на Усть-Медвѣдицу, наступая по правому берегу Дона съ такимъ разсчетомъ, чтобы на разсвѣтѣ атаковать Усть-Медвѣдицу.

2. **Сотнику Красноглазову,** съ конной сотней, ночью, у хутора Кузнечики, переправиться на лѣвый берегъ Дона, съ задачей отрѣзать путь отступленія краснымъ изъ Усть-Медвѣдицы.

3. **Есаулу Говорухину Фед. Ив.**, 28 апрѣля, въ 14 часовъ, съ двумя конными сотнями, выступить изъ хут. Большого въ раіонъ хуторовъ Царицы, гдѣ сдѣлать привалъ и оттуда начать наступленіе на Усть-Медвѣдицу, съ такимъ разсчетомъ, чтобы на разсвѣтѣ 29-го апрѣля атаковать Усть-Медвѣдицу съ юга, одновременно съ Усть-Хоперцами.

Ободренные успѣхомъ мобилизаціи, Усть-Хоперцы погорячились и не дождавшись выхода обходной колонны сотника Красноглазова въ тылъ Усть-Медвѣдицѣ и подхода со стороны Царицы двухъ конныхъ сотенъ есаула Говорухина, еще до наступленія разсвѣта, ночью, сбивъ и захвативъ заставы красныхъ, заняли Усть-Медвѣдицу.

Окружному комиссару Ф. Миронову съ приверженцами и частью красногвардейцевъ удалось бѣжать въ слободу Михайловку.

Перебивъ часть красныхъ, Усть-Хоперцы захватили первые трофеи: 5 пулеметовъ, 400 винтовокъ и 150 плѣнныхъ.

Овладѣвъ Усть-Медвѣдицей, первымъ дѣломъ повстанцы бросились къ тюрьмѣ и освободили политическихъ узниковъ, главнымъ образомъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ доблестный партизанъ, сотникъ Долговъ, впослѣдствіи войсковой старшина и командиръ одного изъ Усть-Медвѣдицкихъ конныхъ полковъ (убитъ въ 1920 году, въ бою у станицы Константиновской, въ отрядѣ полк. Ф. Назарова).

Съ захватомъ Усть-Медвѣдицы, я объявилъ мобилизацію

всему Округу. За Донъ были посланы офицерскіе разъѣзды съ задачей поднять населеніе и произвести мобилизацію.

Сравнительно хуже, чѣмъ въ другихъ станицахъ, шла мобилизація въ Усть-Медвѣдицѣ. Такого порыва, какъ у Усть-Хоперцевъ, далеко не было; мобилизовались медленно, неохотно, выжидая дальнѣйшихъ событій, выясненія дальнѣйшей обстановки; чувствовалась какая-то нерѣшительность, даже офицеры не всѣ явились на регистрацію, что побудило меня выпустить рѣзкій приказъ, съ угрозой преданія полевому суду всѣхъ уклоняющихся отъ исполненія своего долга.

Пассивность Усть-Медвѣдицы вызывала рѣзкія нареканія Усть-Хоперцевъ. Съ захватомъ Усть-Медвѣдицы, казалось, наступательный порывъ у казаковъ исчезъ и поднять ихъ на энергичное преслѣдованіе противника не представлялось возможнымъ. Все пока держалось на исключительной доблести и самопожертвованіи офицеровъ, учащейся молодежи и особенно стариковъ, своимъ авторитетомъ вліявшихъ на фронтовиковъ.

Особенно слѣдуетъ отмѣтить энергію и дѣятельность нѣкоторыхъ офицеровъ: подъесаула Бабкина (убитъ въ 18 году), сотника Долгова (убитъ въ 20 году), подъесаула Емельянова (убитъ въ 18 году), подъесаула Алексѣева, есаула Гордѣева, подъесаула Забазнова, сотника Попова, гв. сотника Рубашкина (впослѣдствіи генерала и начальника дивизіи), есаула Коновалова и многихъ другихъ.

Въ первый же день по занятіи Усть-Медвѣдицы, подъесауломъ Бабкинымъ былъ сформированъ изъ мѣстной учащейся молодежи партизанскій отрядъ, силою въ 100 человѣкъ; почти одновременно съ нимъ изъ учащихся, охотниковъ казаковъ и офицеровъ станицы Клецкой, сотникъ Долговъ формируетъ второй партизанскій отрядъ, такой же численности. Въ первые же дни подъесаулъ Емельяновъ сформировалъ конную сотню изъ казаковъ добровольцевъ; и по общецй мобилизаціи, изъ Усть-Медвѣдицкихъ казаковъ станицы и прилегающихъ хуторовъ, началъ формироваться Усть-Медвѣдицкій конный полкъ.

На радостяхъ, послѣ освобожденія станицы, собрался мѣстный поселковый Усть-Медвѣдицкій сходъ и избралъ Окружнымъ Атаманомъподъесаула X. (фамиліи не помню).

Присланное на другой день мнѣ постановленіе объ избраніи на утвержденіе, я не могъ утвердить, хотя кандидатъ

былъ вполнѣ достойный офицеръ, и отмѣнилъ выборы, мотивируя свое несогласіе тѣмъ, что въ выборахъ принимала участіе лишь одна Усть-Медвѣдицкая станица, даже безъ участія своихъ хуторовъ и, такимъ образомъ, конечно, не могла выражать воли не только всѣхъ свободныхъ станицъ Округа, но даже одной Усть-Медвѣдицкой станицы въ цѣломъ.

Но главнымъ образомъ я отмѣнилъ выборы потому, что считалъ еще несвоевременнымъ назначеніе Окружного Атамана, такъ какъ это дало бы поводъ и лишній козырь для агитаціи краснымъ всѣхъ оттѣнковъ, еще не изжившихъ революціи, о возвращеніи къ старому режиму и т. п., ибо среди казаковъ и, особенно, мѣстныхъ «интеллигентовъ» еще было много такихъ, которые говорили, что они борятся, собственно, не съ совѣтской властью, а съ «красной гвардіей» и что они тоже большевики, но только «идейные» прочее... Но чтобы все же установить гражданскую власть въ Округѣ, я на другой день пригласилъ въ Окружное правленіе мѣстныхъ нотаблей и, ознакомившись съ положеніемъ и желаніями, назначилъ «Завѣдующимъ Дѣлами Управленія Окружного Атамана» гв. подъесаула Хрипунова, мѣстнаго жителя и бывшаго юриста, которому предложилъ немедленно вступить въ исполненіе обязанностей и наладить и возстановить разшатанный революціей порядокъ. Начальникомъ полиціи назначилъ полковника Попова.

Въ дальнѣйшемъ, во внутреннюю жизнь Усть-Медвѣдицы я не вмѣшивался, предоставивъ гражданскую власть подъесаулу Хрипунову.

Станицы по правому берегу Дона: Распопинская, Клѣцкая, Перекопская, Кременская и 2-го Донск. Округа Н. Григорьевская, получивъ мой приказъ о мобилизаціи, сейчасъ же приступили къ формированію конныхъ и пѣшихъ сотенъ подъ руководствомъ Начальниковъ Обороны, изъ старшихъ офицеровъ, находившихся въ данный моментъ на мѣстахъ. Мобилизація шла успѣшно, лишь не хватало винтовокъ и пулеметовъ, и я былъ заваленъ просьбами отъ станицъ о скорѣйшей присылкѣ оружія. Совѣты почти всюду были уничтожены: вновь появились станичные и хуторскіе атаманы. Отъ всѣхъ станицъ за Донъ были высланы разъѣзды для развѣдки и поднятія возстанія.

Въ первые же дни, послѣ Усть-Хоперскаго возстанія, по рѣкѣ Куртлаку, къ юго-востоку отъ хут. Большого, мобилизовались казаки прилежащихъ хуторовъ и составили Куртлакскую Группу, подъ командованіемъ гв. есаула Сутулова. Въ первой половинѣ мая, есаулъ Сутуловъ прибылъ на хут. Большой съ просьбой объ оружіи. Я удѣлилъ ему часть винтовокъ и два пулемета изъ перваго транспорта оружія, полученнаго отъ нѣмцевъ. Куртлакская группа получила задачу вести развѣдку на югъ и востокъ и связаться съ 2-мъ Донскимъ Округомъ, гдѣ по слухамъ также началось возстаніе.

Что же касается задонскихъ станицъ, по рѣкѣ Медвѣдицѣ, то тамъ еще господствовалъ страхъ передъ Мироновымъ, колебаніе и нерѣшительность, еще много голосовъ было за «нейтралитетъ». Мобилизованные тамъ отряды были ненадежны и малочисленны; являлись еще смѣлые агитаторы и сторонники большевиковъ, главнымъ образомъ, изъ иногородныхъ, осмѣливавшіеся вызывающе выступать на майданѣ станицы Кепинской съ рѣчами противъ мобилизаціи и борьбы съ «народной властью».

Для прекращенія въ корнѣ опасной заразы пришлось примѣнять круты ямѣры для вразумленія однихъ и острастки другхъ, слишкомъ ярыхъ сторонниковъ совѣтской власти.

Общее положеніе послѣ занятія Усть-Медвѣдицы было слѣдующимъ: красные отряды, выбитые изъ Усть-Медвѣдицы, поспѣшно отошли къ Михайловкѣ; туда же бѣжалъ и Мироновъ со своими «главковерхами». По пути Мироновъ, задержавшись для смѣны лошадей на почтовой станціи въ станицѣ Арчадинской, страшно нервничалъ, торопился, волновался, грозилъ присылкой большихъ карательныхъ отрядовъ. . .

Раіонъ Округа за Дономъ, между лѣвымъ берегомъ Медвѣдицы и Дономъ, до станицы Кепинской включительно, былъ очищенъ отъ красной администраціи и отрядовъ и занятъ нашими разъѣздами, высланными для производства мобилизаціи.

Станицы же по правому берегу рѣки Медвѣдицы: Глазуновская, Скуришенская, Арчадинская еще были заняты красными, получавшими директивы изъ Михайловки.

Мироновъ, оправившись послѣ перваго пораженія и получивъ подкрѣпленіе матросами со станціи Филоново, а также мобилизовавъ мужиковъ въ слободахъ Михайловкѣ, Си-

дорохъ и другихъ крестьянскихъ слободахъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ желѣзной дороги Филоново-Царицынъ, 2-го мая предпринимаетъ усиленную развѣдку съ цѣлью перехода вновь въ наступленіе на Усть-Медвѣдицу. Сѣть красныхъ отрядовъ, высланныхъ изъ Михайловки, усиленныхъ матросами, 3-го мая занимаетъ станицы Глазуновскую, Арчадинску юи Скурьшенскую.

Съ 4-го мая начинаются столкновенія нашихъ передовыхъ частей и разъѣздовъ съ перешедшими въ наступленіе красными, сначала у станицы Кепинской, гдѣ въ конной атакѣ былъ убитъ доблестный сотникъ Емельяновъ, затѣмъ въ станицѣ Глазуновской, куда на разсвѣтѣ, разъѣздъ Усть-Хоперцевъ въ 28 коней, налетѣвъ на станицу, захватилъ плѣнныхъ, лошадей, телефонное имущество и далъ возможность бѣжать находившимся въ станицѣ, подъ наблюденіемъ красныхъ, офицерамъ 3-го Донского Казачьяго Ермака Тимофеева полка, остававшимс явъ ст. Глазуновской послѣ роспуска полка по домамъ.

5-го мая, у хут. Зимняцкаго партизанскій отрядъ подъесаула Бабкина, до поздней ночи, неся большія потери убитыми и ранеными, оказывалъ упорное сопротивленіе превосходившему по численности и вооруженію отряду матросовъ. Въ этомъ бою былъ убитъ начальникъ отряда, доблестный подъесаулъ Бабкинъ. Въ командованіе вступилъ подъесаулъ Алексѣевъ, долгое время затѣмъ блестяще руяоводившій боевой дѣятельностью отряда.

Тѣсня наши малочисленныя, почти лишенныя патроновъ части, красные упорно наступали на Усть-Медвѣдицу.

6-го мая донесенія съ фронта были одно тревожнѣе другого. Наши части, подъ напоромъ противника, медленно приближались къ Дону. Тишина темной, теплой майской ночи лишь изрѣдка нарушалась рѣзкими ружейными выстрѣлами. Усть-Медвѣдица агонизировала. Отходившіе за Донъ отряды еще болѣе усиливали нервность и подавленность. Настроеніе падало. Необходимъ былъ новый импульсъ, новый толчокъ для поднятія духа и энергіи.

6.

ВЪ СТАНИЦѢ ГЛАЗУНОВСКОЙ

Для того, чтобы дать представленіе о настроеніи казаковъ и о положеніи въ станицахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ р. Дона, я, на основаніи личныхъ впечатлѣній и докладовъ г. г. офицеровъ, остановлюсь на описаніи жизни и событій въ станицѣ Глазуновской, послѣ прихода туда съ фронта 3-го Донского Казачьяго Ермака Тимофеева полка, одного изъ наиболѣе крѣпкихъ полковъ донской конницы.

3-й Донской Казачій полкъ, одинъ изъ блестящихъ полковъ Императорской Арміи, гордый своими боевыми дѣлами и желѣзной дисциплиной, овѣянный боевой славой дѣдовъ, еще со временъ Шантрабена; почти напололвину состоящій изъ георгіевскихъ кавалеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и извѣстный всей Россіи Кузьма Крючковъ, первый георгіевскій кавалеръ Великой Войны, находился въ резервѣ, въ Бессарабіи, въ окрестностяхъ города Болграда, залѣчивая свои раны и отдыхая послѣ боевъ и славныхъ дѣлъ въ Восточной Пруссіи, Галиціи, Карпатахъ, Полѣсьѣ и Добруджѣ, гдѣ у деревни Каранасуфъ, конной атакой двухъ сотенъ, есауловъ Голубинцева и Красовскаго, опрокинулъ, изрубилъ и забралъ въ плѣнъ, укрѣпившихся въ деревнѣ 7-ю и 8-ю роты и пулеметную команду 53 пѣхотнаго болгарскаго полка и, развивая успѣхъ, очистилъ весь раіонъ, занятый частями болгарской конницы генерала Колева. Вездѣ и всюду славныя и славныя дѣла. Духъ отцовъ виталъ въ рядахъ полка.

Революція... Съ грустью выслушали казаки вѣсть объ отреченіи Императора, опустились чубатыя головы.

Временное Правительство... Приказъ № 1-й, затѣмъ несчастье Россіи — Керенскій, затѣмъ большевики...

Развалъ... Не стало фронта и полкъ, по зову Атамана Каледина, сохранивъ полную дисциплину, во всеоружіи, во главѣ съ командиромъ полка, войсковымъ старшиной Голубинцевымъ, со всѣми офицерами, 12 декабря 1917 года, со станціи Бѣльцы тронулся на Донъ.

Никто по пути не осмѣлился остановить или задержать полкъ, и только когда полкъ подходилъ къ станціи Лозовая, изъ Полтавы и Харькова, чтобы перенять полкъ, шедшій, по мнѣнію большевиковъ, къ атаману Каледину на помощь,

двинуты были четыре эшелона большевиковъ. Торопясь домой и не желая ввязываться въ бой и задерживаться, полкъ не пошелъ навстрѣчу краснымъ, а, занявъ станцію Лозовую, остановился для обороны и затѣмъ, разобравъ за собою желѣзнодорожный путь на четыре версты, черезъ два дня безпрепятственно двинулся дальше.

Вотъ уже близокъ Донъ, но надо проѣхать красный Царицынъ, гдѣ сидитъ товарищъ Мининъ. Головной эшелонъ, — двѣ сотни и учебная команда, — подъ общей командой есаула Красовскаго, былъ двинутъ командиромъ полка на Царицынъ съ директивами дѣйствовать по обстановкѣ.

Медленно эшелонъ подходитъ къ перрону. Вокзалъ запруженъ сѣрой солдатской массой, щелкающей сѣмечки. Закрытые вагоны; ни одного казака снаружи; таинственная тишина насторожила всѣхъ и удивила. Изъ класснаго вагона выходитъ начальникъ эшелона, за нимъ слѣдуютъ въ полной формѣ, съ шевронами и георгіевскими крестами, два ординарца и направляются въ городъ, въ находившійся недалеко отъ вокзала военно-революціонный комитетъ. Толпа солдатъ на перронѣ съ удивленіемъ разступается, давая дорогу.

Въ военно-революціонномъ комитетѣ начальникъ эшелона требуетъ дать паровозъ для слѣдованія дальше. На предложенные въ военно-революціонномъ комитетѣ вопросы и поставленныя условія, начальникъ эшелона не счелъ нужнымъ давать объясненій, а подтвердилъ категорически свое требованіе — дать немедленно паровозъ для дальнѣйшаго слѣдованія, угрожая въ случаѣ задержки или отказа эксцессами, которые могутъ быть крайне печальными для военно-революціоннаго комитета. Увѣренность въ собственныхъ силахъ и настойчивость произвели впечатлѣніе и путь полку былъ открытъ.

Рождество. Полкъ въ родной станицѣ Глазуновской. Но дома не все благополучно: большевики нахлынули на Донъ. Событія быстро чередуются къ худшему. Въ Усть-Медвѣдицѣ смѣненъ Окружной Атаманъ и тамъ властвуетъ военный комиссаръ, измѣнникъ и предатель, войсковой старшина Мироновъ. Въ слободѣ Михайловкѣ, населенной мужиками, уже прочно обосновалась красная рвань. Въ январѣ въ Михайловкѣ звѣрски убито 36 офицеровъ. Казаки колеблятся, видъ смущенный, смотрятъ хмуро. Вѣсть о смерти Каледи-

на. Общая растерянность. Начались митинги, созываемые Усть-Медвѣдицкими гастролерами, на которыхъ восхваляется совѣтская власть, завоеванія революціи, сулятся всякія блага, уговариваютъ казаковъ выбрать командный составъ, дабы не показать себя «несознательными» и не отстать отъ революціи.

На одномъ изъ митинговъ, пріѣзжій изъ Усть-Медвѣдицкаго Революціоннаго Комитета, чумазый солдатъ и еще какой-то делегатъ предлагаютъ полку выбрать новаго командира: «товарищи, выбирайте казачка, зачѣмъ обязательно офицера, вотъ мы въ Усть-Медвѣдицкомъ комитетѣ, хотя и малограмотные, а работаемъ же, оно, правда, трудновато, но справляемся!»

Нѣсколько казаковъ хмуро заявляютъ, что они довольны командиромъ и нѣтъ надобности выбирать новаго. «Да, это такъ, товарищи, — заявляетъ усть-медвѣдицкій делегатъ, — можетъ быть онъ и хорошъ, но все же онъ баринъ, лучше бы своего, трудового казака».

Наконецъ, послѣ долгихъ дебатовъ и пререканій, не желая, повидимому, ударить лицомъ въ грязь и показать себя «несознательными», рѣшаютъ: «просить командира полка и г. г. офицеровъ прибыть на митингъ полка».

Здѣсь командиру полка, войсковому старшинѣ Голубинцеву, усть-медвѣдицкіе делегаты ставятъ вопросъ: — согласенъ ли онъ вести полкъ въ Михайловку для борьбы съ контръ-революціонными бандами, наступающими съ сѣвера?

Командиръ отвѣтилъ, что считаетъ войну законченной, а на братоубійственную войну онъ полкъ не поведетъ.

Такой отвѣтъ казакамъ, уставшимъ отъ войны, импонировалъ, но делегаты и кучка своихъ крикуновъ настояли на своемъ. Начались выборы командира полка. Войсковой старшина Голубинцевъ ушелъ домой. «Честь» выборного командира была предложена по очереди всѣмъ офицерамъ, но всѣ категорически отказались. Среди подхорунжихъ и вахмистровъ также не нашлось охотника баллотироваться въ командиры.

Послѣ долгихъ споровъ пришли къ заключенію: «просить опять полковника Голубинцева». Избрали делегацію.

— Теперь онъ пошлетъ всѣхъ васъ къ такой-то матери, а насъ выгонитъ! — заявили делегаты и отказались идти.

Начались споры. Митингъ затянулся. Простоявъ нѣсколь-

ко часовъ на морозѣ безъ результата, казаки мало по малу разбѣжались по домамъ. Оставшаяся кучка, человѣкъ 30, избрала командиромъ полка нестроевого казака Семена Пономарева, портного изъ очень бѣдной и мало почтенной семьи.

«Дома у него не за что коня привязать!» — говорили про него казаки.

Товарищъ Мироновъ, между тѣмъ, настойчиво требуетъ полкъ въ Михайловку, обѣщая деньги, сахаръ, одежду и т. п.

Учитывая общее положенiе и настроенiе казаковъ и имѣя еще ранѣе соотвѣтствующiя инструкцiи отъ Войскового Атамана генерала Каледина, командиръ полка, войсковой старшина Голубинцевъ, отдалъ приказъ объ увольненiи всѣхъ казаковъ полка въ безсрочный отпускъ съ оружiемъ. Въ тотъ же вечеръ и ночью, благодаря старанiю командировъ сотенъ и офицеровъ, казаки, получивъ отпускные билеты и жалованье, разъѣхались по домамъ. Остался лишь для ликвидацiи казеннаго имущества «военно-революцiонный комитетъ», въ который, по секретному предписанiю командира полка, съ цѣлью сохраненiя имущества отъ расхищенiя, да и вообще, какъ сдерживающее начало, вошелъ подъесаулъ Поповъ, Владимiръ Вас. (убитъ въ бою подъ Царицыномъ). Г. г. офицерамъ дана была возможность уѣхать, кто куда пожелалъ.

На другой день послѣ выборовъ, новый «командиръ», исполняя волю Миронова, приказалъ полку къ 8 час. утра собраться въ станицѣ Скуришенской для слѣдованiя въ Михайловку; но на сборный пунктъ прибыли только «командиръ» и два казака, жившихъ съ нимъ на одной квартирѣ, а остальные казаки полка уже были у себя на хуторахъ или оставались въ Глазуновской, совершенно игнорируя распоряженiе и считая себя въ законномъ отпуску.

Черезъ нѣсколько дней, 15 февраля, войсковой старшина Голубинцевъ уѣхалъ въ Усть-Хоперскую станицу, давъ соотвѣтствующiя инструкцiи остававшемуся въ Глазуновской есаулу Красовскому. Большая часть г. г. офицеровъ также разъѣхалась по домамъ. Простились офицеры съ казаками очень миролюбиво и даже сердечно. Уѣзжавшiй въ Усть-Медвѣдицу командиръ 4-й сотни, есаулъ Коноваловъ Андроникъ, при прощанiи сказалъ казакамъ пророческую фразу: «Погодите, весною насъ еще позовете!»

Характерно отмѣтить, что вскорѣ послѣ выборовъ командира, къ войсковому старшинѣ Голубинцеву явился штабъ-трубачъ Черниковъ, членъ полкового военно-революцiоннаго комитета, одинъ изъ наиболѣе, казалось бы, сочувствовавшихъ новымъ порядкамъ, съ просьбой о разрѣшенiи ему вступить въ бракъ.

— Зачѣмъ ты ко мнѣ обращаешься, — замѣтилъ ему войсковой старшина Голубинцевъ, — теперь у васъ есть выборный командиръ, къ нему и отправляйся!

— Что Вы, Ваше Высокоблагородiе, — взмолился Черниковъ, — смѣетесь, какъ я могу обращаться за разрѣшенiемъ къ такой сволочи? Мнѣ надо разрѣшенiе отъ настоящаго командира, а не отъ Семки Пономарева!

Итакъ, казаки разъѣхались по домамъ, остался военно-революцiонный полковой комитетъ, которому власть была, видимо, по душѣ. Но ни авторитетомъ, ни уваженiемъ революцiонный комитетъ не пользовался, ибо болѣе хозяйственные казаки разъѣхались по своимъ хуторамъ и занялись хозяйствомъ, а въ комитетѣ осталась лишь «голь», которой домой незачѣмъ было особенно торопиться.

Для характеристики отношенiя казаковъ къ комитету приведу еще одну сцену:

Едва только комитетъ приступилъ къ ликвидацiи имущества полка, какъ отъ казаковъ стали поступать требованiя объ удовлетворенiи ихъ лошадями, въ обмѣнъ за убитыхъ или пришедшихъ въ негодность. Въ числѣ другихъ, требуя коня, явился въ комитетъ казакъ Иванъ Хрипуновъ, георгiевскiй кавалеръ, бѣжавшiй изъ нѣмецкаго плѣна, побывавшiй въ Голландiи, въ Англiи и, наконецъ, явившiйся въ полкъ.

«Подожди, Ваня, дай разобраться, — говоритъ предсѣдатель комитета, приказный Мокровъ, бывшiй денщикъ, утирая рукавомъ мокрый лобъ. — Видишь какъ трудно, у насъ на лбу каплями потъ выступаетъ, работаемъ не покладая рукъ и никакъ не поспѣваемъ».

«Удивительно, — отвѣчаетъ Хрипуновъ, — былъ командиръ и одинъ всѣ успѣвалъ дѣлать, а васъ тридцать дураковъ, получаете по 30 рублей суточныхъ каждый и ничего не можете дѣлать, сволочи!»

«Да ты не ругайся, не то, знаешь, мы съ тобой справимся

и заставимъ уважать комитетъ!» — загорячился было предсѣдатель, принимая угрожающій тонъ.

«Коня, сволочи!» — кричитъ расходившійся Хрипуновъ и бросается съ плетью на предсѣдателя.

Произошла свалка и, наконецъ, торжествующій Хрипуновъ, при всеобщемъ одобреніи и хохотѣ, отправляется къ себѣ на хуторъ.

Настроеніе у стариковъ было угнетенное подавленное — не того ждали они отъ войны. Они ждали возвращенія своихъ сыновъ покрытыхъ славою побѣдъ, подъ звонъ колоколовъ, ждали грамотъ Высочайшихъ, молебновъ, славы, парадовъ, гульбы и проч. и проч. На дѣлѣ же полное разгильдяйство, непризнаваніе ихъ авторитета, порицаніе того, во что они вѣрили, въ чемъ они видѣли весь смыслъ и радость жизни. . .

Къ оставшимся въ станицѣ офицерамъ отношеніе стариковъ было сочувственное и очень даже, да и фронтовики въ большинствѣ быьи солидарны съ стариками. Мутила рвань, кучка негодяевъ, по большей части даже не нюхавшихъ пороху, нестроевые, обозники, оставшіеся дома, подкупленная муть дна и особенно иногородніе, которые, видя офицеровъ, шипѣли отъ злости, рисуя себѣ картину, какъ они будутъ расправляться съ ними, линчевать, убивать. Злодѣйства въ Михайловкѣ еще были свѣжи въ памяти у всѣхъ. Какъ никогда выявлялась теперь злоба негодяевъ не только по отношенію къ офицерамъ, но и ко всему казачеству. Вслѣдъ почти открыто говорили: «погодите, вашу. . .» и т. п.

Избіеніе 36-ти офицеровъ 12-го января въ Михайловкѣ, видимо, совершенно оттолкнуло казаковъ отъ этой сволочи.

Казаки полка изъ станицы разъѣхались, большей частью, по роднымъ хуторамъ и занялись домашними дѣлами и, такимъ образомъ, послѣдней опасности, послѣдняго сдерживающаго начала для этой шкурной рвани въ станицѣ не стало. Участились разъѣзды красныхъ по хуторамъ и станицамъ, съ бомбами, съ пулеметами, съ пьяными пѣснями; проскачутъ черезъ станицу съ шумомъ, гамомъ, со стрѣльбой, и скроются дальше. Участились митинги, на которыхъ проклинались Калединъ, офицеры и все прошлое, а потомъ, когда ясно стало, что никто не препятствуетъ и не чинитъ противодѣйствій, начали объявлять декреты, устанавливать совѣты, власть на мѣстахъ и т. п. Что и прошло совершенно свобод-

но; атамановъ въ станицахъ не стало, появились совѣты. Въ Глазуновской атамана, урядника Назарова, хотя и назвали предсѣдателемъ, но казаки продолжали по прежнему считать его атаманомъ.

Въ Михайловкѣ помѣщался штабъ «Фильки» Миронова, чрезвычайка и представители пролетаріата изъ Царицына.

Старикамъ все это сильно не нравилось, по закоулкамъ дѣлились съ офицерами впечатлѣніями, жаловались, удивлялись, не понимали, какъ все это случилось и что будетъ дальше.

Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже жилось офицерамъ въ Глазуновкѣ, особенно послѣ неудавшейся мобилизаціи молодыхъ казаковъ въ Усть-Медвѣдицѣ, гдѣ старики и молодые казаки были разогнаны пулеметами.

Къ офицерамъ своего полка казаки фронтовики относились хорошо, приносили хлѣбъ, молоко, картофель, здоровались при встрѣчѣ, но глядѣли въ землю, видимо изъ-за недостатка гражданскаго мужества, да и совѣсть не была достаточно чиста.

Михайловскій и Усть-Медвѣдицкій комитеты все подготовили для производства впечатлѣнія о крѣпости совѣтской власти и для устрашенія населенія.

Опасности непосредственной для красныхъ, казалось, нѣтъ; казаки, ошеломленные событіями, пріутихли; насталъ благопріятный моментъ для вывоза изъ мѣстъ, гдѣ были полки, всего воинскаго имущества, снаряженія и оружія въ Михайловку.

Изъ Глазуновской былъ вывезенъ весь обозъ 3-го полка, 8 пулеметовъ и 46.000 патроновъ.

Офицеровъ пока офиціально не трогали и лишь потому только, что въ Михайловскомъ революціонномъ комитетѣ были казаки 3-го полка: урядникъ Блиновъ, вахмистръ 3-й сотни, подхорунжій Гугняевъ, революціонный командиръ полка Семка Пономаревъ и другіе, которые еще считались со своими офицерами, какъ бы стѣснялись ихъ, видимо, воинская честь и прежнее уваженіе еще не окончательно испарились у нихъ, хотя и видно было по мордѣ, что они не довѣряютъ офицерамъ, да и, кромѣ того, они были увѣрены, что рано или поздно офицеры отъ нихъ не уйдутъ.

Казалось, новая власть прочно утвердилась въ Усть-Мед-

вѣдицѣ и Михайловкѣ, какъ будто все для нея было благополучно.

Но вотъ, въ началѣ апрѣля, стали распространятся всякіе слухи: то банды бѣлыхъ «кадетъ» появились со стороны станицы Букановской, то нѣмцы двигаются и уже близко и т. п.

Офицеровъ взяли на учетъ. Были дни такіе, что хозяинъ одной изъ офицерскихъ квартиръ, казакъ Д. Д. Поповъ, предлагалъ офицерамъ увезти ихъ въ глухую степь къ себѣ на землю, гдѣ у него была землянка, а старая казачка Григорьевна, безпокоясь за участь офицеровъ, умоляла ихъ скрываться на лугу въ кустахъ, куда обѣщала приносить пищу и всѣ свѣдѣнія. Къ Пасхѣ положеніе ухудшилось, за офицерами усиленно наблюдали; изъ Михайловки пріѣхалъ членъ революціоннаго комитета, урядникъ М. Блиновъ, съ портфелемъ подъ мышкой и важнымъ видомъ, производить дознаніе, такъ какъ поступилъ доносъ, что офицеры: есаулъ Красовскій и сотникъ Орѣховъ занимаются контрреволюціонной пропагандой.

Въ это же время докатывается до Глазуновки вѣсть, что полковникъ Голубинцевъ занялъ Усть-Медвѣдицу, и всякіе невѣроятные слухи: нѣмцы, украинцы, кадеты... Одно лишь было вѣрно: Голубинцевъ съ Усть-Хоперцами поднялъ возстаніе и занялъ Усть-Медвѣдицу... «Офицеры въ погонахъ, казаки тоже, дисциплина, отданіе чести...» Старики ликовали и фронтовики не отставали, не всѣ, конечно, но пока скрытно.

Офицеры, пока не поздно, рѣшили бѣжать къ повстанцамъ, но привести въ исполненіе это намѣреніе было уже трудно, ибо наблюденіе усилилось и 3-го мая Глазуновка была занята боковымъ отрядомъ красныхъ, главныя силы ихъ шли черезъ хутора Зимникъ и Подольховку на Усть-Медвѣдицу.

По телефону въ станицу Глазуновскую было изъ Михайловки передано приказаніе — арестовать всѣхъ офицеровъ, какъ единомышленниковъ Голубинцева, а ночью почтовый чиновникъ, подслушавшій разговоръ по телефону, тайкомъ прибѣжалъ къ есаулу Красовскому и сотнику Орѣхову и посовѣтывалъ бѣжать не теряя времени, такъ какъ Революціонный трибуналъ въ Михайловкѣ заочно приговорилъ есаула Красовскаго и сотника Орѣхова къ разстрѣлу, а

остальныхъ офицеровъ приказано арестовать и препроводить въ Михайловку.

Ночь была особенно тревожна. Но на разсвѣтѣ, къ счастью офицеровъ, разъѣздъ Усть-Хоперцевъ въ 28 коней, ворвался въ Глазуновку, захватилъ телеграфный постъ, почту, плѣнныхъ и, разыскавъ офицеровъ, вручилъ есаулу Красовскому предписаніе Командующаго Освободительными Войсками, войскового старшины Голубинцева: «Немедленно со всѣми офицерами прибыть въ Усть-Медвѣдицу, въ Штабъ Освободительной Арміи».

Собравъ г. г. офицеровъ 3-го полка, есаулъ Красовскій, вмѣстѣ съ сотникомъ Орѣховымъ, двумя сотниками Марковыми и сотникомъ Семеновымъ бѣжали черезъ хуторъ Ярской, занятый заставой повстанцевъ, на Усть-Медвѣдицу. Полковникъ Валуевъ добровольно остался, отказавшись бѣжать, подъ предлогомъ, что считаетъ возстаніе безнадежнымъ, а въ сущности потому, что увлекшись какой-то станичной дѣвчонкой не пожелалъ съ ней разстаться.

На поддержку, захваченной врасплохъ въ станицѣ полуротѣ красныхъ, большевики выслали изъ станицы Скурышенской эскадронъ конницы, который началъ перестрѣлку съ Усть-Хоперцами, но былъ энергично атакованъ повстанцами и оставилъ въ рукахъ у казаковъ 4-хъ убитыхъ и 4-хъ лошадей. Вслѣдъ за эскадрономъ красные двинули двѣ роты пѣхоты и вновь заняли Глазуновку, а казаки отстрѣливаясь отошли къ хут. Ярскому.

7.

НАСТУПЛЕНІЕ МИРОНОВА

Занявъ станицу Глазуновскую боковымъ отрядомъ и поведя наступленіе главными силами, въ составѣ 2000 человѣкъ пѣхоты съ артиллеріей и нѣсколькихъ сотенъ мобилизованныхъ на сѣверѣ области казаковъ, на Усть-Медвѣдицу черезъ ст. Кепинскую и хут. Подольховскій, Мироновъ могъ встрѣтить сопротивленіе только со стороны партизанскихъ отрядовъ и небольшихъ группъ казаковъ и офицеровъ, ибо мобилизованныя наскоро сотни или оставались на своихъ ху-

торахъ, или отходили къ Усть-Медвѣдицѣ, не оказывая упорнаго сопротивленія. Казалось, чт опервый порывъ пропалъ, что энергія проявленная въ началѣ возстанія изсякла. Усть-Хоперцы, занятые обороной своей станицы, видя пассивность Усть-Медвѣдицкихъ казаковъ, заявляли, что если Усть-Медвѣдица не желаетъ сама обороняться, то зачѣмъ же мы будемъ ее выручать. Положеніе еще усугублялось тѣмъ, что находившіяся на хут. Большомъ сотни нельзя было взять, такъ какъ съ юга былы получены свѣдѣнія, что Подтелковъ, выгнанный изъ Ростова, двигается съ отрядомъ на Усть-Медвѣдицу и, конечно, была большая вѣроятность, что онъ пойдетъ черезъ свой родной хуторъ Большой.

Вновь же сформированныя въ Усть-Медвѣдицѣ сотни за Донъ переправляться отказывались и уже разлагались.

Весь день 6-го мая, наступавшій противникъ былъ съ большимъ напряженіемъ сдерживаемъ нашимъ рѣдкимъ изъ-за недостатка патроновъ огнемъ. Съ наступленіемъ темноты наши группы защитниковъ стали переправляться черезъ Донъ въ Усть-Медвѣдицу. Послѣднимъ, поздно вечеромъ, подъ непосредственнымъ огнемъ противника, прибылъ доблестный подъесаулъ Забазновъ со своимъ небольшимъ отрядомъ офицеровъ и казаковъ.

Ночью, съ 6-го на 7-е мая, красные заняли Усть-Медвѣдицу отрядомъ около 2000 человѣкъ солдатъ и матросовъ.

Наши «кадетскіе» отряды сосредоточились въ двухъ верстахъ къ западу отъ Усть-Медвѣдицы и заняли оборонительную позицію.

Настроеніе было подавленное. Кой-гдѣ за углами начиналась агитація противъ «виновниковъ» возстанія, съ предложеніемъ «выдать зачинщиковъ» и послать делегацію къ большевикамъ и т. п.

Въ это же время на хуторъ Большой прибыли изъ Верхне-Донкого Округа, присланныя по моей просьбѣ два орудія-гаубицы, съ прикрытіемъ изъ полусотни молодыхъ казаковъ. Вѣсть о прибытіи пушекъ быстро разнеслась по хуторамъ и сильно подняла духъ у казаковъ. Они не вѣрили своимъ глазамъ, съ хуторовъ посылали конныхъ казаковъ провѣрить слухи, ощупать орудія, настоящія ли они; нѣкоторые даже со слезами цѣловали пушки.

Передъ отправкой орудій на позицію, я приказалъ провезти ихъ черезъ нѣкоторые хутора, для поднятія настроенія и

дабы убѣдить казаковъ, что орудія настоящія, ибо распускались злонамѣренные слухи, что пушки якобы деревянныя.

Въ тотъ же день эти орудія, подъ руководствомъ войскового старшины Тарасова, удачно обстрѣляли Усть-Медвѣдицу и хут. Ярской, что произвело большое впечатлѣніе на казаковъ и смутило красныхъ, не вѣрившихъ, что у бѣлыхъ могла быть артиллерія. Къ сожалѣнію, снарядовъ для гаубицъ было мало, около 10 штукъ, и эффектъ былъ, главнымъ образомъ, моральный.

День 8 мая прошелъ въ лихорадочной подготовкѣ къ контръ-атакѣ и въ усиленной развѣдкѣ.

Усть-Медвѣдицкія группы, занимавшія позицію къ западу отъ станицы, были усилены подошедшими съ хутора Большого Усть-Хоперскими сотнями, и утромъ 9 мая стремительной атакой вновь овладѣли Усть-Медвѣдицей. Красные были опрокинуты въ Донъ и въ паникѣ безпорядочно старались перебраться на лѣвый берегъ. Казаки, занявъ правый возвышенный берегъ Дона, разстрѣливали плывущихъ большевиковъ на выборъ; на поверхности воды безпрерывно поднимались красные, кровавые фонтаны отъ попадавшихъ въ цѣль пуль. Въ этомъ дѣлѣ было уничтожено нѣсколько сотенъ большевиковъ; въ продолженіи всего мая и даже еще въ іюнѣ, ниже Усть-Медвѣдицы, до станицъ Трехъ-Островянской и Голубинской включительно, казаки вылавливали въ Дону трупы убитыхъ въ бою и утонувшихъ красныхъ при переправѣ 9-го мая.

Наши трофеи были: 9 пулеметовъ, 700 винтовокъ и нѣсколько десятковъ тысячъ патроновъ. Разбитые большевики, преслѣдуемые нашими отрядами, послѣ нѣсколькихъ попытокъ задержаться, опираясь на высланныя изъ Михайловки поддержки, бѣжали въ паникѣ до самой Михайловки.

Какъ я уже упоминалъ, 9 мая вечеромъ мною былъ полученъ отъ нѣмцевъ, занимавшихъ станцію Чертково, первый трехспортъ оружія. Связь съ нѣмцами была установлена еще ранѣе, нѣсколько дней тому назадъ, при первомъ занятіи нами Усть-Медвѣдицы. Еще до полученія перваго тренспорта, я 7-го мая вторично командировалъ войскового старшину Х. . . съ такой же задачей — достать оружіе.

Нѣмцы вторично отпустили еще 700 винтовокъ, 6 пулеметовъ и 50 снарядовъ.

Начальникъ нѣмецкаго отряда на станціи Чертково, пол-

ковникъ X (фамиліи его къ сожалѣнію не помню) предложилъ офицеру подписать письмо, что отъ имени Комадующаго Войсками онъ обязуется прислать нѣмецкой кавалерійской бригадѣ въ обмѣнъ за оружіе овса. Войсковой старшина заявилъ, что онъ не уполномоченъ подписывать никакихъобязательствъ; тогда редакція письма была измѣнена въ такомъ смыслѣ, что войсковой старшина X. . . будетъ настаивать передъ Командующимъ Войсками о присылкѣ овса германской бригадѣ, но офицеръ отказался, ссылаясь на то, что онъ, вообще, настаивать не можетъ. Наконецъ, командиръ бригады удовлетворился письмомъ, въ которомъ войсковой старшина X. обязывался доложить Командующему Освободительными Войсками, что командиръ нѣмецкой бригады, въ обмѣнъ за оружіе проситъ прислать овса для лошадей бригады. Въ скоромъ времени я получилъ изъ Новороссійска нѣсколько вагоновъ овса, изъ которыхъ два вагона съ благодарностью уступилъ нѣмцамъ.

8.

ОСАДА МИХАЙЛОВКИ

Послѣ разгрома у Усть-Медвѣдицы и ряда столкновеній у станицъ Глазуновской, Кепинской, Скуришенской и особенно у Арчадинской, части Миронова, преслѣдуемыя нашими отрядами, отошли къ Михайловкѣ, куда къ этому времени, со станціи Филоново, въ подкрѣпленіе имъ прибыли красные матросы и солдаты. Михайловка поспѣшно была укрѣплена колючей проволокой и обнесена окопами. На станціи Себряково появились блиндированные поѣзда. Все мѣстное населеніе ближайшихъ крестьянскихъ слободъ было Мироновымъ мобилизовано и посажено въ окопы. Благодаря вышеупомянутымъ мѣрамъ Михайловка съ налета не была взята и операція затянулась еще на полтора мѣсяца.

Въ очищеннымъ мною отъ большевиковъ станицахъ была объявлена мобилизація и въ нѣсколько дней изъ отдѣльныхъ сотенъ и отрядовъ мною было сформировано пять конныхъ полковъ, въ шестисотенномъ составѣ, и нѣсколько пѣшихъ отрядовъ.

Полки получили названія по станицамъ, изъ которыхъ были сформированы: Усть-Хоперскій, Усть-Медвѣдицкій, Глазуновскій, Арчадинскій и Клѣцкій конные полки. На хуторѣ Большомъ были организованы учебныя команды, команды пулеметчиковъ и артиллеристовъ. Въ Усть-Медвѣдицѣ установлено гражданское управленіе Округа. Въ станицахъ за Дономъ были назначены Начальники Обороны станицъ вмѣсто предсѣдателей станичныхъ совѣтовъ вновь появились атаманы. Штабъ Командующаго Войсками перешелъ въ Усть-Медвѣдицу. Части съ хутора Большого, ожидавшія появленія отряда Подтелкова, были передвинуты за Донъ, такъ какъ были получены донесенія, что Подтелковъ и Кривошлыковъ не рѣшились идти на Усть-Медвѣдицу, направились западнѣе и у хутора Каргинскаго были разбиты казаками Верхне-Донецкаго Округа и повѣшены.

Оперативное отдѣленіе Штаба перешло въ станицу Арчадинскую. Войска стали готовиться къ наступленію на Михайловку и были сосредоточены въ раіонѣ станицы Арчадинской и хутора Ильменьки, въ 3-4 верстахъ отъ Михайловки. Усть-Медвѣдица оставалась въ тылу и могла вздохнуть свободно.

Въ срединѣ мая общая численность мобилизованныхъ повстанцевъ достигла 10.000 человѣкъ, но болѣе или менѣе удовлетворительно были вооружены только пять конныхъ полковъ и два пѣшихъ баталіона, у остальныхъ холодное оружіе, пики и старыя ружья. Пѣше баталіоны были сформированы преимущественно изъ молодыхъ казаковъ и ихъ боеспособность была неудовлетворительна, даже съ точки зрѣнія гражданской войны.

Дабы не дать возможности Миронову мобилизовать казаковъ сѣверной части Округа, въ станицы Етеревскую, Раздорскую, Березовскую, Малодѣльскую были высланы разъѣзды съ моими воззваніями, прокламаціями и литературой. Изъ сѣверныхъ станицъ стали тайно пробираться ко мнѣ въ штабъ въ Арчадинскую отдѣльные офицеры и казаки и, такимъ образомъ, связь съ сѣверомъ установилась, но мобилизовать казаковъ, выжидавшихъ паденія Михайловки, пока еще не удавалось.

Подготовка къ наступленію на Михайловку затянулась. Среди казаковъ большого порыва къ наступленію не замѣчалось, начальники частей тоже находили необходимымъ не

торопиться съ атакой Михайловки и дать возможность сбить и подготовить части. Дѣло ограничивалось развѣдкой и мелкими столкновеніями и перестрѣлкой.

Къ началу іюня пѣшіе баталіоны заняли Ильменьки, а конницу я сосредоточилъ въ хуторахъ по балкѣ, къ сѣверо-западу отъ хут. Ильменьки.

Въ первой половинѣ іюня рѣшено было атаковать Михайловку. Съ вечера было занято исходное положеніе и передъ разсвѣтомъ 1-й и 2-й пѣшіе баталіоны и партизанскій отрядъ подъесаула Алексѣева перешли въ наступленіе, со стороны хутора Ильменьки.

Сигналломъ для общей атаки былъ огонь нашей батареи, располагавшей десяткомъ снарядовъ (присланные нѣмцами снаряды были для 3-хъ дм. пушекъ, наша же батарея была гаубичной 4-хъ дм.). Конницѣ, подъ командой есаула Лащенова, приказано было, выйдя скрытно по балкѣ во флангъ позиціи противника, сообразуясь съ наступленіемъ пѣшихъ баталіоновъ, въ конномъ строю атаковать Михайловку. Но есаулъ Лащеновъ или опоздалъ или, потерявъ направленіе, сбился и участія въ атакѣ конница не приняла. Пѣшіе баталіоны изъ молодыхъ казаковъ, не выдержавъ огня красныхъ, залегли, и поднять ихъ къ дальнѣйшему наступленію не удалось, Партизанскій отрядъ въ темнотѣ взялъ неправильное направленіе и опоздалъ къ общей атакѣ. Такимъ образомъ, наступленіе не дало никакихъ результатовъ.

Черезъ нѣсколько дней наступленіе опять было повторено, но безъ результата.

Въ послѣднемъ наступленіи принималъ участіе добровольцемъ находящійся въ это время у себя въ станицѣ донской писатель и секретарь Войскового Круга Ф. Д. Крюковъ, написавшій, вдохновленный возстаніемъ Усть-Медвѣдицкихъ казаковъ, извѣстное стихотвореніе въ прозѣ: «Родимый Край». Въ этомъ бою Федоръ Дмитріевичъ былъ легко контуженъ артиллерійскимъ снарядомъ.

Во время моего пребыванія на фронтѣ, въ тылу, въ станицѣ Усть-Медвѣдицкой было не вполнѣ благополучно: Начальникъ Штаба, находившійся въ это время въ Усть-Медвѣдицѣ, мнѣ доносилъ, что «Совѣтъ Вольныхъ Хуторовъ и Станицъ» вмѣшивается и тормозитъ его работу, политически неблагонадеженъ, проявляетъ тенденцію захватить власть надъ войсками и надоѣдаетъ ему съ требованіями вызвать

меня въ Усть-Медвѣдицу, якобы для объясненій и доклада Совѣту о положеніи.

Черезъ нѣсколько дней, получивъ вторично отъ Начальника Штаба тревожное донесеніе и просьбу пріѣхать, я прибылъ съ конной полусотней въ Усть-Медвѣдицу и отправился въ Управленіе Окружного Атамана, гдѣ собравшійся совѣтъ меня ожидалъ. Предварительно, на всякій случай, я отдалъ распоряженіе начальнику конвоя приготовиться къ аресту членовъ совѣта.

За пять минутъ до моего появленія конвойцы заняли сосѣднюю комнату, смежную съ комнатой, гдѣ собрался совѣтъ, и построились двумя шеренгами, шпалерой у двери, ведущей въ залъ засѣданій. Члены совѣта насторожились и забезпокоились.

При моемъ появленіи раздалась команда: «Смирно!» и громкій отвѣтъ конвойцевъ на мое привѣтствіе: «Здравія желаемъ, господинъ полковникъ!», а затѣмъ офицеръ конвоя влетѣлъ въ залъ засѣданій и громкимъ голосомъ объявилъ: «идетъ Командующій Войсками, встать!»

Не ожидая такого оборота дѣла, вскочившіе члены совѣта были, повидимому, очень смущены, и когда я, выждавъ минуту, пригласилъ членовъ совѣта сѣсть и высказаться, что имъ угодно, товарищъ предсѣдателя (предсѣдатель, сотникъ Веденинъ, смущенно молчалъ), агрономъ одной изъ станицъ, фамиліи его не помню, заикаясь заявилъ, что члены совѣта желали бы знать общее положеніе на фронтѣ.

— Начальникъ Штаба, доложите г. г. членамъ совѣта обстановку, — обратился я къ начальнику штаба.

Послѣ доклада начальника штаба товарищъ предсѣдателя заявилъ, что совѣтъ вполнѣ удовлетворенъ объясненіями.

Затѣмъ я, обращаясь къ совѣту, заявилъ:

— Теперь я прошу васъ, г. г. члены совѣта, принять къ свѣдѣнію слѣдующее: 1. Всѣ сводки съ фронта, которыя штабъ считаетъ возможнымъ сообщать, ежедневно публикуются для всеобщаго свѣдѣнія въ особомъ бюллетенѣ и въ мѣстной газетѣ. 2. Я настоятельно прошу членовъ совѣта ограничить свою дѣятельность тѣми рамками, которыя имъ предоставилъ Чрезвычайный Съѣздъ Хуторовъ и Станицъ 27-го апрѣля и 3. требую немедленно, сегодня же, откомандировать всѣхъ состоящихъ въ совѣтѣ «кооптированныхъ» г. г. офицеровъ

на фронтъ, ввиду крайняго недостатка офицеровъ въ частяхъ.

Товарищъ предсѣдателя мнѣ заявилъ, что сегодняшнимъ протоколомъ о засѣданiи г. г. офицеры будутъ откомандированы и совѣтъ принимаетъ къ свѣдѣнiю мои указанiя.

Послѣ этого засѣданiя я уже не имѣлъ ни встрѣчъ, ни разговоровъ съ цѣлымъ совѣтомъ вкупѣ.

Отмѣчу еще одинъ интересный инцидентъ, произшедшiй во время доклада начальника штаба о положенiи на фронтѣ; онъ свидѣтельствуетъ о томъ ничтожномъ влiянiи, которымъ пользовался совѣтъ среди казаковъ. Дѣло въ слѣдующемъ: одному изъ Усть-Медвѣдицкихъ полковъ приказано было переправиться на лѣвый берегъ Дона и идти въ станицу Кепинскую. Полкъ собрался на берегу и замитинговалъ; въ засѣданiе совѣта явился одинъ изъ офицеровъ полка и доложилъ мнѣ, что казаки не желаютъ переправляться, говорятъ, что готовы «умереть» на правомъ берегу, защищая Донъ, но за Донъ идти не хотятъ.

— Сотникъ Веденинъ, — обратился я къ предсѣдателю совѣта, — пойдите, побесѣдуйте съ казаками и разъясните имъ необходимость исполнять распоряженiя — это ваше дѣло.

Черезъ 10 минутъ сотникъ Веденинъ прибѣгаетъ обратно взволнованный, блѣдный, потный, и говоритъ, что казаки его прогнали и чуть не избили.

По окончанiи засѣданiя я отправился къ мѣсту переправы и черезъ пять минутъ казаки, послѣ краткаго разъясненiя, начали переправу.

*

* *

Въ началѣ iюля Мироновъ, усиленный матросами, опять переходитъ въ наступленiе. Послѣ боя у станицъ Арчадинской и Кепинской наши части медленно отходятъ за рѣку Медвѣдицу. Конныя сотни и партизанскiе отряды Алексѣева и Долгова ведутъ упорные бои, отстаивая каждую пядь земли. 3 iюля, послѣ тяжелаго боя у хутора Шашкина, наступленiе красныхъ было остановлено.

4 iюля были получены свѣдѣнiя о подходѣ къ Усть-Медвѣдицѣ съ юга отряда генерала Фицхелаурова, въ составѣ двухъ дивизiй.

5 іюля, отрядъ, состоящій изъ 1-го коннаго отряда полковника Татаркина и 1-го пѣшаго отряда полковника Старикова, вступилъ въ Усть-Медвѣдицу. Въ тотъ же день, на состоявшемся совѣщаніи старшихъ начальниковъ, рѣшено части «Освободительной Арміи Вольныхъ Хуторовъ и Станицъ Усть-Медвѣдицкаго Округа» включить въ Донскую Армію.

Молодые казаки были выдѣлены изъ частей и отправлены въ Новочеркасскъ въ формирующуюся молодую армію, а остальныя части сведены въ двѣ дивизіи: изъ пяти У.-Медвѣдицкихъ конныхъ полковъ образованъ «4-й Конный Отрядъ Войскового Старшины Голубинцева», типа дивизіи; вошедшіе въ отрядъ полки получили новые номера и названія: 13-го, 14-го, 15-го и 16-го Усть-Медвѣдицкихъ Конныхъ полковъ, а изъ пѣхоты и пѣшихъ отрядовъ сформированъ «3-ій Пѣшій отрядъ есаула Сутулова».

Такимъ образомъ, съ прибытіемъ частей генерала Фицхелаурова, періодъ обособленныхъ дѣйствій «Освободительныхъ Войскъ Вольныхъ Хуторовъ и Станицъ Усть-Медвѣдицкаго Округа» заканчивается и сливается съ общими дѣйствіями Донской Арміи.

II

УСТЬ-МЕДВѢДИЦКАЯ КОННИЦА

9.

4-й КОННЫЙ ОТРЯДЪ

Съ прибытіемъ новыхъ частей Донской Арміи духъ Усть-Медвѣдицкихъ повстанцевъ сильно поднялся. Опять появился порывъ и 6-го іюля вся У.-Медвѣдицкая конница, сведенная въ одну дивизію, получивъ наименованіе «4-го Коннаго отряда, войсковою старшины Голубинцева», перешла въ стремительное наступленіе и въ тотъ же день, опрокинувъ красныхъ, заняла станицу Кепинскую, затѣмъ, тѣсня противника, ст. Глазуновскую и послѣ упорнаго боя станицы Арчадинскую и Скурышенскую, отбросивъ красныхъ къ Михайловкѣ.

Черезъ нѣсколько дней, въ срединѣ іюля, началось общее наступленіе ген. Фицхелаурова. 4-ый конный отрядъ, дѣйствуя на лѣвомъ флангѣ группы, атаковалъ станцію Кумылга; 1-й пѣшій отрядъ войск. ст. Старикова и 3-ій ес. Сутулова наступали на Михайловку, а 1-й конный отрядъ повелъ наступленіе на станцію Арчеда. Красные были сбиты на всемъ фронтѣ и начали быстрое отступленіе. По занятіи Кумылги, для преслѣдованія мною былъ посланъ 13-й конный полкъ есаула Лащенова. Полкъ въ тотъ же день, сдѣлавъ около 60 верстъ, нагналъ противника у хут. Сѣкачи и нанесъ ему сильный ударъ, захвативъ плѣнныхъ и много оружія.

Продолжая наступленіе вверхъ по Медвѣдицѣ, Усть-Медвѣдицкій конный отрядъ послѣдовательно занимаетъ станицы Раздорскую, Березовскую, Малодѣльскую и по пути слѣдованія производитъ мобилизацію и формированіе новыхъ частей. Въ этотъ періодъ были сформированы 17-й, 18-й и

19-й конные полки, изъ казаковъ станицъ, лежащихъ по рѣкѣ Медвѣдицѣ.

Во второй половинѣ іюля нашъ отрядъ занялъ слободу Даниловку, гдѣ задержался нѣсколько дней, такъ какъ дальнѣйшее наступленіе было замедленно ввиду упорнаго сопротивленія красныхъ, занимавшихъ слободу Орѣховку.

Во время нашего пребыванія въ Даниловкѣ, станица Островская сбросила совѣтскую власть, выбрала атамана и объявила мобилизацію. Для поддержки станицы я отправилъ туда двѣ конныхъ сотни съ задачей занять переправу противъ слободы Орѣховки, находившейся еще въ рукахъ красныхъ. Одновременно ударомъ отъ Даниловки и отъ Островской большевики были выбиты изъ Орѣховки.

Красные отошли къ сѣверу, за границу Дона, въ село Лопуховку. Конный отрядъ перешелъ въ ст. Островскую и занялъ хутора къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ станицы, до границы Саратовской губерніи.

Такимъ образомъ, противникъ въ этомъ раіонѣ былъ выброшенъ за предѣлы Донской Земли.

Во время пребыванія штаба отряда въ Даниловкѣ, въ полкахъ отряда производились выборы депутатовъ на Войсковой Кругъ. Какъ-то просматривая газеты и литературу, присланныя изъ Новочеркасска, для разсылки въ части отряда, я обратилъ вниманіе на воззванія и прокламаціи, подписанныя ген. Сидоринымъ и другими всѣмъ извѣстными лицами, недвусмысленно направленныя противъ Донского Атамана генерала Краснова и самымъ открытымъ образомъ старались подорвать тотъ громадный авторитетъ и довѣріе, которымъ пользовался среди казаковъ этотъ Великій Атаманъ.

Возмущенный такой демагогической и опасной агитаціей, вдвойнѣ преступной въ такое тяжелое время, когда на фронтѣ рѣкой лилась казачья кровь, я приказалъ уничтожить эту грязную макулатуру и послалъ въ Штабъ Войска рапортъ съ просьбой не разсылать по войскамъ такой опасной дряни. Эта антипатріотическая агитація получила на Дону названіе: «Кампаніи пароходнаго атамана».

Въ августѣ, когда части Донской Арміи подошли къ границѣ Саратовской губерніи, приказано было продолжать наступленіе. Тяжелое впечатлѣніе произвело полученное одновременно извѣстіе, что полки 1-го коннаго отряда полк. Таркина замитинговали и отказались переходить границы До-

на. Усть-Медвѣдицкіе полки безпрекословно исполнили приказъ и вторгнулись въ предѣлы Саратовской губерніи. Но ввиду того, что на сосѣднихъ участкахъ части еще митинговали, наши казаки особеннаго рвенія не проявляли и хотя никакихъ инцидентовъ или неисполненія приказаній не было, но чувствовалось, что примѣръ казаковъ Татаркина оказывалъ извѣстное вліяніе на психологію казаковъ и вселялъ сомнѣнія въ необходимости выносить войну за предѣлы области.

Въ концѣ августа и въ сентябрѣ части нашего раіона — Сѣв.-Зап. Фронта — вели частые бои съ красными съ перемѣннымъ успѣхомъ. Наступали и отступали, но безъ рѣшительныхъ результатовъ. Главнымъ противникомъ въ этотъ періодъ былъ Мироновъ съ частью своихъ казаковъ и, главнымъ образомъ, съ мобилизованными крестьянами донскихъ слободъ и съ приданными къ нимъ группами матросовъ.

Одно изъ нашихъ наступленій было особенно удачно: мы вышли далеко за предѣлы области и вошли въ Саратовскую губернію на фронтѣ: Красный-Яръ, Рудня, Матышево. Красные были отброшены за рѣку Терсу. Желѣзнодорожное полотно, на участкѣ Матышево - Красный Яръ, во многихъ мѣстахъ было взорвано, что значительно затрудняло дѣйствія красныхъ бронепоѣздовъ. Обстановка, казалось, намъ благопріятствовала, но неожиданное появленіе непріятельскихъ броневыхъ автомобилей не только остановило наше наступленіе, но и навело большую панику на наши части, особенно на пѣхоту, и мы принуждены были отойти къ границамъ области. Положеніе было, впрочемъ, къ вечеру возстановлено, такъ какъ наши потери были только моральнаго характера и разрозненныя во время боя части къ вечеру быстро собрались, со свойственной казакамъ способностью быстро оріентироваться и находить свои части. Образовался новый фронтъ, по сѣверной границѣ области.

Въ этотъ періодъ слѣдуетъ еще отмѣтить два набѣга 4-го коннаго отряда въ тылъ противника. Обстановка была такова: Мироновъ съ красными занималъ сл. Орѣховку. Наши пѣшія части позицію къ сѣверо-западу и сѣверу отъ Даниловки — противъ Миронова. 4-й конный отрядъ — раіонъ хуторовъ Гончаровъ-Сѣкачи-Булгуранъ.

Находившіеся лѣвѣе Усть-Медвѣдицкаго раіона Хоперцы подъ натискомъ противника отходили.

Сосредоточившись въ хут. Булгуринѣ, Усть-Медвѣдицкая конная дивизія сдѣлала налетъ на тылы красныхъ, наступавшихъ на Хоперцевъ. Неожиданнымъ ударомъ села по рѣкѣ Терсѣ: Матышево, Сосновка, Судачье были заняты нами. Усть-Медвѣдицкіе полки уничтожили много тыловыхъ учрежденій и штабовъ, разгромили нѣсколько учебныхъ и резервныхъ частей, военныхъ мастерскихъ, захватили обозы, около десятка походныхъ кухонь, два денежныхъ ящика съ большой суммой денегъ, пойманъ былъ комиссаръ, завѣдующій продовольствіемъ раіона. Наша прогулка по тыламъ произвела большую панику у красныхъ, чѣмъ воспользовались находившіяся въ отступленіи части Хоперскаго Округа и перешли въ контръ-наступленіе, захвативъ плѣнныхъ, трофеи и вновь возстановили прежнее положеніе.

Не могу игнорировать одинъ инцидентъ, характерный по тому времени. Конный отрядъ, сосредоточенный въ хут. Булгуринѣ, передъ выступленіемъ въ набѣгъ, ожидалъ донесеній отъ высланныхъ разъѣздовъ. Тѣмъ временемъ приказано было накормить лошадей, для чего купить овесъ у населенія, выдавъ установленныя Донскимъ правительствомъ квитанціи.

Комендантъ штаба дивизіи доложилъ начальнику штаба, что въ домѣ, гдѣ фуражиры хотѣли купить овса для штаба, сидитъ членъ Войскового Круга, который не разрѣшаетъ брать фуражъ. Начальникъ штаба спрашиваетъ меня, какъ поступить.

— Кто членъ Круга?

— Какой-то урядникъ.

— Попросите члена Круга ко мнѣ, — приказываю одному изъ адъютантовъ штаба. Минутъ черезъ десять возвращается адъютантъ и смущенно докладываетъ, что членъ Круга говоритъ: «Няхай начальникъ дивизіи самъ придётъ!»

Взбѣшенный такой наглостью, приказываю: «Привести за уши!»

Два конвойца приводятъ одного изъ «хозяевъ» Дона.

— Ты что же, мерзавецъ, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать войскамъ всѣми силами, какъ велитъ долгъ казака и члена Круга, когда войска находятся въ борьбѣ и казаки льютъ кровь какъ воду, а ты возстанавливаешь населеніе противъ арміи, подстрекаешь къ неповиновенію, вставляешь

намъ палки въ колеса? Помогаешь большевикамъ! Ты не членъ Круга, а измѣнникъ и большевикъ!

— На телеграфный столбъ каналью! — приказываю.

Два казака подхватили растерявшагося и поблѣднѣвшаго депутата.

— Помилуйте, Ваше Высокоблагородіе! — падая на колѣни, взмолился членъ Круга, — виноватъ, сказалъ не подумавши, сознаю свою вину, мы люди темные и т. п.

Помиловалъ. . . Членъ Круга безконечно счастливъ и ревностно намъ помогаетъ.

Можетъ быть, я реагировалъ на наглость немного рѣзко и строго, но во время войны, особенно гражданской, малѣйшее попустительство и колебаніе власти ведетъ къ потерѣ авторитета и разложенію.

Вообще, слѣдуетъ отмѣтить, что нѣкоторые члены Круга, развращенные поблажками и тыловой лестью, упоенные властью, убѣжденные въ своей безнаказанности, признающіе только свои права и преимущества, но не желающіе знать обязанностей, вели себя самымъ непристойнымъ образомъ, вступали въ пререканія съ войсковыми начальниками, отдавали административныя распоряженія, вмѣшивались въ жизнь воинскихъ частей и т. п. По глупости ли они это дѣлали, или это былъ еще отзвукъ революціонной распущенности и угара, но часто ихъ безтактныя выступленія принимали такой характеръ, что заставляли призывать ихъ къ порядку и примѣнять къ нимъ самыя суровыя мѣры внушенія и укрощенія. Что въ тылу сходило безнаказанно, то на фронтѣ было недопустимо.

Отмѣчу еще одинъ характерный, такого же порядка, случай:

Въ сентябрѣ 1919 года мой отрядъ оборонялъ большой участокъ на среднемъ Дону, отъ Перекопской до Трехостровянской станицъ. Въ нашемъ раіонѣ, на участкѣ 30-го коннаго полка, постоянно вертѣлся членъ Круга X, произведенный изъ нижнихъ чиновъ въ сотники. Такого порядка производства практиковались Кругомъ. Пользуясь званіемъ члена Круга, онъ постоянно, болтаясь между частями отряда, вмѣшивался въ распоряженія младшихъ начальниковъ, лазилъ по позиціямъ, распоряжался, доносилъ по начальству одновременно со мною о всѣхъ нашихъ успѣхахъ, хотя на глаза мнѣ никогда не попадался; случалось, что и билъ ка-

заковъ и даже однажды, по своей инициативѣ, въ раіонѣ станицы Н.-Григорьевской завелъ переговоры съ красными, занимавшими позицію по лѣвому берегу Дона, считая себя, очевидно, какъ «жена Цезаря, внѣ подозрѣній».

Молодой командиръ 30-го коннаго полка, есаулъ Долговъ, не зналъ какъ отдѣлаться отъ этого неугомоннаго депутата и, возмущенный явно пораженческаго характера переговорами съ красными, донесъ мнѣ рапортомъ и спрашивалъ, какъ поступить съ «дипломатомъ»?

Моя резолюція на рапортѣ была кратка: «выпороть». Средство помогло. Членъ Круга исчезъ и, повидимому, понялъ, что средство, предложенное мною въ данномъ случаѣ, было и своевременно и раціонально, ибо черезъ двѣ недѣли, когда я былъ тяжело раненъ, то въ числѣ многочисленныхъ полученныхъ мною телеграммъ отъ начальниковъ и сослуживцевъ была телеграмма и отъ члена Круга сотника Х...

Были и еще подобные случаи, когда, вѣроятно, избытокъ энергіи, жажда административной дѣятельности и желаніе, такъ или иначе, проявить себя, толкали нашихъ «законодателей» на необдуманныя и неудачныя проявленія инициативы въ раіонѣ фронта. Всѣ эти выходки можно объяснить лишь слѣдствіемъ извращеннаго понятія о своей «неприкосновенности», безнаказанности и преувеличеннаго мнѣнія о своей непогрѣшимости. Но какъ показалъ опытъ, рѣшительныя мѣры быстро приводили въ чувство опьянѣвшихъ отъ власти «законодателей» и ставили ихъ на свое мѣсто.

*

* *

Черезъ два дня послѣ набѣга на Матышево, я сдѣлалъ второй налетъ на Лопуховку, въ тылъ группѣ красныхъ Миронова, занимавшей слободу Орѣховку.

Изъ хутора Булгурина У.-Медвѣдицка дивизія выступила напрямикъ, по степи, безъ дорогъ, на Лопуховку и въ 14 часовъ, открывъ артиллерійскій огонь по селу, внезапно съ двухъ сторонъ атаковала Лопуховку. Послѣ краткаго сопротивленія село было занято, защитники частью взяты въ плѣнъ, частью разогнаны; телефонные провода съ Орѣховкой были предварительно нашими разъѣздами перехвачены, изолированы и включены въ наши аппараты, что лишило

гарнизонъ Лопуховки возможности сообщить своевременно Миронову о нападенiи.

Лопуховка была переполнена тыловыми командами, обозами съ продовольствiемъ, патронами и оружiемъ. Здѣсь была захвачена большая добыча: 120 пулеметовъ въ разобранномъ видѣ, въ ящикахъ, совершенно новыхъ, очевидно только что присланныхъ изъ центральной Россiи, масса патроновъ и артиллерiйскихъ снарядовъ, сотни винтовокъ, телефонное имущество и нѣсколько походныхъ кухонь. Вывозъ захваченнаго военнаго матерiала продолжался больше друхъ часовъ. Тѣмъ временемъ 14-й конный полкъ занялъ село, что въ 10 верстахъ къ сѣверу отъ Лопуховки, гдѣ также было взято нѣсколько двуколокъ и повозокъ съ военнымъ имуществомъ.

Въ Орѣховкѣ поднялась тревога. На запросы Миронова по телефону о причинѣ артиллерiйской стрѣльбы, наши телефонисты отвѣчали, что производится учебная стрѣльба; но орудiйная стрѣльба встревожила Миронова и онъ выступилъ изъ Орѣховки на поддержку, открывъ по нашимъ частямъ сильный орудiйный огонь; наша батарея очень удачно отвѣчала. Артиллерiйскiй бой продолжался, пока не закончена была отправка трофеевъ въ хут. Булгуринъ. Къ вечеру дивизiя безъ потерь возвратилась въ Булгуринъ. Къ сожалѣнiю, наши пѣшiя части, занимавшiя позицiю противъ Орѣховки, не воспользовались, по примѣру Хоперцевъ, нашимъ набѣгомъ въ тылъ противника, и никакой активности не проявили.

Во второй половинѣ сентября Усть-Медвѣдицкая дивизiя была переброшена на Камышенское направленiе.

10.

НА ИЛОВЛѢ

4-й Конный отрядъ полковника Голубинцева (Усть- Медв. конн. дивизiя), переброшенный съ Рудненскаго направленiя на Камышенское, продолжалъ тѣснить красныхъ, отходившихъ къ хутору Романову. Въ бою у станицы Гуровской, 25 сентября 1918 года, былъ уничтоженъ Балашевскiй пѣхот-

ный полкъ, взято 1500 плѣнныхъ, 20 офицеровъ и 12 пулеметовъ.

Въ началѣ октября, конной атакой 16-го конн. полка, подъ командой войскового старшины Дьяконова, у хут. Романова былъ опрокинутъ и уничтоженъ красный пѣшій отрядъ товарища Подшивалова. Взято около 2-хъ тысячъ плѣнныхъ. Продолжая наступленіе и преслѣдуя красныхъ, дивизія заняла село Соломатино. Противникъ отошелъ на с. Таловку, откуда былъ выбитъ и занялъ для обороны Камышинъ. Городъ былъ обнесенъ окопами; сильный численно гарнизонъ оказалъ большое сопротивленіе и наша первая атака города не удалась.

Одной изъ причинъ неудачи слѣдуетъ считать фактъ, что въ операціи приняли участіе лишь два полка дивизіи, 14-й и 16-й, а 15-й конн. полкъ былъ на нѣсколько дней задержанъ полковникомъ Стариковымъ, помогая ему въ какой-то операціи, а затѣмъ на мое требованіе направить полкъ на присоединеніе къ дивизіи, полк. Стариковъ отправилъ его къ сѣверу, объясняя свои дѣйствія тѣмъ, что онъ, якобы, полагалъ, что этимъ содѣйствуетъ моей операціи. 13-й конный полкъ, выпрошенный генераломъ Татаркинымъ, черезъ штабъ СВ Фронта, на нѣсколько дней, также запоздалъ присоединиться къ дивизіи.

Дивизія осадила г. Камышинъ. Передовыя сотни занимали дер. Сестренку, а разъѣзды проникали на южную окраину города, къ реальному училищу.

Вскорѣ въ помощь мнѣ для взятія Камышина была придана 1-ая пѣшая казачья бригада. Осада города затянулась, большевики проявляли небывалое упорство. Стычки передовыхъ частей продолжались ежедневно. Изъ случайно перехваченныхъ по телефону разговоровъ красныхъ командировъ въ Камышинѣ, можно было вывести заключеніе, что большевики, несмотря на значительныя силы занимавшія городъ, были въ большой тревогѣ и усиленно укрѣпляли свои позиціи по окраинамъ города.

Въ началѣ ноября, сбивъ передовыя части противника, постепенно приближаясь къ городу, наши полки заняли исходные пункты для общаго наступленія. Атака была назначена на разсвѣтѣ 9-го ноября. Боевой приказъ былъ разосланъ частямъ 8-го ноября въ 12 часовъ дня; но обстановка внезапно измѣнилась — въ 14 часовъ 8-го ноября изъ штаба Сѣв.-

Вост. Фронта, генерала Яковлева, было получено по телефону приказаніе: «передавъ пѣхоту и дальнѣйшее веденіе операціи по овладѣнію Камышиномъ генералу Оссовскому (прибывшему наканунѣ съ большимъ штабомъ, но безъ войскъ), полковнику Голубинцеву съ конницей немедленно, форсированнымъ маршемъ выступить изъ Соломатино въ раіонъ станціи Логъ, для дѣйствій на тылы красныхъ, тѣснящихъ группу генерала Татаркина».

Группа ген. Татаркина занимала раіонъ ст. Логъ и прикрывала Штабъ Сѣв.-Вост. Фронта.

На мой докладъ по телефонуобъ обстановкѣ, о томъ, что на завтра назначена атака Камышина, что сейчасъ части нельзя снять съ исходныхъ пунктовъ безъ того, чтобы красные не узнали объ уходѣ конницы, Начальникъ Штаба С. В. Фронта, полковникъ Коноваловъ, мнѣ сообщиллъ, что Командующій Фронтомъ ген. Яковлевъ, несмотря на мои и его доклады объ обстановкѣ у Камышина, находитъ необходимымъ немедленно снять конныя части съ позиціи и спѣшно выступить въ раіонъ Лога.

Дабы скрыть отъ противника уходъ конницы, я приказалъ, съ наступленіемъ темноты, безъ шума снять передовыя части конницы и, накормивъ людей и лошадей, конному отряду сосредоточиться въ селѣ . . . , находящемся въ 4-хъ верстахъ къ югу отъ Соломатино, по дорогѣ на Гусевку. Выступленіе назначено на разсвѣтѣ 9 ноября, въ 5 час. утра.

Передавъ съ сожалѣніемъ операцію противъ Камышина генералу Оссовскому (черезъ часъ послѣ моего ухода генералъ Оссовскій оттянулъ части на 15 верстъ назадъ, оставивъ Саломатино), я, 9 ноября, въ 5 час. утра, по скрытой отъ противника дорогѣ, выступилъ и около полудня занялъ село Грязное, гдѣ людямъ, не спавшимъ всю ночь, былъ данъ короткій отдыхъ для приготовленія пищи. Въ тотъ же день, вечеромъ, отрядъ подошелъ къ деревнѣ Семеновкѣ, занятой краснымъ «Отрядомъ Саратовскаго Совѣта». Послѣ перестрѣлки и нѣсколькихъ снарядовъ, 16-й конный полкъ въ пѣшемъ строю повелъ наступленіе, а 14-й конный полкъ глубокимъ обходомъ атаковалъ красныхъ съ фланга. Противникъ былъ сбитъ, оставилъ много убитыхъ и подъ покровомъ ночи отошелъ къ селу Малая Ивановка.

Таким образомъ, былъ прорванъ фронтъ отрядовъ Саратовскаго Совѣта, прикрывавшихъ съ сѣвера участокъ по рѣ-

къ Бердія, отъ Большой Ивановки до Усть-Погожей и хутора Молоканова.

На другой день, 10 ноября, послѣ перестрѣлки и обхода съ фланговъ, были послѣдовательно заняты села Малая Ивановка и Лозное. Изъ села Лозное были высланы офицерскіе разъѣзды съ подрывнымъ матеріаломъ для порчи и взрыва желѣзной дороги въ тылу у красныхъ, въ раіонѣ хутора Попова и южнѣе, на участкѣ между рѣками Иловля и Тишанка, съ цѣлью воспрепятствовать поѣздамъ противника дѣйствовать противъ группы генерала Татаркина.

Разъѣзды, пробравшись скрытно, выполнили задачу успѣшно: желѣзная дорога во многихъ мѣстахъ взорвана и разрушена, рельсы сняты и зарыты въ землю. Разрушенія повторялись въ теченіе нѣсколькихъ дней и натискъ броневыхъ поѣздовъ противъ группы ген. Татаркина, что особенно безпокоило Штабъ Сѣв.-Восточнаго Фронта, былъ парализованъ дѣйствіями отдѣльныхъ разъѣздовъ.

11 ноября Усть-Медвѣдицкіе полки заняли Большую Ивановку, защищавшія ее Совѣтская конная бригада и красная Украинская пѣшая бригада, отошли на хутора по р. Иловлѣ.

12-го ноября, преслѣдуя противника по рѣкѣ Иловлѣ, дивизія съ боемъ заняла хутора Алимовъ, Писаревъ и село Серафимовку. Въ тотъ же день были высланы разъѣзды для розыска и связи съ 1-мъ Коннымъ отрядомъ, входившимъ въ группу ген. Татаркина и, по нѣкоторымъ даннымъ, находившагося гдѣ-то въ раіонѣ Ширяевыхъ хуторовъ.

Красные, подъ нашимъ натискомъ, отошли къ хуторамъ Попову и Авилову, гдѣ, укрѣпившись, оказывали упорное сопротивленіе. Во время боя у хут. Попова, отъ нашихъ разъѣздовъ я получилъ донесеніе, что 1-й Конный отрядъ полковника Кравцова находится за рѣкой Иловлей и ведетъ наступленіе съ запада въ направленіи на хут. Авиловъ.

Къ вечеру, около 4 часовъ, хуторъ Поповъ былъ нами занятъ. Размѣстить въ немъ на ночлегъ по квартирамъ весь отрядъ не представлялось возможнымъ, а квартиро-бивакомъ, ввиду сильнаго мороза и утомленія людей, ставить дивизію было не цѣлеобразно; поэтому я оставилъ одинъ полкъ въ хут. Поповѣ, а съ остальными рѣшилъ отойти на ночлегъ въ Большую Ивановку.

Высланные впередъ квартирьеры при подходѣ къ Большой Ивановкѣ были встрѣчены ружейнымъ и пулеметнымъ

огнемъ противника, занявшаго село со стороны Малой Ивановки, во время нашего отсутствія. Подходившія части дивизіи завязали ночной бой. Красные, боясь окруженія, стали отходить по дорогѣ на М. Ивановку. Нѣсколько удачныхъ артиллерійскихъ снарядовъ по отступавшей колоннѣ, заставили большевиковъ бѣжать въ паникѣ, бросая по дорогѣ обозы.

Крайнее утомленіе и позднее время заставили ограничить преслѣдованіе артиллерійскимъ огнемъ и выдѣленіемъ отдѣльныхъ разъѣздовъ.

Утромъ 13 ноября дивизія повела наступленіе на Мал. Ивановку. Послѣ краткой артиллерійской подготовки, наши части конной атакой заняли Мал. Ивановку, уничтоживъ 6-ой Запасный кавалерійскій полкъ и отрядъ товарища Рожкова. Взято 300 плѣнныхъ, почти всѣ — астраханскіе калмыки, обозы и много оружія.

Вторую половину ноября дивизія вела почти ежедневно удачные, но утомительные бои въ раіонѣ большихъ селъ Давыдовка, Лозное и по рѣкѣ Иловлѣ, куда постоянно прибывали изъ раіона Царицына свѣжіе красные отряды. Имѣя противника со всѣхъ сторонъ, дивизія часто теряла связь со штабомъ фронта, ибо телефонныя линіи рвались или уничтожались большевиками; послѣ нашего ухода изъ какого-либа села, оно часто вновь занималось красными отрядами, высылаемыми изъ Царицына или Камышина.

Съ 1-го по 8-е декабря, въ очень тяжелыхъ условіяхъ, безкормицѣ, густомъ туманѣ, морозѣ свыше 20 градусовъ, Усть-Медвѣдицкіе полки очищали отъ красныхъ раіоны хуторовъ Ширяевскихъ и Авилова.

8 — 10 декабря слѣдуетъ отмѣтить бои у села Солодча, совмѣстно съ 1-мъ Коннымъ отрядомъ. При первомъ наступленіи на Солодчу, 1-й Конный отрядъ не принялъ участія, ввиду сильнаго мороза, и только надругой день, совмѣстными дѣйствіями Солодча была взята. Оставивъ Солодчу, противникъ занялъ Б. Ивановку, Лозное и Давыдовку, откуда пришлось выбивать красныхъ еще нѣсколько дней. Продолжая тѣснить противника, 4-й Конный отрядъ, около 20 декабря, занялъ села, лежащія къ сѣверу и сѣв.-западу отъ посада Дубовка на Волгѣ, и 21-го началъ наступленіе на Дубовку; въ это же время изъ Штаба Фронта была получена телефонограмма: — немедленно прекратить операцію противъ Дубов-

ки и форсированнымъ маршемъ идти на Лозное и уничтожить появившуюся ударную группу противника. —

О силѣ, направленіи движенія и составѣ этой группы въ приказаніи не упоминалось.

Дивизія, выславъ разъѣзды впередъ, взяла направленіе на Лозное. 14-му конному полку, находившемуся на ночлегѣ въ д. Олени и ведущему развѣдку на Дубовку, послано сообщеніе о новой задачѣ съ приказаніемъ отозвать разъѣзды и идти на присоединеніе къ дивизіи, въ Лозное.

Вскорѣ развѣдка донесла, что красные, въ составѣ 2-3 пѣшихъ бригадъ съ артиллеріей и бригадой конницы, занимаютъ хуторъ Садки.

Около 4-хъ часовъ отрядъ подошелъ къ Садкамъ и завязалъ перестрѣлку. Поднявшаяся вьюга и наступившая темнота прекратили бой и дивизія на ночлегъ отошла въ Лозное. Отъ командира 14-го полка получено донесеніе, что полкъ остановился на ночлегъ въ деревнѣ. . . въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Лозное.

Село Лозное расположеновълощинѣ, имѣющей форму плоской чашки, по дну которой съ востока на западъ протекаетъ рѣчка Тишанка. По берегамъ рѣчки, къ сѣверу и югу отъ села, тянется рядъ доминирующихъ холмовъ.

Утромъ, 22-го декабря, отъ разъѣздовъ получены донесенія, что красная пѣхота выступила изъ хутора Садки и двигается по дорогѣ на Лозное. Дежурный 15-й конный полкъ занялъ позицію по высотамъ къ югу отъ села. Около 11 часовъ обозначилось наступленіе красныхъ цѣпей на Лозное и на нашемъ лѣвомъ флангѣ появилась непріятельская конница. Завязался бой. Затрещали пулеметы, загремѣли пушки. 14-му конному полку, подходившему къ Лозному, было послано навстрѣчу сообщеніе объ обстановкѣ, съ приказаніемъ обезпечить нашъ лѣвый флангъ отъ красной конницы.

Около 13 часовъ положеніе было слѣдующимъ: 15-й конный полкъ ведетъ перестрѣлку съ медленно, но настойчиво наступающей красной пѣхотой; 16-й конный полкъ въ спѣшенномъ порядкѣ занялъ удобную позицію по сѣвернымъ высотамъ окраины Лозного, у выхода изъ села; 14-й конный полкъ, находящійся въ 2-3 верстахъ на лѣвомъ флангѣ, ведетъ перестрѣлку съ красной конницей. Красные тѣснятъ 15-й конный полкъ, которому приказано медленно, перекатами отходить на лѣвый флангъ позиціи 16-го полка.

15-й полкъ, подъ командой войскового старшины Воинова Якова, въ образцовомъ порядкѣ, какъ на маневрахъ, съ боемъ отходитъ, подъ прикрытіемъ нашей артиллеріи и пулеметовъ, къ позиціи 16-го полка.

Въ это время получено донесеніе, что къ Лозному подходитъ 1-й Конный отрядъ полковника Кравцова. Красные втягиваются въ село, наводнили его и дѣлаютъ неоднократныя попытки, подъ прикрытіемъ своей артиллеріи и пулеметовъ, атаковать нашу позицію, но безуспѣшно. Наши части, заранѣе пристрѣлявшись, не выпускаютъ противника изъ села, не давая ему возможности подняться по отлогимъ скатамъ. Нѣсколько атакъ отбито, наши части несутъ потери, но держутся упорно. Красные, занявъ село ,попали, какъ бы, въ ловушку, сами не подозрѣвая того. Слѣва подошелъ 14-й конный полкъ и ведетъ интенсивную перестрѣлку съ красной конницей. Къ штабу отряда, находящемуся подъ огнемъ противника, на позиціи 16-го полка, подскакиваетъ начальникъ штаба 1-го Коннаго отряда, войсковой старшина Корнѣевъ, съ докладомъ, что 1-й Конный отрядъ находится въ 2-хъ верстахъ и ждетъ распоряженій. Ознакомивъ войск. старшину Корнѣева съ обстановкой, направляю часть 1-го Коннаго отряда въ обходъ с. Лозного съ праваго фланга, для удара въ тылъ противнику.

Обстановка складывается благопріятно для насъ. Время назрѣло для перехода въ наступленіе. Приказываю: 15-му полку съ двумя сотнями 16-го полка въ пѣшемъ строю перейти въ контръ-атаку съ фронта. 14-й конный полкъ атакуетъ красную кавалерію. 13-й конный двинулся наметомъ въ обходъ Лозного, по лощинѣ, и атаковалъ красныхъ въ конномъ строю. Спѣшенныя сотни съ крикомъ «Ура» ворвались въ село, одновременно съ стремительной конной атакой. Большевики не выдерживаютъ, смѣшались и бѣгутъ въ паникѣ, преслѣдуемые нашей конницей. Все, что втянулось въ село, было частью перебито, частью захвачено въ плѣнъ. Почти вся ударная группа была уничтожена; ускользнула лишь конница. Изъ захваченныхъ на позиціи батарей, наши артиллеристы, повернувъ непріятельскія орудія, открыли изъ нихъ огонь по бѣгущему противнику. Высланная для преслѣдованія конница врубилась въ бѣгущія колонны, сѣя ужасъ и панику. Въ этомъ славномъ дѣлѣ взято около 3500

плѣнныхъ, 7 орудій, 28 пулеметовъ, масса винтовокъ, лазаретъ, кухни и обозы.

На другой день, 23 декабря, утромъ, нами были заняты хутора Садки, Прудки, гдѣ были уничтожены успѣвшіе улизнуть остатки ударной группы, и забраны всѣ обозы и двуколки.

*

* *

Боевой день законченъ. Противникъ разгромленъ и уничтоженъ. Плѣнные и трофеи отправлены въ тылъ. Для преслѣдованія высланы разъѣзды. Реляція написана, приказанія отданы.

Послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ боевыхъ дней люди нуждаются въ отдыхѣ. Большое село разбито на раіоны по полкамъ. Въ селѣ оживленіе. По улицамъ патрули. Настроеніе у всѣхъ бодрое и приподнятое. Варится пища и заготовляется фуражъ. Можно разсѣдлать лошадей, кромѣ дежурной части. Послѣ красныхъ, въ нѣкоторыхъ домахъ села осталось нѣсколько ящиковъ ракетъ; люди забавляются, освѣщая небосклонъ разноцвѣтными огнями.

Комендантъ штаба дивизіи докладываетъ, что собранные по дворамъ остатки плѣнныхъ красноармейцевъ, около 200 человѣкъ, помѣщены въ училищѣ.

Знакомясь съ расположеніемъ частей и принятыми мѣрами предосторожности и охраненія, я, обходя раіоны, заглянулъ съ офицерами штаба въ помѣщеніе для плѣнныхъ. Среди до отказа набитыхъ солдатами классныхъ комнатъ, нѣсколько молодыхъ женщинъ — сестеръ милосердія санитарнаго отряда красной группы. Видъ испуганный и усталый, смотрятъ со страхомъ. Зная, по опыту, какой опасный элементъ представляютъ на войнѣ женщины, особенно молодыя, да еще и плѣнныя, среди частей, давно не видавшихъ женщинъ, приказываю коменданту подыскать для нихъ отдѣльное помѣщеніе, поставить караулъ и никого не допускать.

Старушка-учительница мѣстной школы охотно согласилась пріютить на ночь у себя въ квартирѣ плѣнныхъ сестеръ. Послѣ опроса нѣкоторыхъ плѣнныхъ солдатъ, зашелъ въ квартиру учительницы. Четыре красивыхъ женщины успѣли умыться и привести себя въ порядокъ; прежній страхъ исчезъ, смотрятъ съ любопытствомъ и нѣкоторымъ еще опа-

сенiемъ. Предлагаемъ папиросъ; охотно и съ наслажденiемъ курятъ. Одна изъ нихъ, высокая и красивая блондинка, послѣ нѣсколькихъ фразъ, ободренная нашимъ отношенiемъ, съ нѣкоторымъ смущенiемъ обращается вполголоса ко мнѣ съ просьбой показать полковника Голубинцева.

— Зачѣмъ вамъ? — спрашиваю удивленно.

— Мы такъ много слышали о немъ, что любопытно взглянуть.

— Онъ передъ вами, — отвѣчаю со смѣхомъ.

Женщина смущена, смотритъ съ удивленiемъ и видимымъ недовѣрiемъ. Лицо заливаетъ густой румянецъ.

— Что, разочарованы? — разсмѣялся я.

— Совсѣмъ нѣтъ... но мы представляли себѣ полковника Голубинцева очень суровымъ, пожилымъ и съ большой бородой... насъ такъ пугали имъ, а вы... — сестра запнулась, — молодой и совсѣмъ не страшный, — лукаво улыбаясь, продолжала сестра, оправившись послѣ перваго смущенiя.

Черезъ нѣсколько минутъ плѣнницы, убѣдившись, что бѣлые офицеры совсѣмъ не страшны для женщинъ, уже совершенно откровенно, улыбаясь съ дѣланной скромностью «праведницъ, готовыхъ и согрѣшить», говорили мнѣ:

— Теперь, г. полковникъ, мы ваши плѣнницы и вы можете дѣлать съ нами, что хотите!

— Къ сожалѣнiю, не могу, — улыбнулся я. — Мой примѣръ былъ бы соблазномъ для подчиненныхъ и противъ моихъ принциповъ. Мы наши желанiя подчиняемъ волѣ и установленному воинскому порядку. Я могу лишь приказать васъ накормить, пожелать вамъ спокойной ночи, а завтра утромъ отправлю васъ въ тылъ, вмѣстѣ съ остатками плѣнныхъ.

— Такъ скоро! — вырвалось у одной изъ сестеръ... И она, смутившись, добавила: — мы такъ давно не видали настоящихъ царскихъ офицеровъ...

Прощаясь, сестра, задерживая мою руку, съ нескрываемымъ сожалѣнiемъ говорила:

— Прощайте, г. полковникъ, такъ скоро и неужели навсегда!

Мой начальникъ штаба, любуясь разсыпанными по плечамъ золотыми локонами другой сестры, съ неохотой и сожалѣнiемъ оставляя помѣщенiе, неувѣренно, обращаясь ко мнѣ, со слабой надеждой въ голосѣ говоритъ:

— Можетъ быть, будемъ здѣсь вмѣстѣ ужинать?

— Нѣтъ, И. И., лучше отдѣльно, — разсмѣялся я, — ибо послѣ ужина еще труднѣе будетъ разставаться... Noblesse oblige!

*
* *

Наши отряды 4-й и 1-й за это блестящее дѣло получили благодарственную телеграмму Донского Атамана, генерала Краснова.

24, 25 и 26 декабря У.-Медвѣдицкая дивизія, совмѣстно съ отрядомъ полк. Кравцова, очистила отъ незначительныхъ частей противника хутора Широковъ, Араканцевъ, станцію Котлубань и разъѣздъ Конный.

26 декабря, въ раіонѣ станціи Котлубань и разъѣзда Конный, красные, усиленные бронепоѣздами, пытались упорно сопротивляться, но соединенными дѣйствіями нашихъ двухъ конныхъ отрядовъ были сбиты и отошли на станцію Гумракъ. Покончивъ съ красной ударной группой, нашъ отрядъ переходитъ 26-го декабря въ раіонъ села Прямая Балка, откуда 27-го ведетъ наступленіе на станицу Пичужинскую на Волгѣ, гдѣ сосредоточилась масса совѣтской конницы. За нѣсколько дней передъ этимъ было получено изъ штаба С.-Вост. Фронта предупрежденіе, быть особенно осторожнымъ, такъ какъ активная группа красной конницы Думенко изъ Царицынскаго раіона переброшена къ сѣверу отъ желѣзной дороги на Царицынъ.

У станицы Пичуженской и произошла моя первая встрѣча съ конницей Думенко. Бой ограничился перестрѣлкой и маневрированіемъ безъ особенныхъ результатовъ. Въ перестрѣлкѣ былъ убитъ есаулъ Хрипуновъ.

На 29-е декабря было условлено съ полковникомъ Кравцовымъ совмѣстное наступленіе на посадъ Дубовку. Въ назначенный часъ я началъ операцію, съ боемъ занялъ деревню Тишанку, но вслѣдствіе сильнаго тумана связь съ полк. Кравцовымъ не была установлена и съ наступленіемъ темноты я отошелъ на ночлегъ въ хут. Садки. На другой день выяснилось, что полк. Кравцовъ, ввиду густого тумана, не считалъ возможнымъ вести операцію, но меня о своемъ рѣшеніи не увѣдомилъ.

30 декабря, послѣ вчерашняго наступленія, У.-Медвѣдицкая дивизія отдыхала въ хут. Садки. Около 15 чесовъ наши

разъѣзды донесли мнѣ, что 1-й Конный отрядъ быстро отходитъ на Садки, преслѣдуемый красной конницей. По тревогѣ дивизія выступила на поддержку и, занявъ позицію, огнемъ артиллеріи остановила красныхъ и приняла на себя отходившія въ безпорядкѣ части 1-го Коннаго отряда.

Преслѣдующія части красныхъ были отброшены и быстро скрылись.

По докладу прибывшаго начальника штаба 1-го Коннаго отряда, войскового старшины Корнѣева, полковникъ Кравцовъ рѣшилъ самостоятельно атаковать Дубовку, разсчитывая не встрѣтить особеннаго сопротивленія. При подходѣ къ Дубовкѣ, въ раіонѣ Тишанской балки, отрядъ былъ встрѣченъ контръ-атакой красной конницы, въ подавляющемъ количествѣ и, понеся большія потери ранеными и убитыми, въ числѣ послѣднихъ былъ и начальникъ отряда полковникъ Кравцовъ, принужденъ былъ спѣшно отойти.

По разсказу фельдшера одного изъ полковъ отряда, Апришкина, бывшаго въ моментъ боя около полковника Кравцова, красные, пользуясь туманомъ, зашли по балкѣ въ тылъ и окружили полковника, руководившаго боемъ. Не желая сдаваться живымъ въ плѣнъ, полковникъ Кравцовъ застрѣлился.

Объединивъ командованіе всей конной группой, я на ночлегъ и отдыхъ отправилъ полки 1-го Коннаго отряда въ село Лозное.

31 декабря изъ штаба фронта присланъ мнѣ былъ на усиленіе 4-й пѣшій полкъ въ 200-300 штыковъ, въ очень плачевномъ состояніи, какъ въ смыслѣ боевой подготовки, такъ и дисциплины, и гаубичная батарея изъ двухъ орудій.

День прошелъ спокойно и, ввиду утомленія частей и сильнаго мороза, боевыхъ дѣйствій не предпринималось. Красные также насъ не безпокоили, отойдя въ раіонъ Дубовки.

Съ наступленіемъ темноты конницу въ сторожевомъ охраненіи смѣнилъ 4-й пѣшій полкъ, занявъ заставами окраину деревни. Къ вечеру морозъ усилился и поднялась вьюга. Половину лошадей разрѣшено было разсѣдлать, оставивъ въ каждомъ полку дежурную часть въ полной готовности. Людямъ разрѣшено было по очереди мыться въ баняхъ. Около 10 час. вечера, когда въ штабѣ отряда готовились къ встрѣчѣ Новаго Года, неожиданно со стороны южной окраины села поднялась сильная ружейная, а затѣмъ и пулеметная стрѣль-

ба. Домъ занятый штабомъ отряда сталъ простреливаться ружейными пулями. Въ хуторѣ поднялась суматоха. Отъ 4-го пѣшаго полка получено донесенiе, что красные внезапно напали на сторожевое охраненiе и заняли окраину села. По телефону и черезъ ординарцевъ полкамъ приказано по тревогѣ собираться на сборный пунктъ, на сѣверную окраину хутора. Быстро выбрались полки изъ хутора и построились въ резервныхъ колоннахъ на сѣверной окраинѣ. Черезъ 3-4 минуты послѣ тревоги конная батарея есаула Овчинникова, занявъ позицiю, открыла огонь по подступамъ и по южной окраинѣ хутора. Красные, между тѣмъ, вырѣзавъ заснувшее и пьяное, по случаю Новаго Года, сторожевое охраненiе 4-го пѣшаго полка, ворвались въ деревню. Вьюга и туманъ еще болѣе осложняли обстановку. Орiентироваться можно было только по выстрѣламъ. Справа, въ обходъ хутора, показались непрiтельскiя конныя группы; судя по выстрѣламъ и донесенiю посланнаго съ разъѣздомъ отъ конвойной сотни штаба сотника Маркова, силу этихъ группъ можно опредѣлить въ 2-3, отдѣльно дѣйствующихъ, эскадроновъ.

Для противодѣйствiя обходу, на правый флангъ, на выстрѣлы были выдвинуты двѣ сотни. Двѣ другiя сотни въ пѣшемъ строю и одна въ конномъ перешли въ контръ-атаку хутора. Конная сотня, наступавшая по долинѣ, по замерзшей рѣчкѣ, пересѣкавшей хуторъ, столкнулась съ краснымъ эскадрономъ; въ схваткѣ около 50 красныхъ кавалеристовъ и командиръ эскадрона были зарублены. Ружейная и пулеметная стрѣльба, прерываемая орудiйнымъ огнемъ, охватила со всѣхъ сторонъ хуторъ. Завязался ожесточенный ночной бой. Удачными попаданiями артиллерiи красная колонна, сосредоточенная на южной окраинѣ хутора, была разстроена и бросилась въ сторону, къ востоку отъ хутора. Воспользовавшись поднявшейся у противника суматохой, сестра 4-го полка Грекова не потерялась и увела захваченный было красными лазаретъ и плѣнныхъ.

Постепенно, по мѣрѣ выясненiя обстановки, наши части, выдвинутыя на поддержку атакующимъ, втянулись въ бой, обходя хуторъ слѣва и справа. Къ 3-мъ часамъ утра противникъ былъ окончательно выбитъ изъ села и скрылся въ темнотѣ, оставивъ убитыхъ и плѣнныхъ. Части вновь заняли квартиры. Изъ опроса плѣнныхъ выяснилось, что красная Доно-Кубанская конная бригада, застигнутая въ пути вьюгой,

сбилась съ пути и, блуждая въ поискахъ ночлега, случайно наткнулась на расположенныя въ х. Садки наши части. Безпечное сторожевое охраненіе было захвачено врасплохъ, частью вырѣзано, благодаря чему краснымъ удалось, почти безъ шума, подойти къ селу и занять окраину. Не предполагая, что хуторъ занятъ сильными частями противника и не разсчитывая встрѣтить дальнѣйшаго сопротивленія, красная бригада рѣшила остановиться на ночевку.

Въ первыхъ числахъ января 1919 года, нашъ конный отрядъ, усиленный 5-мъ пѣшимъ казачьимъ полкомъ въ 500 штыковъ, сосредоточился въ раіонѣ селъ Мал. Ивановка — Лозное для обороны этого сектора. Погода была ясная. Стояли сильные морозы.

5-го января, красная конница, перейдя въ наступленіе, вытѣснила изъ М. Ивановки 14-й конный полкъ и съ дикимъ воемъ атаковала 5-й пѣшій полкъ, занимавшій позицію къ западу отъ М. Ивановки. Подпустивъ красныхъ на 300-400 шаговъ, пѣшій полкъ съ удивительной выдержкой и хладнокровіемъ встрѣтилъ атаку нѣсколькими отчетливыми залпами. Атакующая въ массѣ конница отхлынула въ безпорядкѣ, оставляя убитыхъ и раненыхъ, преслѣдуемая частымъ ружейнымъ огнемъ.

Въ тотъ же день, между 12 и 16 часами, красная конница шесть разъ, бѣшено, въ конномъ строю, переходила въ атаку на с. Лозное, но постоянно съ потерями откатывалась назадъ, подъ убійственнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ спѣшенныхъ частей нашей конницы, занимавшихъ по сѣверной возвышенности села Лозного заранѣе подготовленную и пристрѣлянную позицію. Особенно блестяще дѣйствовала конная батарея есаула Овчинникова, мѣткимъ ураганнымъ огнемъ вносившая смерть и ужасъ въ ряды атакующихъ.

Съ командного пункта можно было наблюдать, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ, красочныя атаки совѣтской конницы, несшейся волнами на Лозное и сметаемой огнемъ артиллеріи. Укрѣпившіяся на позиціи, по окраинамъ села, спѣшенныя сотни постоянно заставляли красныхъ, подскакивающихъ почти вплотную, также быстро смѣшаться и поворачивать назадъ, неся потери. Несмотря на проявленное упорство и настойчивость, противникъ не добился успѣха; прорвать наше расположеніе ему не удалось и къ вечеру красная конница отошла въ село Давыдовку.

6-го января я перешелъ въ наступленіе на Давыдовку. При подходѣ къ Давыдовкѣ мы были встрѣчены сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ; одинъ изъ снарядовъ попалъ въ группу штаба отряда, двигавшуюся въ головѣ колонны, и убилъ двухъ лошадей и проводника, жителя села Лозное, въ тотъ моментъ, когда послѣдній, по минованіи надобности, былъ отпущенъ домой, но задержался, докуривая папироску.

Развернувшись, наши части начали наступленіе, стараясь охватить село съ фланга и отрѣзать путь отступленія на Дубовку. Послѣ краткой перестрѣлки противникъ, прикрываясь артиллеріей, отошелъ на посадъ Дубовку. Изъ опроса захваченныхъ въ Давыдовкѣ плѣнныхъ и разсказа священника, въ домѣ котораго находился штабъ красной конницы, мы узнали, что село занимала конная дивизія Думенко, командовалъ ею временно, ввиду раненія въ руку въ бою 30 декабря н-ка дивизіи, его помощникъ, Семенъ Буденный. Маленькая деталь: священникъ обратилъ вниманіе, что товарищъ Буденный, получая донесенія, долго и усердно ихъ разсматривалъ, затѣмъ, передавая ихъ начальнику штаба или адъютанту, говорилъ: «ничего не разберешь, такъ непонятно, сукины сыны, пишутъ!»

Продолжая тѣснить красныхъ, мы заняли село Прямую Балку. Буденный отошелъ на Песковатку и Дубовку.

Съ занятіемъ Прямой Балки, боевой день закончен. Размѣстить на ночлегъ весь отрядъ въ Прямой Балкѣ не представлялось возможнымъ и часть отряда я отвелъ на ночлегъ въ Давыдовку, куда къ вечеру были подтянуты обозы, а въ Прямой Балкѣ оставилъ 16-й Конный полкъ и 5-й пѣшій; послѣдній было бы правильнѣй оттянуть назадъ, но такъ какъ пѣшія части были особенно утомлены, я, уступая просьбѣ командира полка и не желая заставлять полкъ сдѣлать еще одинъ переходъ, нарушивъ общее правило, разрѣшилъ остаться полку въ Прямой Балкѣ.

Дальнѣйшее наступленіе продолжать было рисковано, ибо мы значительно выдвинулись впередъ и нашъ правый флангъ былъ совершенно открытъ и какъ бы висѣлъ въ воздухѣ, а противникъ былъ многочисленъ и активенъ.

7-го января отрядъ не предпринималъ никакихъ дѣйствій, ограничиваясь развѣдкой. Я предполагалъ изъ осторожности оттянуть части изъ Прямой Балки въ Давыдовку и въ этомъ смѣслѣ сдѣлалъ докладъ генералу Яковлеву. Въ отвѣтъ, 8-го

января утромъ, отъ генерала Татаркина была получена телефонограмма: «не безпокойтесь за вашъ правый флангъ, я его обезпечилъ въ с. Тишанка пѣшимъ полкомъ съ батареей».

Впослѣдствіи оказалось, что пѣшій полкъ самовольно оставилъ Тишанку еще наканунѣ. Получивъ телефонограмму генерала Татаркина, я отдалъ приказъ о наступленіи. Когда дивизія строилась у восточнаго выхода изъ Давыдовки, изъ Прямой Балки по телефону было получено донесеніе отъ командира 16 коннаго полка, что красная конница съ броневыми автомобилями, внезапно, массою обрушилась на Прямую Балку; вскорѣ прискакалъ казакъ со вторымъ донесеніемъ: — 5-й пѣшій и 16-й конный полки спѣшно отходятъ по балкѣ, тянущейся вдоль нашего пути наступленія, преслѣдуемые красной конницей и бронемашинами. По полученіи такихъ свѣдѣній, части отряда быстро заняли позицію, забаррикадировали и перекопали гдѣ успѣли дороги и встрѣтивъ противника пулеметнымъ и орудійнымъ огнемъ, задержали его стремительный натискъ.

Принявъ на себя отступающія наши части, отрядъ съ боемъ сталъ отходить, давъ предварительно возможность обозамъ выбраться изъ Давыдовки.

По докладу командира 16-го коннаго полка, полковника Дьяконова, части занимавшія Прямую Балку, получивъ приказъ о наступленіи на Дубовку, начали строиться и выходить изъ села, ожидая подхода главныхъ силъ отряда. Впередъ была выслана развѣдка, а правый флангъ, надѣясь на части, находившіяся, согласно сообщенію ген. Татаркина, въ Тишанкѣ, охранялся лишь заставами. Въ это время, совершенно неожиданно, со стороны Тишанки, на нашъ правый флангъ обрушился конный отрядъ Буденнаго съ двумя бронемашинами. Внезапное появленіе броневиковъ съ пулеметами произвело панику въ 16 конномъ полку. Полкъ бросился въ сосѣднюю балку, тянувшуюся слѣва, параллельно нашему движенію. 5-ый пѣшій полкъ мужественно принялъ атаку, встрѣтивъ красныхъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

Подавляющее число противника, внезапности и, главнымъ образомъ, благодаря невиданнымъ еще машинамъ, казавшимся неуязвимыми, заставило полкъ, потерявшій половину людей, также отходить по балкѣ, группами, къ Давыдовкѣ.

Появленіе у противника машинъ произвело сильное впе-

чатлѣніе на всѣ наши части. Нервность повысилась, какъ слѣдствіе неподготовленности къ борьбѣ съ броневиками и кажущейся безпомощности остановить ихъ стремительность. Призракъ бронемашинъ еще нѣсколько дней виталъ надъ частями и иногда появленіе на горизонтѣ кухни вызывало тревожные крики: «Броневикъ!»

Слѣдующіе дни 9-12 января отрядъ, отходя къ Большой Ивановкѣ, велъ бои съ перемѣннымъ успѣхомъ съ красной конницей.

Въ это время на Сѣв.-Вост. Фронтѣ было неблагополучно, особенно на сѣверѣ, гдѣ части, почти безъ боя, отходили къ югу.

*

* *

Заканчивая краткое описаніе дѣйствій въ Иловлинскомъ раіонѣ, я не могу не подчеркнуть нѣкоторыхъ обстоятельствъ и фактовъ и не сдѣлать нѣкоторыхъ выводовъ:

Конный отрядъ, въ непрерывныхъ бояхъ и передвиженіяхъ въ теченіе послѣднихъ 4-5 мѣсяцевъ безъ отдыха, значительно понизилъ свою боеспособность. Особенно гибельно на людяхъ и, главнымъ образомъ, на лошадяхъ отозвались послѣдніе два мѣсяца пребыванія въ Саратовской губерніи, гдѣ за отсутствіемъ фуража зачастую кормили лошадей соломою съ крышъ и даже камышемъ. Боевой составъ въ нѣкоторыхъ полкахъ дошелъ до 150-200 сабель. Несмотря на мои неоднократные доклады генералу Яковлеву и просьбы о разрѣшеніи отводить по очереди полки на отдыхъ и пополненіе въ ближайшій тылъ, я получалъ всегда отказъ, хотя была полная къ тому возможность. Обозы были переполнены больными и ранеными, и людями и лошадями. Почти безпрерывныя передвиженія съ ежедневными боями совершенно вымотали нашу конницу, прибывшую изъ Соломатина въ полномъ порядкѣ, съ боевымъ составомъ около 1000 сабель въ каждомъ полку. Вся Иловлинская операція длившаяся съ 9-го ноября 1918 г. по 12-е января 1919 года, если не считать уничтоженія ударной группы противника у села Лозное 22-го декабря и 6-го кавалерійскаго запаснаго полка у д. М. Ивановка въ ноябрѣ, не имѣла особаго значенія, не стоила тѣхъ усилій, жертвъ и потерь въ людяхъ и лошадяхъ отъ безкор-

мицы и тифа, и свелась лишь къ безконечнымъ передвиженіямъ съ боями, не имѣвшимъ никакого стратегическаго значенія.

Задача поставленная 4-му Конному Отряду — облегчить положеніе группы ген. Татаркина — совсѣмъ не требовала снятія съ Камышинскаго направленія цѣлой конной дивизіи, а могла съ успѣхомъ быть выполнена находившимися въ распоряженіи генерала Татаркина частями 1-го Коннаго Отряда, ибо появившіяся значительныя силы красной конницы были переброшены къ сѣверу отъ жел.-дороги, изъ Царицынскаго раіона, только въ концѣ декабря, и въ противовѣсъ активнымъ дѣйствіямъ появившейся нашей конницы. Впечатлѣніе у меня сложилось, что мой отрядъ былъ вызванъ въ раіонъ Иловли, только для спокойствія Штаба Фронта, безъ настоятельной необходимости или какихъ-либо стратегическихъ соображеній и даже въ ущербъ общему дѣлу.

Результатъ ухода конницы изъ Соломатина былъ тотъ, что операція противъ Камышина была прекращена и генералъ Осовскій, черезъ часъ послѣ ухода конницы, оттянулъ части на 15 верстъ назадъ, снялъ осаду, и этотъ важный пунктъ былъ взятъ Кавказской Арміей только черезъ 8 мѣсяцевъ.

Если бы не категорическое приказаніе генерала Яковлева 8 ноября, — идти на выручку группы ген. Татаркине, которой, какъ я уже упомянулъ, въ этотъ періодъ (8 ноября — 20 декабря) не угрожало никакой опасности, настолько серьезной, чтобы перебрасывать цѣлую дивизію, для порчи дороги, что съ успѣхомъ могли выполнить одни разъѣзды, — я, безъ сомнѣнія, 9-10 ноября занялъ бы Камышинъ и сообщеніе Царицына по Волгѣ съ центральной Россіей было бы прервано на 8 мѣсяцевъ раньше.

11.

ШТАБЪ СѢВЕРО-ВОСТОЧНАГО ФРОНТА

13 января 1919 года, находясь съ отрядомъ въ с. Малая Ивановка, я получилъ отъ генерала Яковлева предписаніе прибыть въ Штабъ С.-Восточнаго Фронта, въ слободу Михайловку, для доклада.

Въ это время на Сѣв.-Восточномъ Фронтѣ всюду было скверно, фронтъ разваливался и откатывался къ югу почти безъ сопротивленія и мѣстами даже безъ соприкосновенія съ противникомъ. Управленіе войсками было утеряно. По пути слѣдованія въ Штабъ я встрѣчалъ вооруженныя группы казаковъ разныхъ частей, соединявшихся, по собственной иниціативѣ, въ отряды для партизанскихъ дѣйствій и обороны станицъ и хуторовъ. Отрядами командовали офицеры, но общаго руководства не было, никто обстановки не зналъ. Я, убѣдившись, что управленія не было, по собственной иниціативѣ, приказывалъ этимъ отрядамъ разыскать противника и, не теряя съ нимъ связи, медленно отходить къ станицамъ и хуторамъ, лежащимъ на Дону, гдѣ имъ закрѣпляться, связываться съ сосѣдними отрядами, вести развѣдку и ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Этимъ отрядамъ я намѣтилъ пути слѣдованія на станицы Кременскую (есаулъ Руфъ, Поповъ), Клѣцкую, Перекопскую, Распопинскую (хорунжій Сердиновъ), разсчитывая создать здѣсь линію обороны. Отряды были разной силы, отъ 100 до 600 человѣкъ. Въ станицѣ Кременской было даже двѣ пушки.

По пути слѣдованія въ Михайловку я встрѣтилъ офицера, наканунѣ выѣхавшаго изъ Михайловки, который сообщилъ мнѣ, что въ Михайловкѣ расклеены афиши, приказы и объявленія, что на фронтѣ все благополучно, но штабъ генерала Яковлева спѣшно ушелъ въ Арчаду и эвакуировалъ всѣ военныя учрежденія. Я направился въ Арчаду; штаба фронта и здѣсь не было. Арчада спѣшно эвакуировалась и была запружена обозами и тыловыми учрежденіями. Начальникъ этапа доложилъ мнѣ, что ген. Яковлевъ со штабомъ прослѣдовалъ на югъ, минуя Арчаду.

Около 20-22 января я, наконецъ, нагналъ штабъ въ одномъ изъ хуторовъ за Дономъ.

Послѣ разговоровъ съ ген. Яковлевымъ по поводу послѣднихъ операцій въ раіонѣ Прямой Балки, я передалъ ему письменный докладъ о боѣ 7-го января, о дѣятельности 4-го Коннаго Отряда и о состояніи его въ послѣдній періодъ, съ приложеніемъ копій, какъ моихъ донесеній и докладовъ, такъ и копій распоряженій штаба фронта и сообщеній генерала Татаркина. Изъ представленныхъ документовъ, особенно копій распоряженій штаба фронта, часто противорѣчивыхъ и даже абсурдныхъ, не соотвѣтствовавшихъ обстановкѣ и

элементарнымъ требованіямъ веденія боевыхъ операцій и использованія конницы, можно легко было вывести заключеніе о руководствѣ штаба фронта. Я указалъ также на состояніе людей и лошадей, безкормицу, тифъ, отсутствіе теплой одежды и особенно сапогъ — результатомъ этихъ причинъ и было пониженіе боевого состава частей до 150-200 сабель въ полку. За все время пребыванія въ раіонѣ Саратовской губерніи, 4-мъ Коннымъ Отрядомъ отъ штаба С.-В. фронта не было получено ни одного свѣдѣнія, ни одной информаціи, какъ объ общей обстановкѣ на всемъ фронтѣ, такъ, въ частности, и о положеніи на Сѣв.-Вост. фронтѣ. Никакихъ свѣдѣній о противникѣ, о задачахъ С.-В. фронта, и вообще, кромѣ того, никакой заботы о питаніи людей и лошадей, одеждѣ и проч.

Докладъ мой по своей яркости, документальности и правдивости произвелъ на ген. Яковлева сильное впечатлѣніе, понявшаго, повидимому, какъ много имъ сдѣлано ошибокъ и проявлено легкомыслія.

Затѣмъ, я информировалъ его о всемъ видѣнномъ и сдѣланномъ мною передъ фронтомъ, во время моего слѣдованія въ розыскахъ штаба фронта, объ отданныхъ мною распоряженіяхъ и указаніяхъ и предложилъ ему поручить мнѣ объединить дѣйствія партизанскихъ отрядовъ, войти въ соприкосновеніе съ противникомъ и, организовавъ оборону по Дону, задержать на нѣсколько дней противника, что дастъ возможность нашимъ частямъ придти въ порядокъ.

23 января я получилъ предписаніе и вмѣстѣ съ однимъ изъ офицеровъ моего штаба, шт.-ротмистромъ Небогатиковымъ, объѣхалъ станицы Кременскую, Перекопскую, Клѣцкую и другія, гдѣ къ этому времени казаки уже сорганизовались. За это время я выпустилъ три приказа-воззванія съ описаніемъ обстановки и директивами отрядамъ. Красные, пока, особенной активности не проявляли и дѣятельность партизанскихъ отрядовъ состояла, главнымъ образомъ, въ развѣдкѣ и поддержаніи связи между собою, чѣмъ достигалась общность дѣйствій. Около 10 дней отряды выполняли свою задачу, отбивая небольшія группы противника.

1-го февраля я счелъ задачу выполненной, партизанскіе отряды отправлены по своимъ частямъ, и я выѣхалъ въ Новочеркасскъ.

12.

НОВЫЯ ФОРМИРОВАНІЯ

Въ началѣ февраля 1919 года я прибылъ въ Новочеркасскъ, гдѣ съ огорченіемъ узналъ, что Донской Атаманъ, генералъ Красновъ, оставилъ свой постъ и вмѣсто него избранъ Кругомъ генералъ Богаевскій, что Командующимъ Донской Арміей назначенъ, вмѣсто генерала Денисова, мало популярный генералъ Сидоринъ.

Въ это время новый Командармъ производилъ переформированія Донской Арміи. 4-й Конный Отрядъ переформированъ въ 15-ую Конную дивизію, въ составѣ трехъ У.-Медвѣдицкихъ полковъ: 13-го, 15-го и 17-го. Во временное командованіе вступилъ войсковой старшина Сутуловъ.

При создавшейся обстановкѣ, въ Новочеркасскѣ мнѣ дѣлать было нечего, и черезъ двѣ недѣли я выѣхалъ на фронтъ, въ распоряженіе генерала Мамонтова, въ станицу Великокняжескую.

1-го марта, послѣ свиданія въ поѣздѣ съ ген. Мамонтовымъ и нач. штаба ген. Алексѣевымъ, я отправился въ станицу Семикаракарскую, въ VII корпусъ, входящій въ группу генерала Мамонтова, съ предписаніемъ отъ ген. Мамонтова командиру VII корпуса ген. Попову, И. Д., слѣдующаго содержанія: «Дать полковнику Голубинцеву назначеніе, соотвѣтствующее его боевымъ заслугамъ». 5-го марта, вечеромъ, я прибылъ въ штабъ корпуса и представился комкору. Штабъ собирался уходить въ хут. Веселый. Утромъ 6-го я получилъ слѣдующее предписаніе:

«Полковнику Голубинцеву

1919 г. 6 марта 9 час. 30 мин.

№ 0122/ж ст. Семикаракорская

Комкоръ 8 приказалъ въ дополненіе приказа по корпусу № 79/ж приступить Вамъ къ формированію 5-ой Конной дивизіи. Вашъ помощникъ полковникъ Егоровъ. На формированіе дивизіи должны быть обращены 13-й, 15-й и 17-й конные полки. Въ остальномъ Вамъ руководствовать-

ся приказомъ № 79, копія котораго будетъ Вамъ прислана дополнительно.

Надлежитъ также Вамъ принять три конныхъ сотни войскового старшины Примѣрова.

Наштакоръ 8 полковникъ Жилинскій.»

Одновременно мною была получена копія телеграммы слѣдующаго содержанія:

«Черезъ Новочеркасскъ. Ст. Семикаракорская. Комкору 8. Разъѣздъ Анти Комкору 6 Донского изъ Штарміи 1-й № 237 б/с 16 час. только Комкору 8 на № 273.

Командармъ предназначилъ на должности Начдива конной формируемой изъ 12-й и 14-й дивизіи генерала Секретова и помощникомъ войск. старш. Рубашкина. Изъ 13-й Конной див. и 50 кон. полка, дивизіона Севостьянова, сотни Лобанова, конной сотни ударнаго баталіона — генерала Попова и помощникомъ полковника Попова.

2-й конной дивизіи — полковника Калинина и помощникомъ полковника Егорова. Изъ конныхъ частей Сѣв.-Восточнаго Фронта желательно было бы сформировать двѣ конныхъ дивизіи съ назначеніемъ начдивомъ одной изъ нихъ генерала Татаркина и помощникомъ полковника Сутулова и начдивомъ другой полковника Голубинцева и помощникомъ полковника Егорова.

Начдивомъ казачьей пѣшей полковника Якушева и помощникомъ полковника Тарасова. Штадив 13 пѣш. — штадивомъ пѣшей казачьей и наштадивомъ — капитана Раздарова. Штадивы конныхъ по выбору соотвѣтствующихъ начдивовъ. Наштадивъ у генерала Татаркина полковникъ Дроновъ. Назначеніе капитана Полковникова наштадивомъ Командармъ не согласенъ.

4/III 17 час. 20 мин. №01313 Великокняжеская

Алексѣевъ

Съ подлиннымъ вѣрно

Сотникъ Леоновъ.»

Получивъ предписаніе, я немедленно приступилъ къ формированію дивизіи. Къ 9-му марта 5-я Конная дивизія была сформирована въ составѣ 4-хъ конныхъ полковъ. Въ хут.

Золотовѣ я сдѣлалъ смотръ дивизіи. Входившіе въ составъ дивизіи полки мною были сформированы еще въ 18 году, во время возстанія, и въ большинствѣ состояли изъ Усть-Медвѣдицкихъ казаковъ.

Узнавъ о моемъ назначеніи, казаки группами и въ одиночку со всѣхъ сторонъ стали стекаться въ полки дивизіи и численный составъ полковъ достигъ до 1000 сабель въ каждомъ.

11 марта я былъ вызванъ комкоромъ, генераломъ Поповымъ, въ хут. Веселый. Здѣсь генералъ сообщилъ мнѣ, что генералъ Татаркинъ не могъ сформировать дивизіи изъ своихъ бывшихъ полковъ, какъ предполагалось, согласно телеграммѣ командарма I, № 277, а потому онъ рѣшилъ сформированную мною дивизію передать ген. Татаркину, какъ старшему, а мнѣ предлагаетъ принять дивизію отъ полковника Калинина, котораго онъ, якобы, не знаетъ. Я, конечно, отказался отъ послѣдняго предложенія, заявивъ, что если генералъ Татаркинъ не сформировалъ дивизіи, то совсѣмъ не потому, что нѣтъ достаточнаго числа казаковъ, а просто потому, что у него не было достаточно воли и желанія, ибо гораздо легче заявить о своемъ правѣ старшинства, чѣмъ начать формированіе.

Въ это время я чувствовалъ себя совершенно больнымъ, у меня начинался брюшной тифъ, температура 39 градусовъ, а потому у меня не было ни охоты, ни желанія отстаивать свое право на сформированную уже дивизію, состоящую почти цѣликомъ изъ моихъ казаковъ.

Генералъ Поповъ И. Д. предложилъ мнѣ приступить вторично къ формированію новой дивизіи изъ тѣхъ казаковъ, которые были предназначены на формированіе дивизіи генерала Татаркина и изъ находящихся въ обозахъ, переполненныхъ больными и выздоравливающими. На это предложеніе я не отвѣтилъ ни да, ни нѣтъ.

Послѣ разговора съ ген. Поповымъ я отправился въ штабъ корпуса къ начальнику штаба, полковнику Жилинскому. Увидѣвъ меня, полковникъ Жилинскій встрѣтилъ меня радостнымъ возгласомъ: «Очень радъ васъ видѣть! Въ послѣдніе дни, узнавъ о вашемъ назначеніи, меня безпрерывно осаждаютъ какъ отдѣльные казаки, такъ и цѣлыя группы вопросами — гдѣ полковникъ Голубинцевъ! —

— Скажите, что ихъ такъ притягиваетъ къ вамъ?

— Да это весьма понятно, ибо это мои казаки, не казаки Х-ой дивизіи или отряда, но казаки Голубинцева, съ которыми я поднялъ возстаніе и съ большинствомъ изъ нихъ служилъ въ 3-емъ полку до войны, во время войны и послѣ войны.

Когда я передалъ полковнику содержаніе моего разговора съ комкоромъ, онъ развелъ руками и сказалъ: «Ничего не понимаю! У насъ въ корпусѣ все дѣлается навыворотъ, нѣтъ ни одного положительнаго рѣшенія. . . Впрочемъ, черезъ два дня генералъ Поповъ будетъ отрѣшенъ отъ командованія корпусомъ. Этотъ вопросъ уже рѣшенъ».

И дѣйствительно, дня черезъ два, къ моему глубокому удовлетворенію, генералъ Поповъ былъ отставленъ отъ командованія корпусомъ.

11 марта вечеромъ я получилъ новое предписаніе за № 01009 — вновь приступить къ формированію 5-ой конной дивизіи. Сформированная же мною 5-я дивизія была передана генералу Татаркину и получила новое наименованіе: «4-й Конной дивизіи, генерала Татаркина».

Передъ тѣмъ, какъ передать ген. Татаркину дивизію, я послалъ приказаніе начальнику штаба — забрать штабъ, трубачей, конвойную сотню и лазаретъ и отойти въ тылъ на формированіе новой 5-ой дивизіи.

12-го марта я окончательно слегъ, врачи опредѣлили у меня брюшной тифъ. Въ глубокій тылъ я не эвакуировался, а остался у себя въ дивизіонномъ лазаретѣ, продѣлавъ, на походныхъ носилкахъ, утомительные переходы во время нашего отступленія, почти до границъ Кубани.

13.

ВОЗСТАНІЕ ПО МЕДВѢДИЦѢ

Едва оправившись послѣ брюшного тифа, въ срединѣ апрѣля 1919 года, я выѣхалъ изъ с. Н.-Батайское, гдѣ находился лазаретъ формируемой мною дивизіи, на фронтъ.

Послѣ зимняго отступленія и неудачъ, обстановка мѣнялась въ благопріятную для насъ сторону и намѣчался переходъ въ наступленіе.

Для оріентированія въ обстановкѣ, я хотѣлъ повидаться сначала съ генераломъ Мамонтовымъ, моимъ сослуживцемъ по 3-му Донскому Казачьему Ермака Тимофеева полку.

Послѣ поисковъ, я нашелъ генерала въ его поѣздѣ у станицы Аксайской. Въ это время онъ былъ почти не у дѣлъ, имѣя лишь штабъ и небольшое число пѣшихъ людей. Мамонтовъ посовѣтывалъ мнѣ ѣхать къ генералу Покровскому, который перешелъ въ наступленіе и скоро. надо полагать, вступитъ въ предѣлы Донской Области, гдѣ я могу изъ возставшихъ казаковъ быстро сформировать полки и дивизіи..

Черезъ нѣсколько дней я прибылъ въ штабъ 1-го Кубанскаго Корпуса, находившагося на одной изъ станцій Царицынской жел.-дорожной вѣтки.

Послѣ моего доклада о моихъ планахъ и намѣреніяхъ, генералъ Покровскій обѣщалъ мнѣ оказать полное содѣйствіе для выполненія моей задачи, какъ только мы вступимъ въ предѣлы Дона.

Прибывшая со мной конвойная сотня временно была прикомандирована къ Татарскому полку Конно-Горской дивизіи.

4-го мая, когда штабъ Кубанскаго Корпуса находился въ Ново-Манычской, отъ генерала Сидорина была получена телеграмма, вызывающая меня въ Новочеркасскъ. Простившись съ ген. Покровскимъ, я далъ распоряженіе и маршрутъ штабу, конвойной сотнѣ и обозу съ лазаретомъ отойти въ раіонъ Донской Арміи, а самъ съ адъютантомъ рѣшилъ ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Новочеркасскъ, чтобы побывать предварительно въ Войсковомъ Штабѣ. Но въ это время съ отправкой конвойной сотни произошло небольшое затрудненіе, задержавшее меня дня на два. Начальникъ Конно-Горской дивизіи, полковникъ Гревсъ, наговоривъ мнѣ массу похвалъ и комплиментовъ по адресу конвойной сотни, сталъ просить меня разрѣшить еще на нѣкоторое время задержать сотню въ дивизіи, такъ какъ сотня, якобы, необходима, ибо, какъ онъ выразился, «держитъ всю дивизію». Я, конечно, ни въ коемъ случаѣ не могъ согласиться на это. Сотня состояла изъ людей мнѣ преданныхъ, испытанныхъ, по большей части моихъ сослуживцевъ по 3-му полку Царской Арміи, съ которыми я началъ Усть-Хоперское возстаніе въ апрѣлѣ 1918 года.

Наконецъ, послѣ долгихъ разговоровъ, полковникъ Гревсъ сказалъ, что не можетъ отпустить сотню, несмотря на рас-

поряженіе ген. Покровскаго, не получивъ приказанія отъ генерала Шатилова.

Всѣ мои доводы, что конвойная сотня находится въ моемъ непосредственномъ подчиненіи и лишь состоитъ на довольствіи при Конно-Горской дивизіи, что ее никто не можетъ удерживать и что стоитъ мнѣ лишь отдать приказаніе и казаки въ первую же ночь присоединятся ко мнѣ, но я не хотѣлъ бы прибѣгать къ такой мѣрѣ, такъ какъ считаю, что это можетъ подѣйствовать развращающимъ образомъ на другія части — не могли убѣдить полк. Гревса, и мнѣ пришлось ѣхать къ генералу Шатилову.

Въ штабѣ я не засталъ Шатилова, но его начальникъ штаба отдалъ приказаніе полковнику Гревсу не задерживать сотни. Отправивъ сотню, я уѣхалъ въ Новочеркасскъ.

Впослѣдствіи, уже по прибытіи въ Усть-Медвѣдицу, командиръ конвойной сотни доложилъ мнѣ, что когда конвойная сотня, слѣдуя по данному ей маршруту, уже вошла въ предѣлы Донской Области, ее догнали четыре горца съ приказаніемъ, якобы, отъ генерала Врангеля, вернуться обратно въ Конно-Горскую дивизію. Командиръ сотни отвѣтилъ, что онъ теперь находится въ предѣлахъ Донской Арміи и только отъ Донского Командованія можетъ получать приказанія, а, кромѣ того, у него имѣется приказъ отъ своего начальника дивизіи, слѣдовать по данному имъ маршруту.

Въ Новочеркасскѣ я явился ген. Сидорину и нач. штаба Донской Арміи, генералу Кельчевскому. Почти одни и тѣ же разговоры и тѣ же вопросы: — что вы дѣлаете у этого. . . Покровскаго, поѣзжайте къ Мамонтову, онъ уже началъ наступленіе и тамъ для васъ будетъ болѣе успѣшная работа.

Получивъ отъ генерала Кельчевскаго предписаніе отправиться въ распоряженіе генерала Мамонтова и приступить къ формированію дивизіи, я выѣхалъ изъ Новочеркасска, сначала на лошадяхъ, а затѣмъ, по пути, пересѣлъ на нагнавшій насъ по Дону пароходъ «ПетръI», слѣдовавшій въ Нижне-Чирскую станицу. Лошадей я погрузилъ съ собой на пароходъ.

Не доходя около 100 верстъ до станицы Нижне-Чирской, пароходъ вслѣдствіе мелководья засѣлъ въ пескѣ, пришлось продолжать путь опять на лошадяхъ. По прибытіи въ Нижне Чирскую я тамъ Мамонтова не захватилъ, онъ уже продвинулся впередъ со своими частями.

Въ Нижне-Чирской оставались лишь его нѣкоторыя тыловыя учрежденія.

Продолжая свой путь черезъ станицы Потемкинскую, Клѣцкую, Распопинскую, я нагналъ 4-го іюня Мамонтова въ Усть-Медвѣдицѣ, на берегу Дона, гдѣ онъ переправлялъ свои части на лѣвый берегъ. Здѣсь же я получилъ отъ генерала инструкціи и предписаніе. Черезъ часъ ген. Мамонтовъ со своими частями двинулся на Арчаду.

* *
*

Организовавъ быстро походный штабъ, я объявилъ мобилизацію. Казаки стали стекаться со всѣхъ сторонъ. Приказъ о мобилизаціи былъ разосланъ въ станицы Ново-Александровскую, Глазуновскую, Арчадинскую, Етеревскую, Березовскую и другія. Черезъ три дня я выѣхалъ на лошадяхъ вверхъ по Медвѣдицѣ, за мной уже вереницей тянулись казаки изъ станицъ и хуторовъ, лежащихъ по Медвѣдицѣ. Въ пути я получилъ слѣдующее предписаніе ген. Мамонтова:

«7/VII Арчада.

Усть-Медвѣдица

Полковнику Голубинцеву

Безотлагательно выѣзжайте. Ваше присутствіе необходимо. Спѣшите день и ночь. Раіонъ по Медвѣдицѣ весь возсталъ, необходимо дѣло наладить.

Генералъ Мамонтовъ».

Заслышавъ о моемъ приближеніи, казаки возставали, убивали или зарывали живыми въ землю комиссаровъ и прогоняли за границу Дона переселенцевъ изъ центральной Россіи, водворенныхъ совѣтской властью.

Продвигался я впередъ нигдѣ не задерживаясь; за мною вооруженные, кто какъ могъ, выѣзжали изъ домовъ казаки и по пути присоединялись къ своимъ станичнымъ отрядамъ. Станицы мною были разбиты по полкамъ, формированіе происходило на ходу. Назначенные мною командиры полковъ

разбивали станичные и хуторскіе отряды по сотнямъ, назначали командировъ сотенъ и продолжали формированіе съ движеніемъ впередъ.

Такое быстрое формированіе и мобилизацію можно производить только среди казаковъ, природныхъ воиновъ, привыкшихъ къ порядку и дисциплинѣ, пропитанныхъ древними традиціями и преданіями родного войска.

12-го іюня я вступилъ въ станицу Островскую во главѣ конной дивизіи, изъ 4-хъ конныхъ полковъ по 1000-1200 сабель въ каждомъ. Все населеніе станицы насъ торжественно встрѣтило съ иконами. При входѣ въ станицу воздвигнута была тріумфальная арка; отслуженъ благодарственный молебенъ объ освобожденіи отъ совѣтской власти, сказаны подходящія къ обстановкѣ рѣчи.

Кромѣ конныхъ полковъ дивизіи, мною было сформированно еще два пѣшихъ полка, но ввиду недостатка оружія я ихъ оставилъ въ тылу и вскорѣ передалъ ихъ въ пѣшій отрядъ полковника Сутулова.

14-го іюня я получилъ отъ генерала Мамонтова слѣдующее предписаніе:

«Полковнику Голубинцеву

9 іюня. 6 час. № 1032 ст. Арчада

Предписываю Вамъ организовать возставшихъ по Медвѣдицѣ казаковъ и сформировавъ изъ нихъ полки и бригады, вступить въ командованіе означенными частями. Въ формируемыя Вами части не подлежатъ зачисленію тѣ казаки, кои идутъ на укомплектованіе 4-й дивизіи. Задача Ваша — развить въ полной мѣрѣ возстаніе и партизанскія дѣйствія въ раіонѣ Липки—Камышинъ—Кумылга. Установите связь съ возставшими крестьянами Камышинскаго уѣзда и также примите мѣры къ ихъ организаціи.

Генералъ Мамонтовъ».

Такъ какъ ко времени полученія настоящаго предписанія я уже выдвинулся далеко впередъ изъ раіона дѣйствій, указанныхъ въ предписаніи, я рѣшилъ начать партизанскія дѣйствія въ сѣверо-восточномъ направленіи Рудня—Камы-

шинъ, съ цѣлью добыть возможно скорѣе необходимое оружіе и пушки.

Первое столкновеніе съ организованнымъ противникомъ произошло 15-го или 17-го іюня у одного изъ хуторовъ, верстахъ въ 10-ти къ сѣв.-востоку отъ станицы Островской. Безъ выстрѣла, съ шашками и пиками, въ конномъ строю, 2-ой Усть-Медвѣдицкій конный полкъ, подъ командой войскового старшины Гайдукова, атаковалъ совѣтскій пѣхотный отрядъ, опрокинулъ, разсѣялъ, частью изрубилъ и взялъ въ плѣнъ 500 человѣкъ, 400 винтовокъ и два пулемета. Первый успѣхъ поднялъ духъ и окрылилъ молодые Усть-Медвѣдицкіе полки.

Еще нѣсколько смѣлыхъ налетовъ — и дивизія почти вся вооружилась винтовками и пулеметами. Добыты были обозы, походныя кухни, телефонное и телеграфное имущество, двуколки. Не было только пушекъ, но личный составъ батареи былъ сформированъ изъ артиллеристовъ.

Въ отвѣтъ на мои донесенія и доклады генералу Мамонтову объ обстановкѣ и моихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, я получилъ слѣдующее:

«Начальнику Усть-Медвѣдицкой дивизіи.

хут. Нижне-Писаревскій. № 0729/ж. 20/VI 14 час. 15 мин.

Комкоръ на № 84 резолюціей приказалъ первымъ днемъ формированія считать 9 іюня с. г. (т. е. начало формированія). Оружіе Вамъ затребовано. Держите на особомъ учетѣ артиллеристовъ для формированія батареи; пушки, если сами не отобьете, будутъ присланы.

По параграфу 3 Вашего приказа №2 — извѣстить станичныхъ атамановъ, что за все представленное будетъ полностью уплачено изъ Войсковыхъ суммъ, по существующимъ въ интендантствѣ цѣнамъ. Представить счета для оплаты. Получить у интенданта авансъ на довольствіе.

По параграфу 2, приказа № 3. Всѣхъ дармоѣдовъ, прибывшихъ на Донъ изъ Россіи, собрать въ партіи и принудить возвратиться въ свои мѣста, на родину. Особенно непокорныхъ и протестующихъ разстрѣливать, склонныхъ устраивать митинги и проповѣдывать о пользѣ совѣтской власти нещадно пороть, не взирая на полъ и возрастъ. Выселеніе должно послѣдовать въ спѣшномъ порядкѣ; при-

везенное переселенцами цѣнное имущество отобрать въ пользу тѣхъ обществъ, на прокормленіи коихъ находились переселенцы. Впредь до полученія Вами вооруженія комкоръ приказалъ заняться партизанскими дѣйствіями на фронтѣ Ременниковъ—Красный Яръ—Рудня—Елань, имѣя цѣлью порчу желѣзныхъ дорогъ, телеграфа и нарушеніе связи движенія и захватъ обозовъ.

Ген. Мамонтовъ изъ Н. Писарева сегодня переходитъ въ х. Тетеринъ, въ раіонѣ коего наша конница имѣетъ задачу движенія на Камышинъ—Красный Яръ. Вѣроятно задача будетъ измѣнена, ввиду занятія Кавказской Арміей Царицына. Возможно она двинется на Камышинъ.

Полковникъ Жилинскій».

Конечно, мѣръ, рекомендуемыхъ вышеприведеннымъ приказомъ, по отношенію импортированнаго на Донъ совѣтской властью на прокормленіе «надежнаго элемента», примѣнять не приходилось, ибо при первыхъ только признакахъ наступленія бѣлыхъ армій, весь красный коммунистическій «наплывъ» исчезалъ, не дожидаясь приглашенія.

Въ исполненіе данныхъ директивъ, развивая партизанскія дѣйствія Усть-Медвѣдицкая дивизія заняла раіонъ къ сѣв.-востоку отъ ст. Островской. Появленіе нашей конницы въ селахъ Котово, Мойсеево, Слюсарево и другихъ, внесло панику въ красный тылъ. Частями дивизіи было захвачено много тыловыхъ учрежденій, телеграфныхъ и телефонныхъ станцій, резервныхъ и учебныхъ частей, обозовъ. Разъѣзды наши доходили до участка желѣзной дороги Рудня—Камышинъ, разбирая и взрывая жел.-дорожное полотно.

Безпокоясь за свои тылы, красное командованіе снимаетъ съ фронта конный корпусъ Буденнаго, стоявшій противъ конной группы генерала Мамонтова, которой въ это время командовалъ временно генералъ Толкушкинъ, и ставитъ Буденному задачу: — уничтожить дивизію полковника Голубинцева — (что видно изъ захваченнаго приказа Буденнаго по корпусу).

Усть-Медвѣдицкая дивизія въ это время располагалась слѣдующимъ образомъ: Штабъ дивизіи съ конвойной сотней въ станицѣ Островской, 1-ый кон. полкъ въ раіонѣ хут. Бузулукъ, 4-й кон. полкъ въ хут. Пшеничкинъ, 2-й кон. полкъ

въ хут. Н. Коробковскій и 3-й кон. полкъ въ слободѣ Орѣховка. Полки связаны со штабомъ дивизіи телефономъ. Накануне, до поздняго вечера, дивизія вела бой съ красной конницей къ востоку отъ хут. Коробкова. Противникъ былъ оттѣсненъ за линію Котово—Мойсеево и, по всѣмъ даннымъ, не предполагалось никакихъ неожиданныхъ дѣйствій со стороны красныхъ. Полки отдыхали, ограничиваясь охраненіемъ.

Около 10 час. утра красная конница внезапно атаковала хут. Н. Коробковскій; 2-й конный полкъ, войскового старшины Гайдукова, не успѣвъ даже по телефону сообщить о нападеніи противника, спѣшно и сначала даже въ безпорядкѣ, сталъ отходить на Островскую. Изъ сторожевого поста, выставленнаго отъ штаба дивизіи на курганѣ къ востоку отъ Островской, прискакалъ казакъ съ донесеніемъ, что въ хут. Коробковскомъ что-то происходитъ, какъ будто тревога: видна суматоха и отдѣльные казаки скачутъ по направленію къ Островской. Черезъ нѣсколько минутъ получено донесеніе отъ командира полка, что полкъ подъ давленіемъ красной конницы отходитъ на Островскую. Конвойная сотня съ двумя пулеметами выслана на восточную окраину станицы и быстро заняла заранѣе намѣченную позицію. По телефону полкамъ сообщено объ обстановкѣ и приказано: 4-му кон., есаула Долгова, — отъ хутора Пшеничкина атаковать во флангъ и тылъ наступающаго на Островскую противника. 1-му полку, полковника Болдырева, — ускореннымъ аллюромъ двигаться вдоль рѣки Медвѣдицы на Островскую и, дѣйствуя по обстановкѣ, атаковать противника. 3-му полку, есаула Семисотова, — слобода Орѣховка, — занять позицію по р. Медвѣдицѣ и, въ случаѣ нашего отступленія, обезпечить нашъ отходъ и переправу черезъ Медвѣдицу. Красная артиллерія обстрѣливаетъ станицу. Обозъ и тыловыя учрежденія были переправлены въ Орѣховку, за р. Медвѣдицу, частью черезъ глубокій бродъ, частью на лодкахъ. Рѣка Медвѣдица въ это время вбродъ почти не проходима, но у Орѣховки, при спокойной обстановкѣ, по заранѣе разставленнымъ вѣхамъ, можно было перебраться. 2-й полкъ приближается къ станицѣ, огонь красныхъ становится интенсивнѣй, снаряды рвутся на площади у церкви. Затрещали пулеметы конвойной сотни, 2-й полкъ также пришелъ въ относительный порядокъ и присоединился къ конвойной сотнѣ.

Когда красная конница, тѣсня 2-й полкъ, была на пути между Островской и хуторомъ Коробковымъ, отъ хут. Пшеничкина спускался въ линіи колоннъ 4-ый Конный полкъ подъ командой доблестнаго есаула Долгова. Красные, не ожидавшіе противника съ этой стороны, приняли сначала полкъ Долгова за свои части и продолжали движеніе въ походной колоннѣ. Очутившись внезапно передъ красными, есаулъ Долговъ рѣшаетъ пробить себѣ дорогу:

— Полкъ! шашки, пики къ бою! За мной, широкимъ наметомъ, маршъ!

Во главѣ съ командиромъ полка казаки врѣзываются въ удивленную колонну противника и пиками и шашками прокладываютъ себѣ путь. . .

Много красныхъ было зарублено и заколото. Полкъ не только очистилъ себѣ путь, но и успѣлъ захватить два пулемета противника. Наши потери около 30 раненыхъ, всѣ холоднымъ оружіемъ, и 8 человѣкъ убитыхъ. Спустившись къ югу и обороняясь отъ красныхъ, полкъ занялъ позицію въ 5-ти верстахъ ниже по Медвѣдицѣ и, не теряя соприкосновенія съ противникомъ, къ 4 часамъ послѣ полудня связался со штабомъ дивизіи.

Тѣмъ временемъ штабъ дивизіи, съ конвойной сотней и 2-мъ кон. полкомъ, подъ огнемъ противника, прикрываемый пулеметами 3-го кон. полка, вбродъ и вплавь, въ порядкѣ, почти безъ потерь, переправился въ слободу Орѣховку. 1-й полкъ, полковника Болдырева, опоздалъ, участія въ бою не принялъ и переправился черезъ Медвѣдицу въ 5 верстахъ выше Орѣховки.

Буденный, подойдя къ Медвѣдицѣ, пробовалъ форсировать переправу, но встрѣченный ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ отошелъ въ Островскую и черезъ день, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ переправиться въ раіонѣ Орѣховки, оставилъ станицу, и наши части вновь заняли ее.

Во второй половинѣ іюля было получено мною приказаніе: «Усть-Медвѣдицкой конной дивизіи присоединиться къ группѣ генерала Мамонтова, сосредоточенной въ станицѣ Урюпинской и готовящейся къ выступленію въ дальній рейдъ въ глубь Россіи».

Выполняя приказаніе, я съ дивизіей выступилъ въ походъ, но на второмъ переходѣ получилъ второй приказъ: — занять 30-40 верстный прорывъ, образовавшійся между Каварміей, наступающей къ востоку отъ р. Медвѣдицы, и Донарміей. Служить связью между двумя арміями и, дѣйствуя по обстановкѣ, наступать въ направленіи на село Рудня.

Тѣсня противника, У.-Медвѣдицкая дивизія постепенно съ боями заняла села Лопуховку, Громки, Красный Яръ и другія, подошла къ рѣкѣ Терса и начала наступленіе на село Рудня, лежащее по ту сторону рѣки. Красные оказывали сильное сопротивленіе. Отъ огня артиллеріи дивизія несла потери. Изъ Штаба 1 Донского Копуса мнѣ, наканунѣ боя, былъ присланъ взводъ стариковъ, съ задачей собирать оружіе на поляхъ, послѣ боевъ; не желая этихъ стариковъ подвергать излишней опасности, я помѣстилъ ихъ укрыто за курганомъ, но на ихъ несчастье одинъ случайный снарядъ попалъ въ самую середину взвода и почти всѣхъ перебилъ или переранилъ.

Бой развивается. Мы продвигаемся въ пѣшемъ строю. Красные, не жалѣя снарядовъ, засыпаютъ насъ артиллерійскимъ огнемъ. Атака назрѣваетъ. Сердце бьется сильнѣе. Энергія растетъ. Спѣшенныя части заняли по гребню исходное положеніе для атаки. Конный резервъ готовъ для преслѣдованія. Посланный мною въ обходъ 3-й конный полкъ, есаула Семисотова, перепревившись черезъ Терсу въ 4-хъ верстахъ восточнѣе Рудни, началъ наступленіе во флангъ и тылъ защитникамъ Рудни. Въ это же время наши спѣшенныя части съ крикомъ «Ура!» бросаются въ атаку. Тѣснимые съ фронта и угрожаемые обходомъ, красные начали отступленіе, сначала медленно, сопротивляясь, съ остановками. Большевики выбиты изъ села, мы продолжаемъ тѣснить ихъ къ желѣзной дорогѣ, гдѣ противникъ былъ окончательно опрокинутъ и обратился въ бѣгство, оставивъ на позиціи два орудія, нѣсколько пулеметовъ. Захвачено 800 плѣнныхъ. Для преслѣдованія высланы сильные разъѣзды.

Послѣ занятія Рудни были очищены отъ красныхъ и заняты села Матышево, Сосновка, Судачье, станціи Ильмень и другія, лежащія къ востоку и западу отъ Рудни. Черезъ нѣсколько дней красные вновь перешли въ наступленіе на Рудню. Встрѣченные нашей контръ-атакой, большевики отошли, понеся потери, и заняли позицію по гребню, къ сѣверу отъ

села Подкуйково, въ нѣсколькихъ верстахъ сѣвернѣй Рудни, гдѣ и пытались, подкрѣпленные конной бригадой, оказать сопротивленіе. Здѣсь произошла эффектная конная атака: два полка дивизіи на наметѣ развернулись изъ линіи колоннъ и подъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ противника стремительно атаковали красныхъ и врубились въ цѣпи пѣхоты; находившаяся на лѣвомъ флангѣ противника красная конная бригада атаки не приняла и, бросивъ пѣхоту, ускакала на сѣверъ.

Въ этомъ бою былъ уничтоженъ совѣтскій «желѣзный полкъ», если не ошибаюсь, 39-й стрѣлковой совѣтской дивизіи. Взято 500 плѣнныхъ, нѣсколько пулеметовъ, 4 орудія и нѣсколько походныхъ кухонь. Въ тотъ же день, продолжая преслѣдованіе, наши полки заняли еще нѣсколько селъ по всѣму фронту къ сѣверу отъ Подкуйкова.

Дальнѣйшее наступленіе дивизія пріостановила, такъ какъ наша задача была, главнымъ образомъ, заполнить промежутокъ между Донской и Кавказской арміями, мы же выдвинулись значительно впередъ нашихъ сосѣдей, пріостановившихъ наступленіе 22-го іюля; находившаяся юго-западнѣе насъ 3-я пластунская бригада отошла за рѣку Бузулукъ.

Съ 25 іюля красные, усиленные подкрѣпленіями съ сѣвера, стали проявлять большую активность. Вскорѣ начался общій отходъ нашихъ армій, правда, очень медленный, но все же отходъ, съ боями и съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Около 1-го августа наша дивизія занимала участокъ по рѣкѣ Терсѣ въ раіонѣ селъ Терсинка, Разловка, Сосновка. Отступленіе на нашемъ и сосѣднихъ участкахъ было не столько подъ давленіемъ противника, сколько по стратегическимъ соображеніямъ. Такимъ образомъ, отступая и наступая, обороняясь и переходя въ контръ-атаки, неся потери и часто захватывая трофеи и плѣнныхъ, Усть-Медвѣдицкая Конная дивизія, прикрывая отходъ Донской Арміи, постепенно отходила къ Дону. Въ этотъ періодъ отхода слѣдуетъ отмѣтить удачные бои нашей дивизіи у с. Лопуховки, у слободы Орѣховки и особенно блестящее дѣло 8 августа у станицы Островской, гдѣ Усть-Медвѣдицкая дивизія, совмѣстно съ Атаманской Конной бригадой генерала Каключина, переброшенной съ Кавказской Арміи на правый берегъ Медвѣдицы, нанесли сильный ударъ краснымъ, чѣмъ значительно облег-

чили тяжелое положенiе группы генерала Покровскаго, отходившей правѣе насъ.

*
* *

Въ началѣ августа, въ раiонѣ села Громки, былъ убитъ состоявшiй въ 13-мъ Конномъ полку Усть-Медвѣдицкой дивизiи хорунжiй Кузьма Крючковъ, популярный во всей Россiи народный герой 1-ой Мiровой войны, — казакъ 3-го Донского Казачьяго Ермака Тимофеева полка Императорской Армiи.

14.

РЕЙДЪ ГЕНЕРАЛА МАМОНТОВА

Въ этотъ перiодъ бѣлой борьбы золотыми буквами въ исторiю конницы вписанъ блестящiй рейдъ Донской конницы генерала Мамонтова.

Въ началѣ iюля 1919 года Конная группа генерала Мамонтова была снята съ восточнаго фронта Донской Армiи и сосредоточена въ раiонѣ станицы Урюпинской, съ цѣлью набѣга въ тылъ краснымъ, въ глубь Россiи.

Общее положенiе на фронтѣ къ этому времени рисовалось слѣдующимъ образомъ: во время лѣтняго наступленiя бѣлыми была захвачена большая территорiя южной Россiи, до линiи Кiевъ—Орелъ—Царицынъ, что давало огромныя средства и возможности. Дальнѣйшими объектами бѣлаго движенiя являлись Тула и Москва, со взятiемъ которыхъ было бы дезорганизовано боевое снабженiе большевиковъ и военное руководство красными армiями и, такимъ образомъ, для совѣтской армiи создавалась крайне опасная политическая обстановка, ибо захватъ юга Россiи лишалъ красныхъ плодороднаго черноземнаго пространства и каменноугольнаго Донецкаго бассейна. Война съ Польшей еще болѣе усугубляла критическое положенiе красной власти. Населенiе юга Россiи въ подавляющемъ большинствѣ, особенно крестьяне, было противъ совѣтской власти. Всѣ эти соображенiя были учтены и приняты, какъ данныя благопрiятствующiя для производства рейда. Подготовка набѣга была произведена образцово, корпусъ выдѣлялся, якобы, для отдыха и такимъ образомъ не

вызывалъ особаго безпокойства красныхъ. Отборъ людей и лошадей былъ тщательно произведенъ, все слабое и истощенное оставлялось, люди и лошади за двѣ недѣли нахожденія подъ Урюпиномъ успѣли отдохнуть.

Стоявшій во главѣ корпуса генералъ Мамонтовъ былъ весьма популяренъ среди казаковъ. Около 20-23 іюля въ расположеніе корпуса прибылъ Командующій Донской Арміей генералъ Сидоринъ и прочиталъ указъ Верховнаго Правителя адмирала Колчака о назначеніи генерала Деникина Главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами юга Россіи, а генералъ Мамонтовъ поздравилъ казаковъ съ походомъ на Москву.

Выборъ мѣста для прорыва краснаго фронта и направленія былъ сдѣланъ весьма удачно — въ стыкѣ 8-й и 9-й совѣтскихъ армій.

Непосредственной цѣлью набѣга было: — ударъ по краснымъ тыламъ, разрушеніе желѣзныхъ дорогъ и узловыхъ станцій и поднятіе возстанія среди мѣстнаго населенія.

Направленіе движенія было намѣчено отъ Новохоперска на Тамбовъ, являвшійся однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ тыла Южнаго фронта красныхъ. Это направленіе приходилось въ стыкѣ 8-й и 9-й красныхъ армій.

При составленіи плана набѣга предполагалось придать Мамонтову еще 2-й Донской корпусъ генерала Коновалова и Конную дивизію полковника Голубинцева, сформированную изъ возставшихъ казаковъ, силою въ 4000 сабель. Для приведенія въ исполненіе этого плана необходимо было сократить фронтъ Донской Арміи, выдвинувъ Кавказскую Армію генерала Врангеля къ сѣверу, что дало бы возможность снять съ фронта корпусъ генерала Коновалова и, присоединивъ его въ раіонѣ Урюпина къ группѣ генерала Мамонтова, ударить въ тылъ и флангъ группы красныхъ въ раіонѣ Новохоперскъ — Лиски, въ направленіи на Воронежъ, а затѣмъ бросить всю массу конницы въ рейдъ, для удара по тыламъ красныхъ армій.

Такимъ образомъ, въ смыслѣ сохраненія тайны, маскировки намѣренія, выбора мѣста прорыва и направленія, плана и директивъ, учета настроенія населенія и обстановки, отбора лошадей, технической и моральной подготовки, — были приняты и учтены всѣ необходимыя для успѣха предпріятія мѣры.

Осуществленіе полностью плана не удалось, вслѣдствіе медленнаго продвиженія Кавказской Арміи, которая должна была, занявъ Балашовъ, освободить корпусъ Коновалова.

Занятый борьбою съ красными, генералъ Коноваловъ не смогъ во время присоединиться къ Мамонтову, а дивизія полковника Голубинцева, направленная на присоединеніе къ генералу Мамонтову изъ раіона сл. Орѣховка — ст. Островская, была остановлена на походѣ и получила новую задачу: заполнить образовавшійся 40-верстный прорывъ между Донской и Кавказской арміями и наступать къ сѣверу, въ связи съ Донской и Кавказской арміями.

Генералъ Мамонтовъ, получивъ директивы о рейдѣ и прождавъ нѣсколько дней корпусъ генерала Коновалова, толкаемый Ставкой, рѣшаетъ выполнить рейдъ самостоятельно.

Составъ группы, принимавшей участіе въ рейдѣ, былъ слѣдующій: 12-я Донская Конная дивизія, 13-я Донская Конная дивизія и Сводная Донская Конная дивизія; численность каждой дивизіи равнялась 2000 сабель. Кромѣ того, для поддержки былъ приданъ еще пѣшій казачій отрядъ, около 3000 штыковъ. Артиллерія состояла изъ шести полевыхъ орудій, четырехъ дальнобойныхъ англійскихъ и двухъ $4^{1}/_{2}$ дюймовыхъ пушекъ. Такимъ образомъ, численность отряда опредѣлялась въ 6000 сабель, 3000 штыховъ, 12 орудій и 3-хъ броневтомобилей. Обозы были взяты только боевые. 25-го іюля части корпуса начали переправу черезъ рѣку Хоперъ у станицы Добринской. 28 іюля одна изъ конныхъ дивизій корпуса обрушилась на 40-ю совѣтскую дивизію 8-й арміи, на участкѣ отъ устья рѣки Савала до станціи Колѣно. Разбитые красные, съ большими потерями, отошли за рѣку Елань. Одновременно къ востоку отъ рѣки Савала была прорвана 36-я совѣтская дивизія и отброшена на линію Красовка — Тюменевка. Въ образовавшійся прорывъ, шириною около 20-ти верстъ, двинулись части генерала Мамонтова и къ 20-ти часамъ 29 іюля, одна изъ дивизій, пройдя 50 верстъ въ направленіи на Тамбовъ, заняла села Костинъ-Отдѣлецъ и Братки. Передовыя части дошли до села Козловки и разъѣзды появились на участкѣ желѣзной дороги Борисоглѣбскъ — Грязи, между станціями Терновка и Волконская и у станціи Есипово.

Появленіе Мамонтова въ тылу у красныхъ произвело страшную панику и разстройство; связь порвалась между штабами, среди командногo состава появилась растерянность.

Безъ давленія красные очистили Борисоглѣбскъ и отошли къ М. Алабуха и Гробановка.

До 1-го августа главныя силы корпуса продолжали оставаться въ раіонѣ Костинъ Отдѣлецъ, Макарово, Тагайки, подтягивая оставшіяся еще въ тылу части. Но разъѣзды продвигались и къ 1-му августа были у станціи Сампуръ на желѣзной дорогЗ Тамбовъ-Балашовъ.

2-го августа корпусъ продолжалъ движеніе двумя колоннами: одна дивизія шла на Жердевку и двѣ на гор. Козловъ. Выдѣленныя части атаковали станцію Сампуръ; красный баталіонъ, защищавшій станцію, разбѣжался. Станцію сожгли, разрушили водокачку, пакхаузы, уничтожили все желѣзнодорожное имущество, мосты, желѣзную дорогу.

Высланная совѣтская кавалерійская бригада, для преграждения казакамъ пути на Тамбовъ, у деревни Сукманка столкнулась съ 12-й казачьей дивизіей, была разбита на-голову и разсѣяна. На ночлегъ 12-я кон. дивизія расположилась въ раіонѣ села Бурнакъ. Дезорганизація у красныхъ была такова, что выдвинуть что-либо для прикрытія Тамбова красное командованіе было не въ состояніи.

3-го августа конный корпусъ расположился на ночлегъ въ раіонахъ селъ Пановы-Кусты — Жердевка. Охраненіе было выдвинуто по линіи Липовица (20 верстъ южнѣе Тамбова) до станціи Чакино, на Тамбово-Балашевской жел. дорогѣ.

По пути казаки разрушали желѣзныя дороги, телеграфъ, сжигали станціи и желѣзнодорожный инвентарь, разоружая и распуская красныя части по домамъ. Связь между красными штабами была окончательно прервана. Противодѣйствія красныя части, оставшись безъ связи и толковыхъ директивъ, оказать не только не могли, но и разбѣгались при появленіи казачьихъ разъѣздовъ. Штабъ Южнаго Фронта, находившійся въ Козловѣ, боясь быть захваченнымъ казаками, поспѣшно бѣжалъ, оставивъ все имущество. Населеніе сочувственно встрѣчало казаковъ. 4-го августа части генерала Мамонтова находились въ раіонѣ Поповы-Кусты — Грязнуха, въ 60-80 верстахъ къ югу отъ Тамбова.

5 августа утромъ казаки появились въ юго-западу отъ Тамбова, прорвали укрѣпленный раіонъ у деревни Руднево и захвативъ у дер. Арапово красную батарею, въ 8 час. ворвались въ Тамбовъ, не встрѣтивъ сопротивленія. Многочисленный гарнизонъ города въ паникѣ разбѣжался, частью сдав-

шись въ плѣнъ. Красноармейцы разоружены и распущены по домамъ, а крестьянамъ выданы винтовки. Съ занятіемъ Тамбова можно считать законченнымъ первый періодъ рейда.

Принимая во вниманіе обстановку, составъ отряда, возможности и задачу, приходимъ къ заключенію, что этотъ періодъ рейда выполнялся въ техническомъ отношеніи образцово, используя всѣ возможности. Удачный выборъ направленія и пути движенія между двумя рѣками, Еланью и Савалой, обеспечивалъ фланги, что въ первый моментъ операціи было очень важно. Незначительная средняя скорость движенія — 180 верстъ въ 8 дней — т. е. 23 версты въ день, объясняется тѣмъ, что конница была связана съ пѣхотой и, кромѣ того, движеніе замедлялось продолжительными остановками, необходимыми для выполненія политическаго заданія и выясненія обстановки. Фактической же скоростью движенія надо считать 50 верстъ въ день. Скорость же отдѣльныхъ разъѣздовъ доходила до 80 верстъ въ день.

Результатъ этого періода рейда выразился въ разгромѣ нѣскольких совѣтскихъ дивизій и отрядовъ, въ уничтоженіи жел.-дорожныхъ станцій и сооруженій и полной порчи телеграфной и телефонной сѣти во всѣхъ раіонахъ Южнаго Фронта. Неожиданное и внезапное появленіе массы конницы вызвало среди краснаго командованія растерянность и нервность. Подтвердилось, что населеніе глубоко отрицательно относится къ совѣтской власти. Что же касается краснаго центра, то тамъ возникла страшная паника, о чемъ свидѣтельствуетъ воззваніе Троцкаго отъ 5-го августа: «На облаву» и «Храбрость отъ отчаянія», гдѣ въ характерныхъ одесскихъ выраженіяхъ товарищъ Троцкій старается ободрить красныхъ товарищей, но въ тонѣ и въ выраженіяхъ этихъ прокламацій, между строкъ, ярко сквозитъ животный паническій страхъ и ужасъ, такъ присущій зарвавшейся наглости.

6-го августа, находясь въ Тамбовѣ, Мамонтовъ выслалъ разъѣзды къ сѣверу отъ станціи Селени на Средн. Дехтярку (37 верстъ отъ Тамбова) и къ станціи Мордово, Грязи-Борисоглѣбской вѣтки, а также и на жел. дорогу Тамбовъ — Балашовъ.

8-го августа, къ вечеру, Мамонтовъ занимаетъ безпрепятственно Козловъ, выбросивъ разъѣзды по всему раіону. Находившіяся въ этомъ раіонѣ красныя части сдавались въ

плѣнъ, часть ихъ распускалась по домамъ, часть вербовалась въ добровольческіе отряды. Охрана города Козлова была организована изъ мѣстныхъ жителей, сочувствовавшихъ казакамъ.

Красное командованіе не въ силахъ оказать сопротивленіе. Наскоро сформированные отряды при первомъ появленіи казачьихъ разъѣздовъ въ паникѣ разбѣгаются, бросая оружіе и пулеметы. Выпускаемые красными властями приказы и распоряженія, грозящіе разстрѣломъ «шкурникамъ», «паникерамъ» и «дезертирамъ», не оказываютъ никакого вліянія. Населеніе всюду оказываетъ казакамъ содѣйствіе.

12 августа казачьи разъѣзды и небольшіе отряды появляются въ раіонѣ къ сѣв.-западу отъ Козлова у ст. Радостная и въ направленіи на Грязи у станціи Песковатка.

13 августа показались разъѣзды казаковъ въ раіонѣ Богоявленка и Раненбурга, а 14-го вечеромъ боковой отрядъ изъ трехъ сотенъ казаковъ съ артиллеріей подошелъ къ Раненбургу. Гарнизонъ города разбѣжался. Подошедшій красный бронепоѣздъ «Непобѣдимый» и подоспѣвшій изъ Ряжска отрядъ коммунаровъ пытались помѣшать казакамъ занять городъ, но неудачно. Въ 19 часовъ казаки ворвались въ городъ. Въ 21 часъ, продолжая движеніе на Митякино и Остапово, казаки оставили Раненбургъ, взорвали мостъ у Митякино и взяли направленіе на городъ Лебедянь; 15 августа городъ Лебедянь занятъ безъ боя; запасный баталіонъ и революціонный комитетъ разбѣжались, когда казаки находились еще въ 18 верстахъ отъ города. Красное командованіе продолжаетъ реагировать пока лишь приказами, угрозами и паническими инструкціями.

17-го августа 12-я конная дивизія, составлявшая правую колонну корпуса, къ ночи на 19-е августа расположилась въ селахъ въ раіонѣ станціи Боборыкино, на жел. дорогѣ Ефремовъ — Елецъ. Двѣ другія дивизіи генерала Мамонтова изъ Лебедяни двинулись на Елецъ. Въ ночь на 19-е августа Мамонтовъ занимаетъ Елецъ; гарнизонъ не только не оказалъ сопротивленія, но встрѣтилъ казаковъ съ музыкой. Занятіе Ельца произошло настолько быстро, что большинство совѣтскихъ учрежденій не успѣли эвакуироваться и были захвачены. Всѣ объекты, имѣвшіе военное значеніе, были уничтожены казаками.

Красноармейцы и населеніе охотно отозвались на объяв-

ленную Мамонтовымъ мобилизацію. Охрана города была возложена на отрядъ изъ мѣстнаго населенія; изъ красногвардейцевъ было образовано три отряда для охраны обозовъ.

Правая колонна группы генерала Мамонтова — 12-я конная дивизія — простоявъ 19-е августа въ раіонѣ Боборыкино, 20 августа перешла на станцію Измаилково, на ж. д. Елецъ — Орелъ, распустивъ предварительно слухи о движеніи на Ефремовъ.

Простоявъ до 22 августа въ раіонѣ Ельца и ст. Измаилково, конная группа утромъ 22 августа выступила тремя колоннами на югъ, въ общемъ направленіи на Воронежъ: одна колонна, **правая,** двинулась на Касторное и, сдѣлавъ переходъ въ 80 верстъ, въ тотъ же день, послѣ артиллерійскаго боя, овладѣла станціей Набережная, что въ 16 верстахъ сѣвернѣй Касторное.

Средняя колонна выступила изъ Ельца на Задонскъ и къ утру 23 августа заняла городъ. **Лѣвая** колонна изъ Ельца взяла направленіе на юго-востокъ и 23 августа развѣдывательныя сотни появились у села Боранскій Заводъ (20 верстъ южнѣе Липецка), у с. Кривки (30 верстъ южнѣе Липецка), и разобрали желѣзную дорогу у станціи Дрязги, ст. Прибытково (линія Воронежъ — Грязи) и ст. Казинка (линія Грязи — Липецкъ).

За этой колонной двигался обозъ длинною около 30 верстъ. Красные, занимавшіе Задонскъ, отошли въ с. Хлевное, въ 25 верстахъ южнѣе Задонска по шоссе на Воронежъ. 24-го августа, въ полдень, части правой колонны заняли станцію Касторное, причемъ одинъ полкъ съ бронеавтомобилемъ двинулся на Воронежъ.

Лѣвая колонна въ тотъ же день заняла Грязи.

Бой подъ Касторной длился почти сутки. Казачій отрядъ состоялъ изъ шести конныхъ сотенъ, двухъ ротъ пѣхоты и восьми орудій. Оборонялъ Касторное красный отрядъ товарища Козицкаго, состоявшій изъ трехъ полковъ коммунаровъ и одного полка 3-й стрѣлковой дивизіи. Красные принуждены были очистить Касторное и отойти на югъ и на западъ къ станціи Суковкина и станціи Лачиново. Интересно отмѣтить мѣры, принимаемыя красными, по ихъ же свѣдѣніямъ:

Отрядъ тов. Фабриціуса, бывшій въ Ливнахъ и имѣвшій задачу прикрыть пути на станціи Касторное и Ливны, занялъ

село Микульниково (23 километра къ сѣв.-востоку отъ Ливны) и выслалъ развѣдку на ст. Измаилково и станцію Казаки (на линіи Елецъ — Орелъ).

Ефремовскій отрядъ, наступавшій на станцію Рассоши (той же линіи) съ задачей ударить въ флангъ и тылъ отходящей правой колонны казаковъ, сосредоточился у села Полевые Локутцы, въ 20 км. сѣв.-зап. Измаилково.

Изъ Лебедяни было выдвинуто два отряда: одинъ къ селу Малинки (25 км. юго-зап. Лебедяни), и другой къ селу Теплое (10 км. южнѣе Лебедяни). Эти отряды, конечно, не только не могли, но и не дерзали выполнять возложенныя на нихъ задачи, а лишь символически изображали окруженіе, ибо корпусъ Мамонтова былъ уже далеко къ югу.

Слѣдя по краснымъ источникамъ за описаніемъ набѣга и мѣръ принимаемыхъ для его ликвидаціи, видно, что кромѣ переброшенной въ распоряженіе Командующаго Южнымъ Фронтомъ 21-й стрѣлковой дивизіи, еще предполагалось перебросить 37-ю пѣх. дивизію, но на это требовалось не менѣе двухъ недѣль и, кромѣ того, дивизія еще не вся имѣла винтовки. Предполагалось также снять съ фронта 9-й арміи 22-ю стрѣлк. дивизію и также отправить въ распоряженіе командующаго фронтомъ, но командующій 9-й арміей воспротивился, такъ какъ, по его мнѣнію, эта дивизія была необходима на случай замѣны ею 23-й дивизіи, весьма ненадежной, которой раньше командовалъ Мироновъ, поднявшій возстаніе въ Пензенской губерніи. Командующій 9-й арміей, товарищъ Шоринъ, имѣлъ основаніе думать, что 23-я дивизія могла открыть фронтъ и принять своего бывшаго начальника.

Красный главкомъ находилъ также необходимымъ приготовить конный корпусъ Буденнаго, части котораго около 28 августа были въ раіонахъ станицъ Усть-Медвѣдицкой и Иловлинской. 30 августа Буденный сосредоточился у станціи Арчеда, для дальнѣйшей переброски на Урюпино.

Всѣ мѣры, принимаемыя краснымъ командованіемъ, оказались недостаточными и пришлось тронуть частично и самый фронтъ, особенно 10-ю армію, на фронтѣ которой назрѣвали крупныя событія и ожидалось наступленіе. Общая разруха въ области сообщеній и связи, неподготовленность и саботажъ еще болѣе усиливали безпорядокъ и неустойчивость. Эшелоны сутками стояли на станціяхъ или жел.-дор.

путяхъ, распоряженія запаздывали или вовсе не доходили по назначенію. Отсутствіе конницы, неподготовленность командного состава къ веденію операцій тамъ, гдѣ нужна была инціатива и самостоятельность, сводили всѣ распоряженія главнаго командованія лишь къ платонической перепискѣ заднимъ числомъ.

24-го и 25-го августа части генерала Мамонтова продолжали движеніе на Воронежъ.

26-го августа, въ 16 часовъ, были заняты гор. Усмань и станція Байгора-Княжая, на ж. д. Грязи — Борисоглѣбскъ и взорванъ мостъ черезъ протекающую здѣсь рѣчку.

Красные пѣшіе отряды наступали медленно и неохотно по пятамъ коннаго корпуса, но на весьма почтительномъ разстояніи, не менѣе ста километровъ.

26-го августа красные заняли Грязи и въ тотъ же день въ Козловъ прибыли два эшелона 5-го Латышскаго полка.

27-го августа на перегонѣ Грязи — Прибытково былъ уничтоженъ казаками красный бронепоѣздъ «Атаман Чуркин».

Главныя силы Коннаго корпуса 27-го августа находились еще въ Усмани, два полка въ селѣ Кручинская Байгора (16 клм. отъ Усмани) и два полка въ раіонѣ Вер. Байгора. Станція Вер. Хава (25 клм. юго-западнѣе Усмани) также была занята казаками.

Сосредоточенныя силы генерала Мамонтова къ сѣверу, востоку и западу отъ Воронежа, поставили себѣ задачу овладѣть городомъ.

28-30 августа бои за Воронежъ носили довольно ожесточенный характеръ. На предложеніе сдаться, гарнизонъ Воронежа отвѣтилъ отказомъ. Тѣмъ не менѣе, казаки 30 августа ворвались въ городъ. 31-го августа Воронежъ былъ оставленъ казаками.

Для обезпеченія своихъ дѣйствій Мамонтовъ долженъ былъ прикрывать огромную площадь, что требовало большого расхода людей. Такъ, напримѣръ, 28-го августа арріергардъ корпуса находился въ 18 верстахъ южнѣе Ельца, а авангардный полкъ въ с. Липовка, въ 25 верстахъ южнѣе гор. Боброва, а заставы и разъѣзды были въ 1-2 верстахъ къ югу отъ Ельца. Хотя Мамонтовъ усилилъ свой отрядъ вновь сформированной изъ добровольцевъ Тульской пѣшей дивизіей въ 3000 штыковъ, однако значительный расходъ на охра-

неніе и развѣдку, а также естественная убыль людей и лошадей давала себя чувствовать.

За время боевъ подъ Воронежемъ красные отряды дѣлаютъ нерѣшительную попытку окружить корпусъ: одна красная бригада заняла с. Петино, что въ 15 верстахъ юго-зап. Воронежа, другіе отряды разной численности двигались по направленію къ Воронежу съ разныхъ сторонъ, противъ которыхъ необходимо было выдѣлять заслоны.

30-го августа штабъ Мамонтова находился въ с. Рождественская Хава, въ 35 верст. восточнѣй Воронежа, а 31-го августа конный корпусъ двинулся въ юго-западномъ направленіи.

Съ этого времени начинается нащупываніе краснаго фронта для переправы черезъ Донъ. Разъѣзды и небольшіе отряды были выброшены по разнымъ направленіямъ. Небольшая демонстрація между устьями рѣкъ Хворостень и Искорецъ оттянула туда довольно значительныя силы красныхъ. Съ другой стороны, находившійся передъ фронтомъ красныхъ въ раіонѣ Стар. Осколъ конный корпусъ генерала Шкуро, нажимая на красныхъ, отбросилъ ихъ къ сѣверу къ жел. дорогѣ Касторная — Воронежъ. На ослабѣвшемъ здѣсь участкѣ фронта, между Олень-Колодецъ до ст. Давыдовка, шириною 25-27 верстъ, и былъ сдѣланъ прорывъ.

Черезъ эти «ворота» двинулись главныя силы ген. Мамонтова, въ общемъ направленіи на юго-западъ.

4-го сентября конный корпусъ сосредоточился въ раіонѣ селъ Рогачевка — Масальское въ 40-50 верстахъ юго-западнѣе Воронежа.

5-го сентября произошла переправа черезъ Донъ на участкѣ селъ Гремячее — Сторожевка, въ 18 верст. сѣв.-зап. ст. Давыдовка. Двигаясь въ юго-западномъ направленіи, 6 сентября Мамонтовъ соединился съ корпусомъ генерала Шкуро, занимавшимъ раіонъ Ст. Осколъ — Уколово, у с. Осадчино.

40-дневный рейдъ въ тылъ противника былъ законченъ и конный корпусъ вступилъ въ расположеніе своихъ войскъ.

Оцѣнивая результаты рейда, нельзя не придти къ заключенію, что возложенная главнымъ командованіемъ на генерала Мамонтова задача была имъ выполнена блестяще: —

Разрушеніемъ желѣзныхъ дорогъ во всемъ раіонѣ Южнаго Фронта противника и, особенно, линій: Раненбургъ — Остапово — Елецъ, Грязи — Елецъ — Ефремовъ; разрушеніемъ связи телеграфной и телефонной; уничтоженіемъ военнаго

имущества и складовъ; разгромомъ и роспускомъ по домамъ красныхъ отрядовъ, съ раздачей оружія противобольшевицки настроенному населенію; мобилизаціей добровольцевъ и быстрыми и неожиданными передвиженіями — была внесена полная деморализація и паника во всемъ раіонѣ тыла Южнаго Фронта красныхъ. Красное командованіе и администрація потеряли голову и не въ состояніи были дать во время какихъ-либо толковыхъ указаній для организаціи обороны и сопротивленія движенію коннаго корпуса. Вся жизнь замерла. Всѣ комитеты и революціонные совѣты разбѣгались еще до появленія казачьихъ разъѣздовъ. Красныя части были настолько деморализованы, что при соприкосновеніи съ казаками, по большей части, почти не оказывали достаточно упорнаго сопротивленія и отходили, иногда даже разбѣгались или сдавались въ плѣнъ, или переходили на сторону Мамонтовскихъ всадниковъ, выдавая комиссаровъ и коммунистовъ.

Выяснено было рѣзкое противосовѣтское настроеніе населенія. Красный фронтъ, хотя и не былъ сдвинутъ, но сильно поколебленъ и деморализованъ и, если бы, къ этому времени было подготовлено наступленіе бѣлыхъ армій, то нѣтъ сомнѣнія, что послѣ перваго же удара все красное воинство покатилось бы безостановочно на сѣверъ, разнося панику, или сложило бы оружіе.

Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, судя по совѣтскимъ даннымъ, войска Южнаго Фронта были мало надежны и недостаточно вооружены: были дивизіи наполовину безъ винтовокъ (37-я пѣх.), были и настроенныя противобольшевицки (22-я пѣхотная).

Къ этому слѣдуетъ еще добавить, что населеніе, снабженное Мамонтовымъ оружіемъ, взятымъ отъ разоруженныхъ и распущенныхъ по домамъ красноармейцевъ, при нашемъ общемъ наступленіи и первыхъ успѣхахъ, могло бы путемъ возстаній въ тылу сильно содѣйствовать нашему успѣху.

Въ тактическомъ отношеніи рейдъ былъ выполненъ образцово, какъ и надо было ожидать, ибо во главѣ рейда стоялъ опытный кавалерійскій начальникъ, съ твердой волей, съ ясно поставленной себѣ цѣлью и съ полнымъ сознаніемъ и пониманіемъ того, что въ опытныхъ рукахъ, при раціональномъ использованіи, можетъ дать конь и всадникъ.

Подготовка рейда производилась въ полной тайнѣ и до самого прорыва противнику не было извѣстно о цѣли нахожде-

нія въ раіонѣ Урюпина коннаго корпуса. Красное командованіе было убѣждено, что корпусъ находится на отдыхѣ.

Мѣсто для производства прорыва и дальнѣйшее направленіе были избраны правильно, сообразно какъ поставленной цѣли, такъ и въ смыслѣ наиболѣе вѣрнаго обезпеченія отъ всякихъ возможныхъ неожиданностей.

Задача поставлена правильно — внѣдреніе въ глубокій тылъ противника съ цѣлью подготовить себѣ базу для дальнѣйшихъ дѣйствій, въ зависимости отъ обстановки.

Широкое и повсемѣстное разрушеніе желѣзныхъ дорогъ, телеграфной и телефонной связи, разрушеніе всѣхъ военно-хозяйственныхъ и стратегическихъ объектовъ и имуществъ имѣло цѣлью полную деморализацію тыла.

Въ дальнѣйшемъ, когда выяснилось, что при сложившейся обстановкѣ идти дальше на сѣверъ нельзя, было принято правильное рѣшеніе: продолжая разрушеніе и деморализацію краснаго тыла, идти на соединеніе къ своимъ арміямъ.

Мѣсто для прорыва краснаго фронта при обратномъ пути избрано искусно: демонстраціей между устьями рѣкъ Хоростань и Искорецъ противникъ былъ введенъ въ заблужденіе и подтянулъ резервы къ мѣсту демонстраціи, что значительно разрѣдило фронтъ у мѣста фактическаго прорыва.

Скорость движенія вполнѣ сообразовалась съ поставленной задачей и обстановкой. Политическая сторона задачи также исполнена разумно и въ полной мѣрѣ: — населеніе вооружено и подготовлено къ возстанію.

Къ отрицательной сторонѣ рейда надо отнести сильное увеличеніе военной добычей (зло, присущее всякой войнѣ) и, судя по телеграммѣ Начальника Штаба Главнокомандующаго, реквизиціи не всегда производились планомѣрно. Здѣсь вопросъ очевидно идетъ о реквизиціи и замѣнѣ у населенія лошадей для пополненія убыли и освѣженія конскаго состава, такъ какъ реквизированное совѣтское имущество и продукты тутъ же раздавались мѣстнымъ жителямъ, что, конечно, вызывало симпатіи къ казакамъ у обобраннаго и ограбленнаго совѣтской властью населенія.

Реквизиція же и замѣна лошадей у населенія всегда была большимъ, но неизбѣжнымъ зломъ всякаго рейда, ибо каждая реквизиція является, съ точки зрѣнія укоренившагося взгляда, всегда насиліемъ и произволомъ, поэтому безусловно необходимо всѣ такого рода дѣйствія совершать плано-

мѣрно, особо назначенными командами, подъ начальствомъ и руководствомъ офицеровъ. Всякія же самовольныя реквизиціи въ корнѣ пресѣкать, ибо онѣ почти всегда имѣютъ характеръ грабежа и насилія, вносятъ деморализацію въ свои же воинскія части и озлобляютъ населеніе. Послѣднее обстоятельство необходимо учитывать при производствѣ рейдовъ, какъ въ тылу у противника, такъ и въ своей странѣ, во время гражданскихъ войнъ. Какъ общее правило, важно и необходимо, при распредѣленіи тяжести войны, сочетать строгія мѣры съ планомѣрностью въ отношеніи гражданскаго населенія, симпатіи и довѣріе котораго такъ необходимы и цѣнны въ политической борьбѣ.

Громадный, на десятки верстъ растянувшійся обозъ, также стѣснялъ движеніе и для своей охраны требовалъ много людей, что уменьшало боевой составъ и обращал о части какъ бы въ прикрытіе для своихъ обозовъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что обозы были особенно велики при обратномъ движеніи, когда вопросъ о дальнѣйшемъ движеніи на сѣверъ уже отпалъ.

Въ .заключеніе слѣдуетъ подчеркнуть, что рейдъ, хотя задуманъ и выполненъ блестяще, но использовать результаты 40-дневнаго пребыванія конницы Мамонтова въ тылу у красныхъ и критическое положеніе Южнаго Фронта красной арміи, бѣлое командованіе не подготовилось во время и не сумѣло. А всякій рейдъ, безъ подготовки общаго удара въ надлежащій моментъ, является только эпизодомъ, подчасъ блестящимъ и славнымъ, но безъ рѣшающаго значенія.

Во всякомъ случаѣ, не по винѣ Мамонтова, результаты рейда не были использованы, хотя рейдъ, какъ таковой, по своему размаху, масштабу, времени пребыванія въ тылу у противника, покрытому разстоянію и раіону дѣйствій, такъ же какъ и по выполненію поставленнаго заданія, является однимъ изъ самыхъ выдающихся въ сравненіи съ знаменитыми рейдами прошлаго и настоящаго столѣтія.

*
* *

У многихъ, естественно, можетъ явиться вопросъ: почему Мамонтовъ, занявъ городъ Елецъ, повернулъ назадъ, а не продолжалъ движенія далѣе на Тулу и Москву, какъ пред-

полагалось, если судить по рѣчи генерала Мамонтова къ казакамъ, при отправленіи въ рейдъ, въ которой онъ поздравлялъ казаковъ съ «походомъ на Москву»; тѣмъ болѣе, что по внѣшнимъ признакамъ, обстановка, какъ будто бы, благопріятствовала этому?

Если даже предположить, что такое заданіе и существовало, то отвѣтить положительно и исчерпывающе на этотъ вопросъ, не имѣя документальныхъ данныхъ, очень трудно. Ходили по этому поводу въ тылу разныя версіи, былъ даже пущенъ вздорный слухъ, что якобы главное командованіе, опасаясь захвата Москвы Мамонтовымъ и не желая ему одному уступить эту честь, приказало прекратить рейдъ и возвратиться, несмотря на то, что ген. Мамонтовъ готовъ былъ продолжать движеніе дальше.

Придавать значеніе другой, совѣтской версіи о томъ, что дальнѣйшій походъ на Москву былъ бы безуміемъ, также не приходится. Всѣ эти истерическіе воззванія и прокламаціи Троцкаго и другихъ о томъ, что бѣлые генералы «не такъ глупы», чтобы вѣрить въ возможность захвата Москвы коннымъ отрядомъ, что Мамонтовъ попалъ въ капканъ, что отрядъ разложился и т. п. были лишь пропагандными, успокаивающими средствами, какъ для самихъ авторовъ этихъ воззваній, такъ и для потерявшаго голову краснаго командованія и лишній разъ подтверждаютъ, что обстановка для красныхъ складывалась трагически и въ этомъ отношеніи благопріятствовала успѣшному продолженію рейда.

Послѣднее обстоятельство подтверждается свидѣтельствами многихъ лицъ, находившихся въ это время въ Москвѣ. Тамъ Мамонтова ждали, власть была въ полной растерянности, былъ даже заговоръ и подготовка частей гарнизона къ встрѣчѣ и присоединенію къ казакамъ.

Болѣе вѣроятно третье предположеніе, что обстановка складывалась такъ, что съ имѣвшимися въ распоряженіи Мамонтова средствами и возможностями, въ данный моментъ, идти дальше и углубляться въ центральную Россію, безъ надежды на поддержку и на продвиженіе нашего фронта, было бы нецѣлесообразнымъ.

Кромѣ того, надо было предполагать, что населеніе сѣверныхъ областей не было такъ надежно и сочувственно къ намъ, какъ въ черноземныхъ губерніяхъ, чтобы можно было надѣяться на противобольшевицкое возстаніе; раіонъ былъ

фабричный и слѣдовательно продовольствіе людей и лошадей встрѣтило б ы извѣстныя затрудненія; гдѣ также, несомнѣнно, пришлось бы выдерживать частые и упорные бои со спеціальными и многочисленными частями изъ латышей и китайцевъ и красныхъ рабочихъ. Повидимому, самъ генералъ Мамонтовъ счелъ дальнѣйшее продвиженіе на сѣверъ дѣломъ не имѣвшимъ шансовъ на успѣхъ, но сопряженнымъ съ большими потерями, и нашелъ болѣе полезнымъ присоединиться къ своимъ арміямъ, ибо поддержки, активности, или дальнѣйшихъ ударовъ, или попытокъ къ наступленію, за все время пребыванія отряда Мамонтова въ тылу у противника, бѣлымъ командованіемъ не предпринималось и даже началось частичное отступленіе на нѣкоторыхъ участкахъ, что значительн о мѣняло общую обстановку не въ нашу пользу и дѣлало дальнѣйшее продолженіе рейда безцѣльнымъ.

15.

НА СРЕДНЕМЪ ДОНУ

Послѣ тяжелыхъ боевъ въ началѣ августа у Лопуховки, Орѣховки и станицы Островской, Усть-Медвѣдицкая конная дивизія, прикрывая отходъ с.-в. Фронта Донской Арміи, усиленная 19-мъ коннымъ полкомъ и бронированными поѣздами, 13-го августа заняла жел. дорогу на участкѣ между станціями Себряково и раз. Раковка. Сдерживая натискъ красныхъ, дивизія вела конные бои съ красной кавалеріей, переходившіе частично въ рукопашныя схватки.

13-го августа, при наступленіи на ст. Раковка, 3-ій Усть-Медвѣдицкій конный полкъ, подъ командой есаула Акимова, нѣсколько разъ переходилъ въ конную атаку противъ защищавшихъ ст. Раковку частей красной конной бригады товарища Тимошенки.

Согласно полученнымъ директивамъ, дивизія 18 августа переправилась на правый берегъ Дона въ раіонѣ станицы Перекопской и расположилась въ х. Орѣховѣ.

Въ это время происходило очередное переформированіе всей Донской Арміи: 4-хъ полковыя дивизіи обращались въ

3-хъ полковыя бригады, бригады сводились въ громоздкія трехъ-бригадныя дивизіи.

Усть-Медвѣдицкая дивизія была переформирована въ 14-ю Отдѣльную Конную бригаду. Четыре полка дивизіи были сведены въ три полка и получили новые номера 28-го, 29-го и 30-го Усть-Медвѣдицкихъ конныхъ полковъ.

На 14-ю бригаду, входившую въ составъ 1-го Отдѣльного Донского корпуса, была возложена задача оборонять участокъ по Дону, отъ хут. Коловертинскаго, что въ нѣсколькихъ верстахъ къ юго-западу отъ ст. Перекопской, и до станицы Трехъ-Островянской (исключительно).

Ввиду большого протяженія фронта участка, около 100 верстъ, и невозможности прочно занять весь фронтъ для обороны, рѣшено было не дѣлить участка на отдѣльные оборонительные секторы, а держать полки въ кулакѣ, охраняясь заставами и постами, связанными телефономъ между собою и съ полками. Штабъ бригады въ хут. Орѣховѣ, связанъ телефономъ со штабомъ корпуса въ х. Манойлинѣ.

Попытки красныхъ переправляться небольшими партіями на правый берегъ Дона легко отбивались нашими охраняющими сотнями.

Первая серьезная переправа была сдѣлана 26 августа, въ раіонѣ къ сѣверу отъ ст. Трехъ-Островянской, гдѣ 28-я совѣтская дивизія, оттѣснивъ наши заставы, переправилась черезъ Донъ.

Выступивъ форсированнымъ маршемъ къ мѣсту переправы, 14-я бригада, стремительной конной атакой опрокинула красныхъ въ Донъ, захвативъ тысячи плѣнныхъ, пушки и пулеметы. Пытаясь въ паникѣ переплыть Донъ, красные тонули сотнями, и только небольшой части удалось спастись, подъ прикрытіемъ находившихся на лѣвомъ берегу частей противника. Въ этомъ бою была уничтожена почти вся 28-я совѣтская пѣх. дивизія.

Другая, болѣе серьезная операція красныхъ, была нами ликвидирована 4-го сентября, также въ раіонѣ ст. Трехъ-Островянской.

3-го сентября въ штабѣ бригады получено слѣдующее приказаніе: «Полковнику Голубинцеву. Красная ударная группа переправилась у ст. Трехъ-Островянской, силою около дивизіи, и наступаетъ въ тылъ нашему корпусу. 14-ой бригадѣ

немедленно перейти въ раіонъ Трехъ-Островянской и разбить противника. Ген.-маіоръ Алексѣевъ».

Получивъ такую задачу, бригада немедленно выступила и къ вечеру 3-го сентября заняла хутора Камышенскіе, что къ западу отъ станицы Сиротинской. Въ этомъ раіонѣ были обнаружены небольшіе разъѣзды и на горизонтѣ показался эскадронъ противника, который, попавъ подъ нашъ артиллерійскій огонь, въ безпорядкѣ скрылся въ балкахъ. Утромъ 4-го сентября бригада выступила изъ Камышинскихъ хуторовъ въ Трехъ-Островянскую.

Не доходя еще до станицы, наши части обнаружили большую пѣхотную колонну противника, силою около бригады съ артиллеріей, двигавшуюся въ сѣв.-восточномъ направленіи, также къ станицѣ Трехъ-Островянской. Повидимому красные, предупрежденные о нашемъ появленіи, безпокоясь о своемъ тылѣ и боясь быть отрѣзанными, стремились обезпечить за собой переправу у станицы.

При нашемъ приближеніи къ станицѣ, противникъ открылъ по намъ артиллерійскій огонь съ открытой позиціи. Наша батарея отвѣчала очень удачно: разрывы были видны въ самой колоннѣ и на батареѣ противника. Насъ отдѣляла отъ красныхъ глубокая, почти непроходимая балка, тянувшаяся передъ фронтомъ. Въ обходъ былъ направленъ 29-й конный полкъ, подъ командой есаула Акимова, который, выйдя во флангъ и тылъ, атаковалъ красныхъ. Въ это же время двѣ сотни 30-го кон. полка, съ двумя пулеметами, подъ командой сотника Щелконогова, по другой глубокой балкѣ, скрытно наметомъ подошли къ станицѣ, заняли переправу, установили пулеметы и завязали съ головными частями противника, подходившими къ станицѣ, огневой бой. Атакованная со всѣхъ сторонъ, засыпаемая огнемъ артиллеріи и пулеметовъ спѣшенныхъ сотенъ, перебравшихся черезъ балку, отдѣлявшую насъ отъ противника, красная бригада 39-й совѣтской дивизіи, прижатая къ Дону, смѣшалась и въ безпорядкѣ и паникѣ бросилась частью къ переправѣ, частью вплавь черезъ Донъ. Красная батарея, въ шесть орудій, снявшись съ позиціи, галопомъ понеслась къ переправѣ, но встрѣченная несшейся ей наперерѣзъ конницей, какъ обезумѣвшая бросилась съ крутого берега прямо въ рѣку. Орудія частью завязли, частью опрокинулись, люди, бросивъ батарею въ упряжкѣ, подъ нашимъ огнемъ бросались въ Донъ, ища

спасенія вплавь. Въ это время показалась вторая бригада противника, слѣдовавшая въ нѣсколькихъ верстахъ за первой. Атакованная 28-мъ и 30-мъ конными полками, бригада была частью изрублена, частью разсѣяна и взята въ плѣнъ. Изъ 2-й бригады почти никто не ушелъ. Преслѣдованіе продолжалось до наступленія сумерекъ.

Въ этомъ бластящемъ дѣлѣ взято около 4000 плѣнныхъ, 6 орудій и 28 пулеметовъ. Покончивъ съ 39-й сов. дивизіей, утромъ на другой день, бригада отошла въ раіонъ хут. Орѣхова, оставивъ сторожевыя заставы у Трехъ-Островянской.

Черезъ нѣсколько дней красные вновь, оттѣснивъ наши охраняющія части, переправились у станицы Кременской. Выступившая для ликвидаціи переправы бригада, 9-го сентября, у Золотого Кургана нанесла переправившимся частямъ 38 сов. дивизіи страшное пораженіе, захвативъ 1000 плѣнныхъ, орудія и пулеметы. У одного убитаго въ этомъ бою баталіоннаго командира, въ полевой книжкѣ была найдена копія донесенія объ обстановкѣ, гдѣ онъ, указывая на рискованное положеніе переправившихся частей и на активность нашей конницы, добавляетъ, что фронтомъ командуетъ «нашъ злѣйшій врагъ, полковникъ Голубинцевъ».

Несмотря на неудачи, красные неоднократно продолжали дѣлать попытки, переправляя на нашъ берегъ добровольцевъ охотниковъ — «партизанъ», грабившихъ наши хутора и убивавшихъ мирныхъ жителей. Дабы охранить хутора и отбить охоту къ налетамъ, обыкновенно налетчиковъ въ плѣнъ не брали, уничтожая въ стычкахъ какъ бандитовъ и грабителей, оставляя одного, который отпускался, дабы онъ могъ предостеречь другихъ «товарищей» о грозящей имъ участи. Но это мало помогало. Особенно безпокоили красные отряды, занимавшіе за Дономъ хутора Чернополянскій и Лебяжинскій. Для ликвидаціи этой группы, 14-я бригада, 26 сентября переправилась у ст. Перекопской на лѣвый берегъ Дона и у хут. Лебяжинскаго, комбинированной атакой опрокинувъ красныхъ, захватила 1500 плѣнныхъ, четыре тяжелыхъ орудія и нѣсколько пулеметовъ. Особенно отличились въ этомъ бою сотни 28-го коннаго полка, атаковавшія красныхъ въ конномъ строю.

Въ послѣднихъ числахъ сентября бригада переходитъ отъ активной обороны къ наступательнымъ дѣйствіямъ за рѣку Донъ. Штабъ бригады перешелъ въ ст. Перекопскую; 30-го

сентября части бригады переправились съ боемъ на лѣвый берегъ Дона, вытѣснивъ красныхъ изъ хут. Чернополянскаго, нанеся имъ нѣсколько тяжелыхъ ударовъ.

Такимъ образомъ, на всѣхъ участкахъ противникъ былъ отброшенъ или уничтоженъ. За этотъ періодъ — августъ-сентябрь 1919 года — Усть-Медвѣдицкой бригадой были разгромлены 28-я, 38-я и 39-я совѣтскія пѣхотныя дивизіи, взято плѣнныхъ около 11 тысячъ, 21 орудіе, около 180 пулеметовъ, много лошадей, походныхъ кухонь и обозовъ.

О характерѣ дѣятельности Усть-Медвѣдицкой Конной дивизіи, переименованной въ 14-ю Отдѣльную Конную бригаду, можно судить по случайно сохранившейся части цитируемыхъ ниже телеграммъ: генерала Врангеля, Донского Атамана, Командующаго Донской Арміей и Командира 1-го Донского Отдѣльнаго корпуса:

Полковнику Голубинцеву

Съ прибытіемъ 10-й кон. бригады для объединенія дѣйствій конной группы счелъ необходимымъ старшаго изъ начальниковъ ген. Каключина. Долгомъ службы считаю отмѣтить Ваше выдающееся управленіе Усть-Медвѣдицкими конными полками въ непрерывныхъ бояхъ въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ. Увѣренъ, что совмѣстными дѣйствіями съ Атаманцами, лихіе Усть-Медвѣцкіе полки разгромятъ наступающаго противника.

8/VIII — 19 6 час. 30 мин. № 0121/А

Даниловка ген. Алексѣевъ

принялъ Свищевъ.

*
* *

оперативная

изъ Теконда В № 676

8/VIII 8-21 Только ген. Каклюгину, ген. Сутулову и ген. Донскову

По приказанію Наштакор передаю телеграмму ген. Врангеля: «Ген. Алексѣеву, копія Командармдон. Прошу при-

нять и передать Вашимъ доблестнымъ частямъ, особенно отрядамъ ген. Коклюгина и полковника Голубинцева, горячую благодарность за блестящее дѣло 8-VIII значительно облегчившее положенiе группы ген. Покровскаго. Необходимо самымъ рѣшительнымъ образомъ использовать достигнутый успѣхъ, развивая ударъ по тыламъ противника на востокъ.

Царицынъ 10/VIII 12 час. 55 мин. № 2096

Врангель»

Съ подлиннымъ вѣрно. Старшiй адъютантъ оперативнаго отд. Сотникъ Огрызковъ № 03597.

*

* *

Теконд Лит В № 216

6-IX 20 час. оперативная

Комбриг 14 кон

Горячо благодарю Васъ, командный составъ и лихихъ станичниковъ за доблестную работу по уничтоженiю 39 совѣтской дивизiи, нагло переправившейся на правый берегъ Дона.

6 сент. № 24299.

х. Манойлинъ Под. под. ген.-м. Алексѣевъ

Вѣрно Под. Шутенбахъ

*

* *

12-IX № 04481

Объявляю полученную мною телеграмму командармдон: «Комкору 1-го Отдѣльного, передайте копiю телеграммы Донского Атамана: «Передайте искреннюю благодарность Дона комбригу и казакамъ 14-й конной за отличныя боевыя дѣйствiя у Трехъ-Островянской 4-го сентября

№ 806 Донской Атаманъ генералъ

Богаевскiй».

Считаю долгомъ подчеркнуть еще и ту доблесть частей 14 кон. бригады, которая проявлена была ими при переправѣ красныхъ въ раіонѣ Трехъ-Островянской 26 августа и въ особенности 9 сентября у станицы Кременской. Слѣдя за дѣйствіями 14 кон. бригады съ самаго начала ея сформированія, все болѣе убѣждаюсь въ томъ, что полки славной бригады и въ будущихъ бояхъ съ красными будутъ выходить только побѣдителями. Отъ лица Донской Арміи приношу всѣмъ чинамъ бригады мою глубокую благодарность. № 6344 - К

Ген.-лейтенантъ Сидоринъ»

х. Манойлинъ № 04481

Ген.-маіоръ Алексѣевъ

*
* *

Изъ Т. Л. В. № 1266 27-IX 11 ч. 35.

операт замедлена для передачи Клѣцкой

Комбриг 14 кон. копія начдив 6 Донск. на № 755 от 26 сентября.

Слава доблестнымъ начальникамъ и удалымъ казакамъ лихихъ Усть-Медвѣдицкихъ полковъ.

27-IX № 0482 хут. Манойлинъ

Ген.-маіоръ Алексѣевъ

*
* *

Комбриг 14 кон. изъ Теконда Л В № 1477 30-IX 13 ч. 15 м.

Блестящая работа предводимыхъ Вами полковъ свидѣтельствуетъ объ искусствѣ Вашего управленія и что для лихой У.-Медвѣдицкой бригады никакой врагъ не страшенъ.

30-IX № 4906 х. Манойлинъ

Ген.-маіоръ Алексѣевъ.

*
* *

1-го сентября бригада сосредоточилась въ раіонѣ хутора Чернополянскаго, на лѣвомъ берегу Дона. 3-го октября я получилъ задачу: — подчинивъ себѣ Атаманскую бригаду, зайти и ударить въ тылъ краснымъ въ раіонѣ хутора Головковскаго.

Обстановка рисовалась такъ: пѣшая бригада ген. Сутулова занимала позицію отъ р. Дона у ст. Кременской до хут. Лебяжинскаго. Фронтомъ на востокъ. Противъ частей ген. Сутулова стояла на позиціи красная пѣхота.

Одновременно съ полученіемъ заданія поступило сообщеніе, что противникъ, въ составѣ нѣсколькихъ ротъ пѣхоты, переправился черезъ Донъ у хут. Авилова-Задонскаго, въ раіонѣ станицы Сиротинской.

Для ликвидаціи красныхъ у хут. Авилова, я отправилъ 30-й кон. полкъ съ двумя орудіями, подъ общей командой полковника Красовскаго, въ станицу Сиротинскую, а съ остальными двумя полками и батареей, выполняя задачу, перешелъ въ хут. Б. Улановскій. Командующему Атаманской бригадой полковнику Егорову я послалъ приказаніе прибыть 4-го октября, утромъ, въ хут. Б. Улановскій на присоединеніе къ 14 кон. бригадѣ.

Не дождавшись прибытія Атаманской бригады, я 4-го октября выступилъ по направленію къ хут. Головскому, черезъ хутора Орловскій и Скоровскій. Полковнику Егорову послалъ приказаніе слѣдовать за мною и присоединиться въ пути.

На походѣ было получено отъ ген. Сутулова сообщеніе, что Атаманская кон. бригада имъ отправлена на присоединеніе ко мнѣ, но что предварительно онъ далъ ей заданіе по пути ликвидировать красныхъ, занимавшихъ хуторъ, что къ сѣв.-западу отъ Улановскихъ хуторовъ. Атаманцы цѣлый день потеряли, нѣсколько разъ атаковывая хуторъ, но неудачно, ибо красные оказывали упорное сопротивленіе; этого ген. Сутуловъ, повидимому, не учелъ, но что, конечно, надо было ожидать. Неудачное распоряженіе ген. Сутулова имѣло непріятныя послѣдствія: мы размѣнялись на мелочи и вмѣсто удара по краснымъ пятью полками, я располагалъ только двумя.

Продолжая движеніе, бригада у хут. Скоровского натолкнулась на сопротивленіе. Въ хуторѣ находился красный конный полкъ, охранявшій правый флангъ непріятельской пѣхоты, занимавшей позицію въ пескахъ къ югу отъ хутора Скоровского. Въ бинокль легко можно было опредѣлить численность пѣхоты — около 800 человѣкъ. Послѣ краткой перестрѣлки, красная конница отступила, оставивъ два пулемета и нѣсколько убитыхъ. Не задерживаясь и не вступая въ бой съ пѣхотой, разсчитывая забрать ее на обратномъ пути, ударомъ въ тылъ, бригада, продолжая тѣснить красную конницу, заняла хут. Кривскій и стала заходить въ тылъ хутору Головскому. Въ перестрѣлкѣ у хут. Кривскаго былъ раненъ оперативный адъютантъ штаба бригады есаулъ Игумновъ.

Находившаяся въ раіонѣ хут. Головского многочисленная красная конница съ артиллеріей оказывала энергичное сопротивленіе, переходя мѣстами въ контръ-атаки, но до рѣшительныхъ дѣйствій дѣло не доходило: развернувшись, кавалерія противника съ криками «Ура!» бросалась на нашу бригаду, но такъ же внезапно останавливалась и уходила назадъ, преслѣдуемая нашими сотнями. Бой имѣлъ нерѣшительный характеръ и красные медленно отходили, держась на почтительномъ разстояніи. День клонился къ вечеру. Наблюдая и руководя боемъ, я отдалъ распоряженіе начальнику штаба, написать приказаніе полкамъ — прекратить преслѣдованіе и, съ наступленіемъ темноты, отойти на ночлегъ. Ординарцы поскакали по своимъ полкамъ, развозя приказаніе. Въ резервѣ у меня находились двѣ сотни 29 кон. полка. Сотни только что возвратились послѣ атаки на показавшуюся на нашемъ лѣвомъ флангѣ конницу. Солнце сѣло. До сумерекъ оставалось нѣсколько минутъ. Въ это время съ наблюдательнаго поста прискакалъ казакъ съ донесеніемъ, что большая колонна красной конницы на рысяхъ двигается по Паниной балкѣ, головныя части ея уже показались изъ балки и направляются на насъ.

Брошенныя навстрѣчу двѣ резервныхъ сотни, подъ командой есаула Акимова, наметомъ понеслись на противника. Когда сотни поднялись на Курганъ, я замѣтилъ замедленіе аллюра и какъ бы нѣкоторое колебаніе; схвативъ конвойную полусотню, я карьеромъ присоединился къ атакующимъ сотнямъ. Въ это же время со стороны Паниной балки, къ курга-

ну, навстрѣчу намъ, неслись галопомъ, развернутымъ фронтомъ, три эскадрона красныхъ, а четвертый направлялся во флангъ, въ обходъ нашимъ атакующимъ сотнямъ. Еще одна, двѣ минуты и наши сотни смѣшались съ большевиками. Произошла жестокая схватка: шумъ, ругань, стрѣльба, лязгъ оружія. . . Сколько времени продолжалась схватка, я не могу дать себѣ отчета. Забыта всякая осторожность, чувство самосохраненія отошло куда-то далеко, остались только злоба, страсть къ уничтоженію и желаніе помѣряться силами. Все смѣшалось вмѣстѣ въ кровавой сѣчѣ. Въ наступившихъ, какъ-то сразу, сумеркахъ, красныхъ можно было отличить отъ своихъ лишь по инстинкту и по большимъ папахамъ и башлыкамъ. То, что такъ ярко изображается на лубочныхъ картинкахъ, повторилось на дѣлѣ. Въ огнѣ общей свалки, что-то мгновенно блеснуло у меня въ глазахъ, какъ бы большая искра или огненный шаръ, и я получилъ сабельный ударъ въ голову; благодаря фуражкѣ черепъ остался цѣлъ, отвалилась лишь часть кожи головы, закрывъ правый глазъ и обнаживъ черепъ. Правой рукой, съ висѣвшей на ней на темлякѣ окровавленной шашкой, я старался поднять нависшую на лицо кожу и освободить залитый кровью глазъ. Первая мысль была: упаду ли съ коня, или нѣтъ, если упаду, успѣю ли застрѣлиться? И какъ ни странно, тутъ же другая мысль: — это мы ихъ, мерзавцевъ, научили рубить!

Въ это время два казака подхватили меня подъ руки и передъ моими глазами мелькнула красочная фигура доблестнаго есаула Акимова съ шашкой въ зубахъ и револьверомъ въ рукѣ. Добрый конь нѣсколькими прыжками вынесъ меня изъ общей свалки. Все произошло очень быстро, какъ бы въ одно мгновенье. Рукавъ, перчатка, разрубленный погонъ и плечо насквозь были пропитаны кровью. На ходу мнѣ была сдѣлана перевязка — индивидуальный пакетъ нашелъ свое примѣненіе — и черезъ 15 минутъ на перевязочномъ пунктѣ у хут. Орловскаго, фельдшеръ мнѣ промылъ и зашилъ рану.

Дальше хутора Кривскаго красные не продвинулись; эскадронъ, заходившій въ тылъ и флангъ, завязъ въ болотахъ, лежащихъ непосредственно къ сѣверу отъ хут. Кривскаго, а выходившія изъ боя наши части заняли позицію у х. Кривскаго и встрѣтили красныхъ пулеметнымъ огнемъ. На ночлегъ бригада расположилась въ хх. Бол. и Мал. Улановскихъ и Орловскомъ.

Въ этомъ бою около 50человѣкъ съ обѣихъ сторонъ было ранено и убито. Въ продолженіе цѣлой ночи на перевязочный пунктъ являлись казаки съ рубленными ранами. Раненымъ и упавшимъ съ коней, подъ покровомъ быстро наступившей темноты, удалось скрыться и присоединиться къ своимъ частямъ.

Какъ выяснилось впослѣдствіи, неожиданное появленіе массы красной конницы объясняется слѣдующимъ: 10.000-й Конный корпусъ Думенко былъ снятъ с фронта Кавказской Арміи и направленъ для дѣйствій противъ нашей конницы, зашедшей глубоко въ красный тылъ и угрожавшей сообщеніямъ и тыламъ.

Столкновеніе произошло съ авангардомъ конницы Думенко. Воспользовавшись уходомъ корпуса Думенко, Кавказская Армія въ тотъ же день перешла въ наступленіе.

Генералъ Врангель въ своихъ запискахъ (см. Записки ген. Врангеля: «Бѣлое дѣло» т. X, стр. 208) говоритъ, что: «продвиженіе донцовъ на сѣверъ заставило красное командованіе вскорѣ оттянуть съ моего фронта свою конницу. Это позволило моей арміи самой перейти въ наступленіе. . .» « 4 октября всѣ части сѣвернаго фронта Кавказской Арміи перешли въ наступленіе, сломивъ въ рядѣ боевъ ослабленнаго предыдущими неудачами противника, взявъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, большое число орудій и пулеметовъ, наши части къ 10 октября вышли, главными силами, на линію Дубовка — хуторъ Шишкинъ, гдѣ и остановились, выдвинувъ передовыя части на высоту села Лозное».

Въ этотъ же день, 4 октября, находившійся на правомъ бебегу Дона 30-й конный У.-Медвѣдицкій полкъ, съ 2-мя орудіями 14-й конной батареи, подъ общимъ командованіемъ полковника Красовскаго, ликвидировалъ у хут. Авилова-Задонскаго переправившуюся группу красныхъ, утопивъ роту пѣхоты и захвативъ въ плѣнъ 1600 человѣкъ, пулеметы и обозы.

Въ послѣдующіе дни Усть-Медвѣдицкая бригада вела бои съ конницей Думенко съ перемѣннымъ успѣхомъ у хуторовъ Улановскихъ, по лѣвому берегу Дона.

16.

ВЪ ТЫЛУ

Послѣ раненія у хут. Кривскаго въ бою 4-го сентября, я, передавъ командованіе бригадой начальнику штаба бригады, войсковому старшинѣ Корнѣеву, утромъ 5-го октября, верхомъ, выѣхалъ для лѣченія въ станицу Перекопскую, захвативъ съ собою конвой въ 20 казаковъ, такъ какъ была большая вѣроятность встрѣтить по пути въ степи, между Улановскими хуторами и Перекопской, разъѣзды красныхъ. Около полудня я прибылъ въ станицу, гдѣ врачами мнѣ вновь сдѣлана перевязка и вскрыта рана, зашитая фельдшеромъ, такъ какъ температура поднялась и врачи боялись зараженія. 7-го октября изъ штаба корпуса выслали мнѣ автомобиль и, заѣхавъ по пути въ х. Манойлинъ къ ген. Алексѣеву, я въ тотъ же день прибылъ на станцію Суровикино, гдѣ меня уже ожидалъ поѣздъ. Вечеромъ я прибылъ въ Ростовъ.

Хотя въ Ростовъ уже было сдѣлано сообщеніе о моемъ раненіи и эвакуаціи для лѣченія, но ни въ одномъ изъ военныхъ госпиталей не нашлось отдѣльной комнаты, а въ общую, по состоянію моего здоровья, я не желалъ лечь. Въ переговорахъ по телефону съ госпиталями провелъ я ночь на Ростовскомъ вокзалѣ. Здѣсь со мною произошелъ характерный для тыла инцидентъ.

Съ сопровождавшими меня врачемъ и сестрой милосердія, ожидая результата переговоровъ о госпиталѣ, я занялъ въ залѣ перваго класса стоявшій въ углу свободный столикъ. Къ столику присѣлъ еще какой-то офицеръ. Вдругъ къ намъ подходитъ среднихъ лѣтъ господинъ, въ черномъ форменномъ гражданскомъ пальто, съ цвѣтными отворотами и погонами дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Приблизившись вплотную къ столу, онъ дѣлаетъ рукой какіе-то неопредѣленные знаки. Я спокойно приподнялся съ намѣреніемъ узнать, въ чемъ дѣло, но слышу нечленораздѣльные звуки и сильный запахъ вина. Я вообще не переношу пьяныхъ, избѣгаю вступать съ ними въ разговоры и питаю къ нимъ непреодолимое отвращеніе.

— Что вамъ угодно? — спрашиваю.

Фигура «лыка не вяжетъ», что-то бормочетъ, указывая пальцемъ на приколотую булавкой къ стѣнѣ у столика бу-

мажку, на которой карандашомъ нацарапано «столъ члена Особаго Совѣщанія», и дѣлаетъ мнѣ недвусмысленный знакъ рукою, означающій «убирайся отсюда».

Кровь бросилась мнѣ въ голову при видѣ такой наглости тылового пьяницы, осмѣлившагося безпокоить тяжело раненнаго офицера съ окровавленной повязкой на головѣ, еще не успѣвшей просохнуть. Я замахнулся проучить нахала; обезпокоенный моимъ рѣзкимъ движеніемъ и боясь кровоизліянія, уже два раза повторявшагося при волненіи, мой докторъ бросился ко мнѣ, стараясь меня успокоить.

— Уберите эту пьяную скотину! Иначе я обращу въ котлету его пьяную харю!

Сидѣвшій съ нами за столикомъ офицеръ быстро схватилъ пьянаго субъекта подъ руку и улыбаясь, насмѣшливо ему говоритъ: «Что, нарвались, ваше сіятельство! Я же не разъ предупреждалъ васъ, что нарветесь! Ага!»

Фигура такъ же быстро исчезла, какъ и появилась. Возвратившійся офицеръ смѣясь разсказывалъ, что это членъ «Особаго Совѣщанія» X. . ., живетъ въ поѣздѣ «Особаго Совѣщанія», ежедневно пьянъ, большой нахалъ и скандалистъ.

— Какъ хорошо вы его проучили, г. полковникъ! Это ему послужитъ хорошимъ урокомъ!

Утромъ къ вокзалу прибыла больничная карета съ сообщеніемъ, что мнѣ отведено мѣсто въ госпиталѣ Сидорина, но я по многимъ соображеніямъ не пожелалъ тамъ лѣчиться и поступилъ на лѣченіе за собственный счетъ въ частную лѣчебницу доктора Попкова въ Ростовѣ. Рана моя, вслѣдствіе большого размѣра — пять вершковъ — и загрязненія пескомъ, долго гноилась и медленно поддавалась лѣченію.

Съ 8 октября до 14 ноября я пролежалъ въ лѣчебницѣ. Затѣмъ, послѣ осмотра врачебной комиссіей, получивъ 5-ти недѣльный отпускъ, поѣхалъ черезъ Новороссійскъ въ Одессу, гдѣ хотѣлъ привести въ порядокъ свои частныя дѣла и недвижимое имущество. Въ ожиданіи парохода, я около недѣли прожилъ въ Новороссійскѣ, продолжая залѣчивать рану, подъ наблюденіемъ извѣстнаго хирурга доктора Сапѣжко.

21-го ноября 19-го года я изъ Новороссійска выѣхалъ въ Одессу, въ городъ, гдѣ я учился и провелъ дѣтство. Я едва узналъ Одессу, настолько гражданская война измѣнила этотъ южный, веселый, жизнерадостный и суетливый городъ. Электричества почти нѣтъ, улицы темны, всюду грязь и запу-

стѣніе, лучшія гостиницы загажены и не топлены, улицы опустѣли, чувствовалось, что надъ городомъ виситъ какое-то несчастье, что-то давитъ, гнететъ, ощущеніе какой-то неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Я поторопился закончить свои дѣла и 25 ноября выѣхалъ обратно въ Новороссійскъ. Рана моя заживала медленно и хотя почти затянулась, но перевязку необходимо было дѣлать ежедневно.

17.

НА ФРОНТѢ

Во время моего пребыванія въ Одессѣ, въ гостиницѣ или, может быть, еще раньше, въ Новороссійскѣ, я вновь заразился тифомъ, но на этотъ разъ возвратнымъ. Первый приступъ я почувствовалъ на пароходѣ, по пути въ Новороссійскъ, затѣмъ, какъ это бываетъ обыкновенно при возвратномъ тифѣ, приступы болѣзни повторялись періодически: одну недѣлю боленъ, другую почти здоровъ. Вслѣдствіе большой потери крови во время раненія, организмъ мой ослабѣлъ и поэтому, я хотя и тяжело переносилъ періоды приступовъ болѣзни, но все же я не рѣшался лечь опять въ госпиталь и выѣхалъ на фронтъ.

29 ноября я былъ въ Ростовѣ, а 2-го декабря въ Обливской, гдѣ отъ моего бригаднаго интенданта, есаула Коновалова, узналъ, что я произведенъ въ генералы и что моя бригада находится во 2-мъ Донскомъ корпусѣ, но гдѣ, точнаго указанія не могъ получить.

Въ поискахъ штаба 2-го корпуса я въ саняхъ, по степи, при сильномъ морозѣ, проѣхалъ черезъ станицы Чернышевскую, Каргинскую, нѣсколько слободъ и, наконецъ, на четвертый день настигъ штабъ корпуса въ небольшомъ степномъ хуторѣ. Корпусомъ временно командовалъ ген.-штаба полковникъ Поливановъ. Гдѣ находился командиръ корпуса, генералъ Коноваловъ, и гдѣ моя бригада, полковникъ Поливановъ не зналъ точно. Командиръ корпуса гдѣ-то впереди съ конницей, а 14-я кон. бригада, тоже гдѣ-то, въ такомъ-то направленіи, отходитъ на отдыхъ и пополненіе. Что меня особенно поразило — это абсолютное отсутствіе связи между

штабомъ корпуса и подчиненными ему дивизіями, а также отсутствіе связи между частями. О противникѣ также свѣдѣнія были самыя неопредѣленныя и отрывочныя.

Какъ рѣзко служба связи 2-го Отд. корпуса генерала Коновалова отличалась отъ службы связи 1-го корпуса генерала Алексѣева!

Въ 1-омъ корпусѣ все было ясно, опредѣленно и точно; сводка получалась частями три раза въ день; и три раза штабы бригадъ посылали срочныя донесенія въ штабъ корпуса: объ обстановкѣ на фронтѣ, развѣдкѣ и состояніи частей. Всякій маневръ, всякое движеніе было разсчитано. Между частями непрерывная связь. Ничего не дѣлалось въ темную. Каждый шагъ противника отмѣчался. Всѣ и всегда были въ курсѣ обстановки.

А здѣсь? Въ штабѣ 2-го корпуса не знаютъ, гдѣ командиръ корпуса, гдѣ подчиненныя корпусу дивизіи, части не знаютъ, кто правѣе, кто лѣвѣе ихъ, хотя и комкоръ и начальникъ штаба офицеры Генеральнаго Штаба.

7-го декабря я получилъ отъ вр. командующаго корпусомъ предписаніе, — отправиться въ 14-ю кон. бригаду и вступить въ командованіе ею.

Вскорѣ я разыскалъ бригаду въ раіонѣ къ сѣверу отъ слободы Скасырской. Но въ какомъ состояніи! Оставилъ я бригаду два мѣсяца тому назадъ въ полномъ порядкѣ, съ боевымъ составомъ въ 3000 сабель, а теперь нашелъ ее въ составѣ около 300 сабель.

Какъ чужую бригаду, 2-й корпусъ использовалъ ее, какъ говорится, «и въ хвостъ и въ гриву», безъ отдыха мотая, пока она не дошла до такого состоянія. Бригадой командовалъ чужой офицеръ, уже третій или четвертый по счету, полковникъ Гавриловъ. Бригада отходила, послѣ тяжелыхъ боевъ въ раіонѣ г. Богучара, на отдыхъ и пополненіе уже нѣсколько дней; но такъ какъ мѣста для отдыха назначались въ 5-6 верстахъ отъ отступающаго фронта, то фактически бригада не могла использовать для отдыха ни одного дня. Когда поступали распоряженія получить теплыя вещи или фуражъ на какой-либо станціи, то къ этому времени оказывалось, что указанная станція уже была занята противникомъ. Въ погонѣ за теплыми вещами бригада безостановочно отходила, и 15 декабря прибыла въ хут. Садковскій, что къ сѣв.-востоку отъ станицы Константиновской. Здѣсь мною была получена

телеграмма отъ начальника Штаба Донской Арміи о назначеніи меня начальникомъ вновь формируемой «Конной Группы генерала Голубинцева», въ составъ которой входили 4-я Донская конная дивизія генерала Лобова (4-я, 5-я и 6-я конныя бригады) и 14-я Отдѣльная кон. бригада. Въ тотъ же день я отдалъ приказъ о вступленіи въ командованіе конной группой.

При формированіи мною штаба конной группы, штабъ 2-го корпуса создалъ для меня нѣкоторыя затрудненія, что видно изъ цитируемаго ниже письма начальника штаба корпуса, переданнаго по телефону:

Секретно.

Нач. конгруппы генералу Голубинцеву.

При формированіи штагруппы комкоръ приказалъ принять къ свѣдѣнію, дабы полковникъ Борцевичъ оставался наштадивомъ 4-й конной и если трудно будетъ вашему наштабригу справиться съ конгрдолжностью наштагруппы, комкоръ разрѣшилъ взять для себя из 4-й конной бригады причисленнаго къ генштабу войск. старшину Хохлачева, очень дѣльнаго и доблестнаго наштабрига 4 конной. Точка. Для удобства управленія конницей комкоръ разрѣшилъ изъ 4-хъ бригадъ, по вашему усмотрѣнію, 2 дивизіи, по 2 бригады, возложивъ на одинъ изъ штабовъ, присоединившейся бригады къ 14 бригадѣ обязанности штадива конной точка Полковникъ Борцевичъпослѣднее время совершенно не несетъ обязанностей наштадива, не даетъ донесеній и становится въ оппозицію съ штакоромъ. Этому не время. Подъ Персіяновкой надо напречь всѣ силы моральныя и физическія начальствующихъ лицъ, дабы успѣхъ былъ обезпеченъ за нами. Комкоръ съ своей стороны приметъ мѣры, дабы изъ раіона Раздорской совмѣстно съ вашей конной группой и сводной дивизіей, ударить во флангъ врага, наступающаго на Персіяновку. Изъ прилагаемой директивы вы увидите, гдѣ ген. Мамонтовъ, уже разбившій 15 дивизію и захватившій 1000 плѣнныхъ и 11 орудій. Онъ сосредотачивается въ Кутейниковъ-Несвѣтскій, такъ какъ развить успѣхъ н ебыло времени.

Очень жаль, что Вы нездоровы, но я надѣюсь, Ваше Превосходительство, что Богъ дастъ вамъ настолько силы,

чтобы исполнить возложенную на васъ задачу. Одно только непріятно, что ваша бригада сильноразложилась и по духу почти красная, и вся вина въ командномъ составѣ, что они не требуютъ отъ казаковъ исполненія долга — необходимо вдохнуть въ ихъ души бодрость для окончательной побѣды. Ведя непрерывную развѣдку и не теряя соприкосновенія съ врагомъ, мы общими силами обрушимся на врага противъ 3-го корпуса, который отходитъ на высоты у ст. Персіяновка. Когда вы насъ оріентируете и установите посты летучей почты въ Раздорской, то вы получите окончательную обстановку передъ генеральнымъ сраженіемъ точка Извините за простоту обращенія, но я казакъ и вѣрю въ благополучный исходъ борьбы за наше правое дѣло. Еще разъ Богъ вамъ въ помощь..

Врид наштакор Генштаба полковникъ Одноглазковъ.

Это письмо создало для меня затрудненіе главнымъ образомъ въ назначеніи начальника штаба группы. Какъ найти выходъ изъ положенія? Полковникъ Борцевичъ, естественно, долженъ быть назначенъ начальникомъ штаба конной группы, какъ старшій офицеръ генеральнаго штаба въ группѣ. Объяснить ему, почему я его обхожу, я также не могъ, такъ какъ письмо наштакора было секретнаго характера. Рекомендуемаго войскового старшину Хохлачева, ускореннаго выпуска Военной Академіи, хотя и очень способнаго и дѣльнаго офицера, моего сослуживца еще въ мирное время по 3-му Донскому Казачьему полку Царской Арміи, я также не могъ назначить, ибо, не говоря уже о неудобствѣ нарушенія принципа старшинства и назначенія подчиненнаго начальникомъ, еще другое обстоятельство мѣшало, а именно, по мнѣнію начальника 4-й конной дивизіи, взять изъ 4-й бригады войскового старшину Хохлачева — это значитъ лишить бригаду управленія, такъ какъ ввиду слабости комбрига, бригадой фактически командовалъ Хохлачевъ. Выходъ былъ только — назначить вр. наштагруппы войскового старшину Корнѣева, наштабрига 14-й отд. конной. Результатъ не замедлилъ сказаться. Чувствовалось, что наштадив 4-й обиженъ и распоряженія штаба группы исполнялись 4-й дивизіей какъ-то неохотно и вяло: «какъ прикажете». Ждать проявленія инциіативы 4-й дивизіей при настоящемъ положеніи, если бы тоготребовала обстановка, не приходилось, а

время было тяжелое и пассивный образъ дѣйствій могъ привести къ катастрофѣ, а взыскивать и отрѣшать также было не время. Учитывая создавшееся положеніе, я рѣшилъ дѣйствовать по обстановкѣ и черезъ два дня начальникомъ штаба конной группы назначилъ полковника Борцевича.

Надо сказать еще нѣсколько словъ о состояніи частей конной группы. О боевомъ составѣ 14-й Отд. бригады я уже упомянулъ, а также о томъ, въ какое состояніе она была приведена за время пребыванія, по мѣткому казачьему выраженію, «въ зятьяхъ» во 2-мъ корпусѣ. Что же касается 4-й конной дивизіи, то она совершенно потеряла и сердце и всѣ пулеметы. Пулеметныя команды были готовы и пулеметы ожидались изъ Новочеркасска каждый день; что же касается сердца... «сердце» тоже, надо было полагать, черезъ нѣсколько дней нашлось бы, но въ эти нѣсколько дней что-то надо сдѣлать. Путемъ маневра мы одержали нѣкоторые успѣхи — наступленіе красныхъ было пріостановлено. Безъ рѣшительнаго результата, но съ нѣкоторымъ перевѣсомъ въ нашу сторону, группа вела бои въ раіонѣ Садкосвкаго и Мокрой Ольховки съ частями корпуса Буденнаго. У хут. Мокрой Ольховки, при столкновеніи нашихъ разъѣздовъ съ красными, два казака 14-й бригады попали въ плѣнъ къ Буденному, но на другой день имъ удалось бѣжать въ свои части. При опросѣ этихъ казаковъ въ штабѣ, они разсказали слѣдующее:

Когда ихъ привели къ Буденному, тотъ въ это время обѣдалъ и самъ пожелалъ сдѣлать опросъ плѣннымъ. Спросивъ, какой части и задавъ еще нѣсколько вопросовъ, на которые казаки не могли или не хотѣли отвѣтить, Буденный обругалъ ихъ скверной бранью полусурово, полудобродушно:

— Ахъ, вы, Голубинцевскія б-ди! Хотите ѣсть?

Казаки, переминаясь съ ноги на ногу, отвѣтили: «Такъ точно, товарищъ, желаемъ».

— Садитесь! — и посадивъ ихъ съ собою за столъ, старался получить отъ нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

По разсказу этихъ же казаковъ, служившихъ когда-то въ 3-мъ Донскомъ Казачьемъ полку Императорской Арміи, начальникомъ штаба у Буденнаго былъ прапорщикъ Зотовъ, бывшій вахмистръ 1-й сотни 3-го Донского Каз. полка. Я этого Зотова отлично помню. Человѣкъ уже пожилой и когда-то дѣльный и строгій вахмистръ. Въ концѣ войны былъ командированъ полкомъ въ одну изъ школъ прапорщиковъ.

Попалъ онъ къ краснымъ, повидимому, случайно, такъ какъ въ полку былъ добросовѣстнымъ и ревностнымъ служакой, во время революціи держался безукоризненно.

Въ началѣ января 1918 года, будучи въ Новочеркасскѣ, я неожиданно встрѣтилъ его въ офицерскомъ собраніи.

— Здравствуйте, Зотовъ!

— Здравія желаю, господинъ полковникъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете, въ Новочеркасскѣ?

— Да вотъ, господинъ полковникъ, кончилъ школу и ѣду домой въ отпускъ.

— А потомъ куда?

— Не могу знать, куда-нибудь въ конный полкъ желалъ бы, боюсь, какъ бы не попасть въ пѣхоту.

— Пріѣзжайте ко мнѣ, въ нашъ 3-й полкъ, въ Глазуновку, я буду радъ васъ видѣть.

— Покорнѣйше благодарю, г. полковникъ, сочту за честь и счастье служить въ родномъ полку, непремѣнно пріѣду.

На этомъ разговоръ нашъ кончился. Очевидно, по пріѣздѣ къ себѣ въ станицу, онъ попалъ къ краснымъ, тамъ остался и какъ бы по инерціи, сдѣлалъ карьеру, окончилъ въ Петербургѣ Красную Военную Академію и впослѣдствіи былъ командиромъ 3-го кавалерійскаго корпуса.

Эти послѣднія свѣдѣнія я случайно узналъ въ двадцатыхъ годахъ, уже будучи въ эмиграціи, изъ совѣтскаго журнала «Огонекъ», гдѣ въ числѣ помѣщенныхъ портретовъ красныхъ «генераловъ», окончившихъ военную академію, красовался и портретъ Зотова, съ надписью: «С. А. Зотовъ, командиръ 3-го Кавалерійскаго корпуса, бывшій нач. полевого штаба Буденнаго».

24-го декабря моя конная группа сосредоточилась въ раіонѣ хут. Мокрый Логъ. На слѣдующій день было назначено, согласно полученнымъ директивамъ, наступленіе на Александро-Грушевскъ, съ цѣлью удара по тыламъ арміи Буденнаго, наступавшей на Новочеркасскъ. Несмотря на сильный приступъ тифа, я непремѣнно хотѣлъ лично руководить операціей, вѣря въ успѣхъ; но 25-го утромъ я почувствовалъ себя настолько скверно, что не въ состояніи былъ сѣсть на коня. Температура поднялась выше 40 градусовъ. Пришлось эвакуироваться. Я передалъ командованіе группой генералу Лобову. Меня уложили въ сани и въ тотъ же день я переправился черезъ Донъ у станицы Константиновской, а на другой

день, почти безъ сознанія, прибылъ въ хут. Веселый. Около трехъ недѣль я пролежалъ въ лазаретѣ 14 кон. бригады, въ хуторѣ Красноштановѣ.

О дѣйствіяхъ конной группы, при выполненіи ею задачи, я не берусь судить. По докладу моего начальника штаба, группа 25 декабря тремя колоннами выступила по направленію на Александро-Грушевскъ, но пройдя нѣсколько верстъ остановилась. въ нерѣшительности, такъ какъ въ тылу, въ раіонѣ Мокраго Лога, занятаго нашей партизанской дивизіей, послышалась орудійная стрѣльба. Вмѣсто того, чтобы продолжать выполненіе задачи или, по крайней мѣрѣ, какъ рекомендуетъ намъ уставъ, идти на выстрѣлы, конная группа, простоявъ нѣкоторое время нерѣшительно въ пути, свернула въ сторону, не принявъ никакого рѣшенія, и отошла въ станицу Раздорскую. Дальнѣйшія дѣйствія группы были чисто пассивнаго или, вѣрнѣе, непонятно-страннаго характера, свидѣтельствующія о совершенной потерѣ частями боеспособности.

18.

ВЪ САЛЬСКИХЪ СТЕПЯХЪ

15 января 1920 года, едва оправившись послѣ тифа, я выѣхалъ въ штабъ 1-го корпуса, такъ какъ моя бригада къ этому времени вновь вошла въ составъ частей 1-го корпуса.

Станица Егорлыцкая эвакуировалась, и штабъ корпуса перешелъ на станцію Цѣлина, куда я и прибылъ 16-го января. Командиръ корпуса, генералъ Алексѣевъ, совѣтовалъ мнѣ мнѣ скорѣе ѣхать въ бригаду, гдѣ, по его словамъ, не все было благополучно, и смѣясь показалъ мнѣ телеграмму, полученную озъ штаба арміи, слѣдующаго содержанія: «Гдѣ генералъ Голубинцевъ, почему 14-й бригадой командуютъ разныя неизвѣстныя лица?»

— Бригадой командуетъ нейчасъ. генералъ Туровѣровъ, четвертый по счету комбригъ за время вашей болѣзни. Поѣзжайте скорѣе и приведите въ порядокъ бригаду. На дняхъ полковникъ Красовскій разстрѣлялъ командира сотни, шт.-ротмистра Зайцевскаго, а прибывшій сюда вчера командиръ

28-го полка, полковникъ Болдыревъ, даже мнѣ не совѣтуетъ показываться къ вамъ въ бригаду, онъ говоритъ: «И васъ тамъ могутъ разстрѣлять, Ваше Превосходительство», шутя добавилъ генералъ Алексѣевъ.

Я доложилъ командиру корпуса, что о разстрѣлѣ шт.-ротмистра Зайцевскаго у меня имѣется подробный докладъ, изъ котораго видно, что такая исключительная мѣра была необходима, ибо обстановка требовала безъ промедленія принять рѣшительныя мѣры, иначе могли быть весьма непріятныя послѣдствія, ибо положеніе было очень тяжелымъ, наши войска отходили, настроеніе въ частяхъ было подавленное и ненадежное, такъ, напримѣръ, въ одну ночь изъ сторожевого охраненія, находившагося подъ командой шт.-ротмистра Зайцевскаго, ушло къ краснымъ 150 человѣкъ, а на другой день было перехвачено письмо Зайцевскаго къ краснымъ съ предложеніемъ перейти къ нимъ при первомъ удобномъ случаѣ. За Зайцевскимъ, какъ бывшимъ комиссаромъ, уже давно велось наблюденіе. Разстрѣлянъ онъ былъ по приговору военно-полевого суда, за измѣну и неисполненіе боевого приказа. Приговоръ приведенъ въ исполненіе на глазахъ сотни Зайцевскаго, которой было объявлено, что такъ будетъ поступлено съ каждымъ, не исполнившимъ боевого приказа.

Разстрѣлянъ былъ Зайцевскій въ станицѣ Платовской, при очень трагической обстановкѣ: красные въ превосходныхъ силахъ наступали на станицу, снаряды рвались на площади. Разстрѣлъ пресѣкъ въ корнѣ начинавшееся было разложеніе и отрезвляющимъ образомъ подѣйствовалъ на части, призвавъ ихъ къ порядку и исполненію долга, о чемъ свидѣтельствуетъ блестящій отходъ бригады, въ образцовомъ порядкѣ, изъ станицы Платовской. Около 10 верстъ бригада отходила шагомъ, въ линіи колоннъ, готовая въ любой моментъ ударить противника, насѣдавшаго со всѣхъ сторонъ, но не рѣшавшагося атаковать готовую къ отпору бригаду.

16 января, вечеромъ, я прибылъ въ зимовникъ Супруновъ, куда только что возвратилась бригада, послѣ боя у хутора Жеребкова.

Всю вторую половину января, въ жесткіе морозы, при очень тяжелыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, бригада вела удачные бои съ конной дивизіей Гая и частями 28 совѣтской стрѣлковой дивизіи Азина. Боевый дѣйствія все время происходили въ степяхъ, располагалась на ночлегъ бригада въ

разоренныхъ зимовникахъ. Помѣщенiй, особенно для людей, было очень мало, да и въ уцѣлѣвшихъ домахъ окна и двери были обыкновенно выбиты. Морозъ доходилъ до 23-25 градусовъ по Реомюру, съ сильными снѣжными метелями и вѣтромъ. Люди набивались въ дома и спали въ нѣсколько ярусовъ, согрѣвая тѣлами другъ друга. Тифъ свирѣпствовалъ, каждый день десятки больныхъ отправлялись въ тылъ. Служба на заставахъ была особенно тяжела, посты ютились у скирдъ соломы, занесенныхъ снѣгомъ. Зачастую, какъ наши казаки, такъ и красные, заблудившись, благодаря вьюгѣ, попадали на посты къ противнику. Въ послѣднихъ числахъ января красноармеецъ, везшiй донесенiе, по ошибкѣ попалъ на нашу заставу. Донесенiе было послано начальникомъ 28-й совѣтской дивизiи, товарищемъ Азинымъ, въ сосѣднiй красный отрядъ, если не ошибаюсь, Кеквидзе, съ сообщенiемъ, что 1-я конная армiя Буденнаго прошла по лѣвому берегу Маныча, къ станцiи Торговой. Донесенiе это я немедленно переслалъ въ штабъ корпуса, но ему не придали значенiя и не повѣрили, такъ какъ въ штабѣ не было еще свѣдѣнiй о существованiи конной армiи! Черезъ 10 дней эта армiя показала себя у Шаблiевки.

Къ 30 января армiя Буденнаго сосредоточилась въ раiонѣ Торговой.

Въ началѣ февраля я съ бригадой находился въ одномъ изъ зимовниковъ къ сѣверу отъ жел.-дорожнаго участка Егорлыцкая — Шаблiевка. Сюда на пополненiе бригады прибыли четыре конныхъ сотни казаковъ-малолѣтковъ, получившихъ въ тотъ же день боевое крещенiе. Въ этотъ день части 28-й сов. дивизiи, находившiяся въ сосѣднемъ зимовникѣ Поповѣ, перешли въ наступленiе. Выдвинувъ около трехъ ротъ пѣхоты, съ 12-ю пулеметами, самъ начальникъ дивизiи, товарищъ Азинъ, выѣхалъ на усиленную рекогносцировку.

Сосредоточивъ укрыто въ лощинахъ конницу противъ обоихъ фланговъ наступающихъ красныхъ, и оставивъ передъ фронтомъ лишь рѣдкую лаву, я далъ возможность противнику подойти безъ выстрѣла шаговъ на 500 къ зимовнику. По данному сигналу наши части одновременно и стремительно въ конномъ строю атаковали ошеломленнаго противника. Красные были накрыты, какъ стайка оцѣпенѣвшихъ куропатокъ. Вспыхнувшая нервная ружейная трескотня и ин-

стинктивная попытка къ сопротивленію быстро падавлена. Нѣсколько сабельныхъ ударовъ, и противникъ окончательно смятъ. Всѣ 12 пулеметовъ, приготовленныхъ къ стрѣльбѣ, были захвачены на позиціи. Самъ начальникъ дивизіи, товарищъ Азинъ, пытался было ускакать, но благодаря глубокому снѣгу конь его споткнулся, завязъ, и красный «генералъ» былъ захваченъ въ плѣнъ живымъ, почти какъ Костюшко.

Кромѣ того, было взято около сотни плѣнныхъ и столько же изрублено. Наши потери: сотникъ Красноглазовъ и семь казаковъ — всѣ легко ранены.

Такъ какъ у меня было основаніе предполагать, что зим. Поповъ занятъ красной конницей, я рѣшилъ лично провѣрить это у Азина путемъ опроса. Азинъ, наканунѣ разстрѣлявшій плѣннаго офицера 14-й бригады, боясь возмездія, страшно волновался:

— Вы меня разстрѣляете, генералъ! — съ ужасомъ, хватаясь за голову, нервно выкрикивалъ Азинъ.

— Это зависитъ отъ васъ. Если вы мнѣ прямо и откровенно отвѣтите на мои вопросы, я васъ не разстрѣляю, а отправлю въ тылъ, гдѣ, полагаю, васъ также не разстрѣляютъ. Даю вамъ пять минутъ на размышленіе: мои части готовы къ атакѣ хут. Попова. Скажите, кѣмъ занятъ хут. Поповъ? Есть ли тамъ конница?

— Дайте мнѣ слово, что вы меня не разстрѣляете!

— Обѣщаю, если ваши свѣдѣнія будутъ правдивы.

Азинъ, видимо, колебался. Я взглянулъ на часы.

— Осталось двѣ минуты, конница сейчасъ начнетъ атаку на хуторъ Поповъ. Рискуете опоздать съ отвѣтомъ, господинъ Азинъ, — спокойно замѣтилъ я.

— Тамъ лишь одна рота и обозы. Конница и два баталіона часъ тому назадъ ушли, — скороговоркой прокричалъ Азинъ.

Черезъ 10 минутъ зимовникъ Поповъ нами былъ занятъ, захвачены обозы и нѣсколько десятковъ плѣнныхъ. Азина я отправилъ въ штабъ корпуса, а оттуда онъ былъ отправленъ въ штабъ Донской Арміи, гдѣ, какъ я узналъ впослѣдствіи, пользовался особымърасположеніемъ и вниманіемъ генерала Сидорина.

О дальнѣйшей судьбѣ Азина мнѣ не извѣстно, но мнѣ разсказывали, что въ раіонѣ Новороссійска Азинъ сдѣлалъ попытку бѣжать къ краснымъ, но былъ застрѣленъ во время бѣгства, гдѣ-то между вагонами, казаками охраны штаба.

4-го февраля моей бригадѣ былъ приданъ 19-й конный полкъ и я получилъ приказаніе войти въ подчиненіе генералу Павлову, для совмѣстной операціи противъ конницы Буденнаго, занимавшей станцію Торговую.

19.

ДОНСКАЯ КОННИЦА У ТОРГОВОЙ И БѢЛОЙ ГЛИНЫ

Читая доклады и записки о Гражданской войнѣ, я нигдѣ не встрѣчалъ болѣе или менѣе подробнаго описанія дѣйствій Донской конницы генерала Павлова въ періодъ 1-15 февраля 1920 года, а, между тѣмъ, дѣятельность Донской конницы въ это время заслуживаетъ болѣе точнаго и подробнаго изученія.

Рядомъ грубыхъ ошибокъ, растерянностью, или скорѣе неувѣренностью въ своихъ силахъ, если не сказать неподготовленностью, части высшаго командного состава къ веденію операціи въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ гражданской войны, только и можно объяснить тѣ ужасныя ошибки, граничащія съ преступленіемъ, благодаря которымъ Донская конница, имѣя всѣ данныя для уничтоженія конной группы Буденнаго, не только не выполнила своей задачи, но и окончательно была разстроена, растрепана и потеряла сердце, какъ разъ въ тотъ фатальный моментъ, когда рѣшалась судьба не только Гражданской войны, но и Россіи.

Постараюсь, насколько мнѣ позволяетъ память, описать тѣ событія, въ которыхъ я былъ непосредственнымъ участникомъ, или которыя происходили у меня на глазахъ.

Начну съ несчастнаго 4-го февраля 1920 года, когда генералъ Павловъ, послѣ удачныхъ дѣйствій 1-3 февраля противъ конной дивизіи Гая, находясь въ раіонѣ хутора Веселаго, отдалъ приказъ о наступленіи на Торговую, для уничтоженія группы Буденнаго.

Въ суровый морозъ, около 26 градусовъ по Реомюру, конной группѣ генерала Павлова приказано было идти напрямикъ, безъ дорогъ, по компасу, по степи, покрытой толстымъ пластомъ снѣга, болѣе чѣмъ на аршинъ глубиною, въ направленіи на Торговую. На протяженіи около 30 верстъ не было

ни одного населеннаго пункта, а между тѣмъ въ нѣсколькихъ верстахъ лѣвѣе, по долинѣ рѣки Маныча, шла дорога параллельно нашему направленію, по мѣстности густо населенной, по которой нѣсколько дней тому назадъ прошла 1-ая Конная армія Буденнаго.

Согласно приказу, части группы генерала Павлова должны были пройти линію рѣки М. Егорлыкъ въ 12 час. дня 4-го февраля ст. ст.

Какъ объяснить рѣшеніе генерала Павлова, стараго, опытнаго, боевого кавалерійскаго начальника, идти напрямикъ и вести войну съ природой, осудивъ свою конницу на гибель?

Говорили, что ген. Павловъ былъ противъ такого рѣшенія, но приказаніе командующаго Донской Арміей генерала Сидорина было въ этомъ смыслѣ категорическимъ.

Другой конной группѣ, меньшей по численности, генерала Голубинцева, въ составѣ 4-хъ конныхъ полковъ, 2-хъ батарей и Кубанскаго коннаго дивизіона, находившейся у зимовника Попова, въ раіонѣ станціи Цѣлина, приказано было войти въ подчиненіе ген. Павлову и, выступивъ въ 12 часовъ, двигаться вдоль рѣки Средній Егорлыкъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы на другой день, 5-го февраля утромъ, совмѣстно съ конной группой генерала Павлова, атаковать Торговую съ юго-запада. Судя по диспозиціи, на разсвѣтѣ 5-го февраля, съ ю-ю-востока и съ юга должны были подойти 1-й и 2-й Кубанскіе корпуса и одновременно съ нами атаковать Торговую.

Такимъ образомъ, планъ былъ задуманъ и выработанъ великолѣпно: получалось въ теоріи полное окруженіе превосходными силами противника, находившагося въ Торговой. Но выполненіе плана было произведено такъ, что вмѣсто успѣха, получился разгромъ собственныхъ силъ.

1-й и 2-й Кубанскіе корпуса не подошли и, какъ выяснилось потомъ, они еще наканунѣ были потрепаны красной конницей Думенко. Группа генерала Павлова, во время 30-ти верстнаго перехода по степи, безъ дорогъ, была окончательно обморожена и потерявъ около 5000 человѣкъ, изъ 12000, обмороженными и замерзшими, атаковала ночью, въ безпорядкѣ, красныхъ въ раіонѣ Торговой у станціи Шабліевка самостоятельно и, не успѣвъ использовать внезапность и начальный успѣхъ, отошла въ раіонъ Егорлыцкой, не сообщивъ даже о своемъ уходѣ генералу Голубинцеву.

Группа генерала Голубинцева, сдѣлавъ переходъ по долинѣ рѣки Среднiй Егорлыкъ, по мѣстности усѣянной хуторами и зимовниками, съ остановками и привалами, и все же потерявъ 286 человѣкъ обмороженными, къ утру 5-го февраля заняла исходное положенiе, ожидая условнаго сигнала — артиллерiйскаго огня — къ переходу въ наступленiе на Торговую. Но никакого признака боя или наступленiя не было замѣтно.

Около 9 часовъ наши разъѣзды и развѣдывательныя сотни стали подходить къ Торговой; въ это же время были замѣчены какiя-то конныя части, выступавшiя отъ Торговой. Въ бинокль ясно можно было различить около девяти полковъ конницы. Но какъ наши разъѣзды, такъ и большевики, огня не открывали: большевики, очевидно, не разсчитывали встрѣтить здѣсь противника, а наши колебались, не зная, противникъ ли это, или, можетъ быть, части генерала Павлова, занявъ Торговую, двигаются къ югу. И только при непосредственномъ столкновенiи передовыхъ частей, когда заговорили пулеметы, выяснилась обстановка. Тѣмъ временемъ выступавшая изъ Торговой красная конница, силою около 9-11 полковъ, очевидно, не разсчитывая встрѣтить упорнаго сопротивленiя, повела наступленiе на насъ.

Встрѣченная мѣткимъ огнемъ нашихъ двухъ батарей: 14-й конной полковника Степанова и 10-й войскового старшины Бочевскаго, красная конница сначала отхлынула, но затѣмъ, въ продолженiи дня, повторила около восьми конныхъ атакъ, стараясь охватить нашъ правый флангъ. Всѣ атаки отбивались ураганнымъ огнемъ нашихъ батарей и пулеметами. Наши части отходили перекатами, ведя упорный бой и, при поддержкѣ артиллерiи, частично переходили въ контръ-атаки.

Интересно отмѣтить одинъ эпизодъ: съ наступленiемъ сумерекъ красные, ободренные отходомъ нашихъ батарей къ Лежанкѣ, прекратившихъ огонь, съ дикимъ воемъ атаковали большое стадо быковъ, принявъ его въ темнотѣ за колонну конницы.

Подъ покровомъ наступившей ночи, оторвавшись отъ насѣдавшаго противника, наша группа отошла на ночлегъ въ село Среднiй Егорлыкъ (Лежанка), занявъ передъ селомъ сильнымъ сторожевымъ охраненiемъ позицiю.

Въ Лежанкѣ въ это время находилось много всякаго рода тыловыхъ учрежденiй: обозовъ, госпиталей, какихъ-то не-

строевыхъ частей, мастерскихъ, которыя и не предполагали, чтонаходятся въ непосредственной близости къ противнику. Совершенно неожиданно очутившись подъ ударомъ врага, всѣ эти учрежденія и команды спѣшно, еще до разсвѣта, эвакуировались на югъ.

6-го февраля противникъ не проявлялъ активности, если не считать столкновеній развѣдывательныхъ частей.

7-го февраля, часовъ около 10 утра, красные нѣсколько разъ пытались овладѣть селомъ, но всѣ попытки ихъ были отбиты огнемъ артиллеріи и пулеметовъ и частыми контръатаками.

8-го февраля Буденный съ утра всѣми силами повелъ наступленіе на Лежанку и часамъ къ 12 дня, вытѣснивъ нашу группу, занялъ село.

Къ вечеру того же дня части генерала Голубинцева отошли на ночлегъ въ станицу Плоскую (Ново-Корсунскій).

9-го февраля Буденный съ 6-й и 4-й кавалерійскими дивизіями атаковалъ Плоскую и, послѣ нѣсколькихъ повторныхъ атакъ, занялъ станицу, оттѣснивъ наши части къ западу, къ поселку Ивановскій. Къ вечеру наши части расположились въ станицѣ Незамаевской и въ поселкѣ Ивановскомъ, а Буденный, оставивъ въ станицѣ Плоской сильный заслонъ, съ конной арміей двинулся дальше на югъ, по направленію къ селу Бѣлая Глина, гдѣ, какъ выяснилось впослѣдствіи, атаковалъ и уничтожилъ 1-й Кубанскій корпусъ генерала Крыжановскаго, ведшій въ это время бой съ красной пѣхотой (съ 20-й, 34-й и 50-й совѣтскими стрѣлковыми дивизіями), наступавшей со стороны селъ Богородицкое и Развильное.

О нахожденіи въ Бѣлой Глинѣ корпуса генерала Крыжановскаго и, вообще, какихъ-либонашихъ частей, мнѣ не было извѣстно, какъ не было извѣстно о мѣстонахожденіи и судьбѣ Конной группы генерала Павлова. Въ противномъ случаѣ я, конечно, связался бы съ генераломъ Крыжановскимъ и отходилъ бы на Бѣлую Глину, а не на Незамаевскую, и неожиданная катастрофа съ Кубанскимъ корпусомъ была бы избѣгнута.

Вообще, слѣдуетъ отмѣтить, что даже старшіе начальники не были Донскимъ штабомъ достаточно оріентированы объ обстановкѣ за все время отхода и боевъ на Кубани, и это одна изъ важныхъ причинъ нашего пораженія.

10-го февраля, находясь съ конной группой въ станицѣ Незамаевской, я установилъ, черезъ Корниловскій п., телефонную связь съ Командующимъ Донской Арміей, генераломъ Сидоринымъ. Для розыска и связи съ генераломъ Павловымъ были высланы разъѣзды. За станицей Плоской велось наблюденіе. День прошелъ спокойно. На усиленіе моей группы прибылъ 4-й конный полкъ молодой Донской Арміи, въ составѣ 2-хъ сотенъ, силою около 150 сабель.

11-го февраля мои части сосредоточились въ раіонѣ хут. Ивановскаго, въ 5-6 верстахъ отъ станицы Плоской, съ цѣлью вновь овладѣть Плоской. Въ это время генералъ Сидоринъ сообщилъ мнѣ по телефону, что къ вечеру къ Плоской должна подойти со стороны Средне-Егорлыцкой 10-я Донская дивизія. Не дожидаясь подхода 10-й кон. дивизіи и получивъ отъ развѣдки свѣдѣнія о численности противника, занимавшаго Плоскую, наши части около 12 час дня энергичнымъ налетомъ овладѣли станицей, захвативъ у красныхъ обозы и отбивъ группу плѣнныхъ, около 40 человѣкъ, взятыхъ красными при разгромѣ 1-го Кубанскаго корпуса.

Къ вечеру 11 февраля въ ст. Плоскую вошла 10-я Донская конная дивизія генерала Николаева.

Съ подходомъ 10-й дивизіи, я получилъ приказаніе 4-й полкъ молодой арміи отправить къ Екатеринодару, для операцій противъ зеленыхъ; туда же былъ отправленъ и Кубанскій дивизіонъ, а съ остальными частями я вошелъ въ подчиненіе генералу Николаеву, для дальнѣйшихъ операцій.

На ночлегъ части ген. Голубинцева расположились въ раіонѣ станицы Плоской: штабъ, три полка и двѣ батареи въ станицѣ, а одинъ полкъ съ 2-мя орудіями въ хуторѣ Ивановскомъ. Въ 10 час. вечера я получилъ изъ штаба 10-й дивизіи краткое приказаніе: «Отъ 14-й конной бригады выслать развѣдку утромъ 12-го февраля на села Бѣлую Глину и Горькую Балку и въ 8 часовъ выступить въ авангардѣ на село Бѣлую Глину».

Никакихъ свѣдѣній о противникѣ, объ общей задачѣ и о другихъ частяхъ группы генерала Павлова не сообщалось.

Утромъ 12-го февраля, когда голова авангарда выдвинулась версты на три къ югу отъ станицы Плоской (Н. Корсунскій) по дорогѣ на Бѣлую Глину, были получены донесенія отъ разъѣздовъ, что противникъ силою около 8-9 полковъ конницы выступилъ изъ села Бѣлая Глина и перешелъ въ

село Горькая Балка. Въ это же время къ сѣверу отъ Горькой Балки въ бинокль можно было различить конныя колонны противника. Начальникъ группы, генералъ Николаевъ, былъ еще въ Плоской. Ему было послано донесеніе объ обстановкѣ. Авангардъ остановился, части подтянулись во взводную колонну. Черезъ нѣкоторое время въ голову колонны выѣхалъ генералъ Николаевъ со своимъ начальникомъ штаба, войсковымъ старшиною Фроловымъ.

Теперь колонны противника обозначились рѣзко. Противникъ дѣлаетъ перестроенія. На мой докладъ объ обстановкѣ и на вопросъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, генералъ Николаевъ заявилъ, что намъ приказано занять Бѣлую Глину, а потому оставимъ здѣсь, въ лощинѣ, заслонъ въ двѣ сотни, а сами пойдемъ на Бѣлую Глину.

Такое примитивное рѣшеніе меня смутило:

— Я полагаю, что занять Бѣлую глину можетъ разъѣздъ, такъ какъ развѣдка доноситъ, что противникъ очистилъ село и перешелъ въ Горькую Балку, а наша задача, полагаю, разбить противника, — возразилъ я.

— Тогда оставимъ здѣсь заслонъ — одну бригаду, а сами пойдемъ на Бѣлую Глину, — говоритъ нерѣшительно генералъ Николаевъ.

— Обратите вниманіе, Ваше Превосходительство, что противникъ строитъ боевой порядокъ, видно въ бинокль, сейчасъ будетъ атака.

— Въ резервную колонну! — приказываетъ генералъ Николаевъ.

Отрядъ въ четыре бригады (12 полковъ) строитъ резервныя колонны, въ лощинѣ, правѣе дороги, въ шахматномъ порядкѣ, такъ что противникъ насъ почти не видитъ: въ центрѣ 14-я бригада (ген. Голубинцевъ), лѣвѣе уступомъ впередъ 9-я бригада (полковникъ Дьяконовъ), правѣе уступомъ назадъ 10-я бригада (полковникъ Лащеновъ) и 13-я бригада (полковникъ Захаревскій).

Начальникъ группы, ген. Николаевъ, выѣзжаетъ на лѣвый флангъ, передъ 9-й бригадой, съ нимъ начштаба, войск. старшина Фроловъ, и совѣтуются. Здѣсь же присутствую я и и командиръ 9-й бригады, полк. Дьяконовъ, другіе командиры бригадъ при своихъ бригадахъ.

Результатъ совѣщанія съ начальникомъ штаба: «выслать сотню отъ 9-й бригады въ лаву».

Я, видя, что у ген. Николаева еще нѣтъ опредѣленнаго рѣшенія, приказываю командиру моего артиллерійскаго дивизіона, полковнику Степанову, находящемуся около меня, занять позицію, при чемъ одну батарею поставить къ сѣверу, за станицей Плоской.

Противникъ открылъ артиллерійскій огонь и строитъ боевой порядокъ для атаки. У насъ уже есть потери отъ артиллерійскаго огня.

— Отдавайте же приказанія, прикажите строить боевой порядокъ, — говорю я ген. Николаеву. Лицо генерала изображаетъ растерянность и нерѣшительность. Я, видя, что красные могутъ насъ забрать, какъ оцѣпенѣвшихъ цыплятъ, приказываю моимъ батареямъ открыть огонь. Ординарцу отдаю приказаніе: «14-я бригада въ линію колоннъ!»

Лицо генерала Николаева мнѣ страшно знакомо, но гдѣ я его видѣлъ, не могу вспомнить. «Гдѣ я съ вами встрѣчался, Ваше Превосходительство?»

— Да я у васъ же былъ въ отрядѣ!

Больше разговаривать некогда — противникъ переходитъ въ атаку, я еще разъ говорю: «прикажите строить боевой порядокъ!»

— Атакуйте вашей бригадой, — говоритъ ген. Николаевъ, — а мы васъ поддержимъ.

Я скачу къ своей бригадѣ, командую: «Строй фронтъ! Трубачъ! По переднему уступу!» Мелодичные звуки сигнала оглашаютъ морозный воздухъ и поднимаютъ настроеніе. Бригада, выдвигаясь впередъ, успѣваетъ развернуть два правофланговыхъ полка, и переходитъ въ атаку на красныхъ, идущихъ въ линіи колонн; въ интервалахъ у красныхъ пулеметы на тачанкахъ. Крики «Ура!», и въ одну минуту моя бригада отъ пулеметнаго огня теряетъ 150 всадниковъ и лошадей; около меня падаетъ мой вѣстовой, сраженный пулей. Бригада атаковала съ фронта, а съ лѣваго фланга противникъ массою обрушился на мой лѣвофланговый полкъ, шедшій на уступѣ и еще не успѣвшій развернуться, и смялъ его. Два другіе полка, получивъ ударъ во флангъ и съ фронта, послѣ краткой рукопашной схватки, отброшены въ облическомъ направленіи вправо.

Стоявшія въ резервныхъ колоннахъ 9-я, 10-я и 13-я конныя бригады оставались зрителями и вмѣсто того, чтобы ударить противника съ обоихъ фланговъ, не получая никакихъ

распоряженій, видя красныхъ у себя непосредственно передъ глазами, обрушившихс явсей массой на 14-ю бригаду, оглушенную криками «Ура!» и пулеметной трескотнею, толпою бросаются направо назадъ, оставивъ краснымъ всю артиллерію, около 20-ти орудій, которая не только не сдѣлала ни одного выстрѣла, но даже не заняла позиціи. Стрѣляли только двѣ батареи 14-й Конной бригады, причемъ 10-я кон. батарея доблестнаго войскового старшины Бочевскаго, открывъ ураганный огонь по атакующимъ краснымъ, внесла въ ряды ихъ большое замѣшательство, заставивъ ихъ задержаться и тѣмъ дала возможность частямъ 14-й бригады, сейчасъ же за станицей Плоской, оторваться отъ противника, придти въ порядокъ и прикрыть отходъ конной группы.

29-й Конный полкъ 14-ой Конной бригады, съ двумя орудіями, подъ командой есаула Акимова, шедшій на присоединеніе къ 14-й бригадѣ изъ х. Ивановскаго, въ это время открываетъ артиллерійскій огонь въ тылъ атакующимъ краснымъ, что также охлаждаетъ порывъ большевиковъ къ преслѣдованію и даетъ возможность 14-й бригадѣ устроиться.

Очутившись въ арріергардѣ, 14-я бригада прикрываетъ отступающую въ безпорядкѣ 10-ю дивизію. Преслѣдованіе ведется упорно. Части бригады отходятъ перекатами, отбиваясь отъ насѣдающей красной конницы пулеметами и огнемъ батареи войскового старшины Бочевскаго.

На десятой верстѣ пришедшая въ порядокъ 10-я конная бригада полковника Лащенова поддерживаетъ 14-ю бригаду и общими усиліями, перейдя въ контръ-атаку, отбрасываютъ выдѣленныя для преслѣдованія красныя части.

Лѣвѣе насъ наступавшій на Б. Глину (о чемъ мнѣ не было даже извѣстно) 2-й Донской корпусъ атаковалъ 11-ю совѣтскую кавалерійскую дивизію, но неудачно, и, потерявъ всю артиллерію, отходитъ параллельно намъ на Егорлыкскую.

Такимъ образомъ, отъ артиллеріи всей конной группы генерала Николаева уцѣлѣла лишь артиллерія 14-й конной бригады: 10-я кон. батарея полк. Бочевскаго и два орудія 14-й кон. батареи полк. Степанова, единственныя батареи хладнокровно и съ честью выполнившія свой долгъ.

Итакъ, мы проиграли бой благодаря растерянности начальника, имѣя всѣ данныя для того, чтобы его выиграть: и выгодное положеніе, и перевѣсъ въ численности, и настроеніе казаковъ, ободренныхъ недавними успѣхами — разгромомъ

кавалерійской дивизіи Гая и 28-й стрѣлковой дивизіи Азина, съ плѣненіемъ начальника дивизіи.

Какъ будто насъ преслѣдовалъ какой-то злой рокъ — ошибки за ошибками, переходящими въ преступленія.

*

* *

Не могу не остановиться на личности генерала Николаева. Послѣ боя, подходя къ станціи Егорлыцкой и усиленно ломая голову надъ вопросомъ, гдѣ я раньше видѣлъ ген. Николаева, я вдругъ вспомнилъ: — Ба! Вѣдь въ апрѣлѣ 1918 года, въ началѣ возстанія въ Усть-Медвѣдицкомъ Округѣ, у меня при штабѣ повстанческой арміи былъ подъесаулъ Николаевъ; офицеръ очень симпатичный, но настолько вялый и неэнергичный, что я, при всемъ моемъ желаніи и расположеніи къ нему, не могъ дать ему даже сотни, несмотря на большой недостатокъ въ офицерахъ. Онъ все время находился у меня при штабѣ и, наконецъ, я его назначилъ завѣдующимъ оружейными мастерскими на хут. Большомъ. Затѣмъ, когда получились свѣдѣнія о возстаніи въ его Округѣ, кажется, въ 1-мъ Донскомъ, онъ просилъ откомандировать его въ свой Округъ. Съ тѣхъ поръ я потерялъ его из вида, и вотъ, черезъ два года, встрѣчаю его въ роли начальника большой конной группы. На Кубани, затѣмъ, онъ временно командовалъ 4-мъ Коннымъ корпусомъ, что, повидимому, его очень стѣсняло, такъ какъ при одной встрѣчѣ со мною онъ, разводя руками, простодушно заявилъ: «Какой я командиръ корпуса!»

Въ эмиграціи, проживая въ Софіи, онъ записался въ «Союзъ Возвращенія на Родину» и въ 1921 году уѣхалъ въ Совѣтскую Россію, гдѣ, по слухамъ, разстрѣлянъ большевиками.

III

ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ

20.

ЗА КУБАНЬ

Послѣ неудачнаго боя 12 февраля Конной Группы генерала Павлова у станицы Плоской (Н. Корсунскій), началась Голгофа бѣлой конницы.

На другой день послѣ боя, 13 февраля, простоявъ полдня въ колоннахъ у ст. Егорлыкской, вся конная группа, блуждая до вечера въ степи, въ холодъ и вьюгу, отошла на ночлегъ въ Кугаевскіе хутора, гдѣ на каждую бригаду было отведено по одному двору. Даже штабы бригадъ расположились въ скирдахъ соломы, засыпанныхъ снѣгомъ.

Люди не могли отогрѣваться у костровъ, такъ какъ огонь запрещено было разводить. Соприкосновеніе съ противникомъ было утеряно. На слѣдующій день была назначена дневка. Отдыхъ при такихъ условіяхъ, конечно, не только не освѣжилъ и успокоилъ части а еще больше измучилъ, ибо находясь все время на морозѣ, подъ открытымъ небомъ, казаки страдали отъ холода и утомленія, оспаривая другъ у друга мѣсто у скирдъ. 15-го февраля, рано утромъ, конная группа выступила съ мѣста ночлега и къ вечеру вошла въ соприкосновеніе съ противникомъ у хуторовъ Иловайскихъ, гдѣ въ сумеркахъ уже завязался бой спѣшенныхъ частей, длившійся далеко за полночь, переходящій мѣстами въ рукопашныя схватки. Хутора переходили изъ рукъ въ руки. Обстановка была довольно темна. Связь между нашими частями, ведущими бой на большомъ фронтѣ, часто прерывалась и терялась. Передъ разсвѣтомъ бой, длившійся съ перемѣннымъ успѣхомъ, постепенно затихъ. Рѣшительныхъ результатовъ не было достигнуто ни одной ни другой стороной.

Противникъ исчезъ. Слѣдующіе дни — маневрированіе въ резервныхъ колоннахъ, рѣдкія перестрѣлки. Ни приказовъ, ни сообщеній, ни задачъ въ части и штабы бригадъ отъ командованія Конной группы не получалось. Обстановка была очень неясна, такъ же, какъ и цѣль нашихъ маневровъ и передвиженій. Очевидно, штабъ Конной группы упустилъ изъ вида, или не могъ, или не считалъ нужнымъ посвящать въ обстановку старшихъ начальниковъ.

18 февраля въ раіонѣ селъ Грязнуха — Средне Егорлыцкой, на фронтѣ протяженіемъ около 15 верстъ, былъ рядъ нерѣшительныхъ конныхъ атакъ, сводившихся къ стремленію обоихъ противниковъ охватить фланги — отсюда получалась параллельная скачка. Едва ли въ исторіи конницы было когда-либо скопленіе такой массы конницы, ведущей конные бои въ такомъ грандіозномъ масштабѣ, на такомъ сравнительно небольшомъ пространствѣ. Къ сожалѣнію, ввиду ли общаго утомленія, физическаго и моральнаго, или общей растерянности и неорганизованности, бои не дали никакого результата. Отсутствіе же общаго руководства и, главнымъ образомъ, приказаній, директивъ, распоряженій, свѣдѣній объ обстановкѣ, задачахъ и цѣли, понижало настроеніе массъ, затемняло обстановку и вносило неувѣренность.

19-го февраля Конная группа перешла рѣку Кугасю. Отсюда начинается нашъ медленный, но безостановочный отходъ на Кубань, по большой, размытой тающимъ снѣгомъ, грязной и вязкой дорогѣ къ Екатеринодару, черезъ станицы Березанскую, Журавскую Кореновскую, Платнировскую и Динскую. Начавшаяся, около 20-го февраля, оттепель обратила черноземную почву въ грязное, засасывающее болото. 27-го февраля, послѣ боя у переправы черезъ рѣку Бейсугъ, Конная группа отошла въ станицу Березанскую, гдѣ мы узнали, что генералъ Павловъ отозванъ и въ командованіе конницей вступилъ генералъ Секретевъ.

28-го февраля красные перешли въ наступленіе; наша группа послѣ боя отошла за рѣку Бейсугъ, въ Журавскій хуторъ, и въ тотъ же день къ вечеру, тѣснимая противникомъ, въ станицу Кореновскую. Здѣсь было получено сообщеніе, что для руководства операціями въ станицу Кореновскую завтра, т. е. 29-го, на аэропланѣ прилетаетъ Командующій Донской Арміей генералъ Сидоринъ. Особеннаго энтузіазма это сообщеніе не внесло. ибо Сидоринъ, вообще, не поль-

зовался популярностью ни у командного состава, ни у казаковъ, и объ его военныхъ и боевыхъ качествахъ и, особенно, политическихъ тенденціяхъ, также какъ и методахъ веденія операцій, мнѣніе было далеко не въ его пользу.

Съ утра, 29-го, на окраинѣ станицы Кореновской были зажжены двѣ громадныхъ скирды, которыя должны служить указаніемъ мѣста для спуска аэроплана Сидорина.

Въ 11 час. ген. Сидоринъ прибылъ, встрѣченный ген. Секретевымъ. 1-го марта состоялся смотръ войскамъ у станицы Кореновской. Погода стояла скверная, еще наканунѣ, съ вечера, подморозило, пошелъ снѣгъ, поднялся рѣзкій вѣтеръ и началась метель. Сидоринъ объѣхалъ построенныя въ резервныхъ колоннахъ бригады, затѣмъ собралъ урядниковъ и сказалъ довольно безсодержательную и трафаретную рѣчь о необходимости побѣдить и драться. Казаки слушали и молчали, кутаясь въ драныя шинели и переминаясь съ ноги ногу въ дырявыхъ и мокрыхъ сапогахъ и опоркахъ.

Утромъ 2-го марта вся группа сосредоточилась на южной окраинѣ станицы. О противникѣ не было никакихъ свѣдѣній; но около полудня стрѣльба послышалась уже въ тылу у насъ. Начался поспѣшный отходъ къ Платнировской и бои за переправы, но такъ какъ мосты и гати были размыты и растоптаны, а о поправкѣ ихъ заблаговременно никто не позаботился, пришлось бросить много обозовъ и часть пулеметовъ, не успѣвшихъ вовремя переправиться.

Вообще, надо отмѣтить, что вступленіе генерала Сидорина въ командованіе конницей ознаменовалось особыми методами веденія отступательнаго боя. Нашъ путь движенія пересѣкался цѣлымъ рядомъ болотистыхъ въ это время года рѣчек ъ, раздувшихся за время оттепели, вязкихъ и, по большей части, непроходимыхъ вбродъ. Сообщеніе возможно было только по мостамъ и гатямъ, часто разломаннымъ и размытымъ. Съ прибытіемъ Сидорина мы усвоили особую тактику: — въ бой съ красными не вступали, а не доходя 2-3 верстъ до какой-либо пересѣкающей нашъ путь рѣчки, останавливались и стояли въ резервныхъ колоннахъ часами; когда же получались свѣдѣнія, что противникъ насъ обошелъ и, уже въ тылу за рѣчкой, открывалъ огонь во флангъ и тылъ намъ — вся группа спѣшно отходила къ переправамъ; но мосты ненадежны и узки, гати растоптаны, вязки и проваливались на каждомъ шагу, переправа производилась въ

безпорядкѣ, получалось скопленіе, бросались обозы. Послѣ каждой такой переправы наши полки теряли вѣру въ свои силы и, конечно, все болѣе и болѣе деморализовались. Это повторялось неоднократно. Укажу, какъ характерный примѣръ, бой за переправу или, вѣрнѣе, у переправы, у станицы Динской:

3-го марта Конная группа, оставивъ станицу Пластуновскую, остановилась не доходя 2-хъ верстъ до переправы, что къ западу отъ станицы Динской. Въ тылу находилась болотистая рѣчка Качати съ почти негодной для переправы гатью. Противникъ активности, какъ будто, не проявлялъ, во всякомъ случаѣ, его не было видно передъ фронтомъ. Обстановка была не ясна. Около 2-хъ часовъ стояла группа пассивно въ резервныхъ колоннахъ. Вдругъ были получены свѣдѣнія, что красные насъ обошли и выходятъ намъ въ тылъ. Начался спѣшный отходъ къ переправѣ. Моя, 14-я, бригада находилась въ арріергардѣ и прикрывала отходъ. Къ рѣчкѣ подошла послѣдней и начала переправляться. Переходить черезъ гать можно было только въ два коня, ибо она была узка и совершенно разбита прошедшими раньше частями. Лошади вязли и падали, проваливаясь въ ямы, заполненныя жидкой грязью. Пулеметы и орудія казаки съ неимовѣрными усиліями тащили на рукахъ и веревкахъ, подкладывая бревна и припрягая строевыхъ лошадей. Люди и лошади выбивались изъ силъ. Я находился на правомъ, сѣверномъ берегу рѣчки съ 29-мъ коннымъ полкомъ, слѣдовавшимъ въ хвостѣ бригады. Полкъ остановился шагахъ въ 500-хъ отъ гати, ожидая окончанія переправы артиллеріи и переднихъ частей. Въ это время на горизонтѣ, въ направленіи съ сѣверо-запада, показалось нѣсколько эскадроновъ красной конницы. Большевики развернулись и галопомъ, съ криками «Ура!», неслись на насъ. Минута была критической. Сотни 29-го полка сначала было смутились. . .

— Есаулъ Акимовъ, ведите полкъ въ контръ-атаку! — приказываю командиру полка.

Доблестный есаулъ, выхвативъ шашку, энергично командуетъ: «Шашки къ бою, за мной!» Рѣшительный видъ и порывъ командира увлекаютъ казаковъ. Съ гикомъ развернулись сотни и понеслись навстрѣчу противнику. Въ это же время переправившіяся раньше двѣ сотни Калмыцкаго пол-

ка, занимавшія позицію по лѣвому берегу р. Качати, открыли огонь изъ 2-хъ пулеметовъ по красной конницѣ.

Не ожидавшіе такого оборота, красные повернули обратно и, преслѣдуемые казаками 29-го полка, такъ же быстро скрылись, какъ и появились. Переправа закончилась благополучно, хотя въ тылу и на флангѣ еще слышалась частая стрѣльба и выдвинутые на лѣвый флангъ заслоны вели упорный бой.

На курганѣ рисовалась грустная, завернутая въ бурку, фигура генерала Сидорина. Съ конвоемъ изъ юнкеровъ пассивно и безпомощно порѣзжалъ ген. Сидоринъ съ кургана на курганъ, тоскливо слушая перестрѣлку. Присутствіе Командующаго Донской Арміей не только не вдохновляло части, но скорѣе пассивная группа Командующаго своимъ видомъ наводила на нихъ уныніе.

Оставивъ заслонъ, Конная группа продолжала движеніе къ Екатеринодару.

У станицы Динской я остановился съ бригадой, рѣшивъ дать частямъ передышку и покормить лошадей. На находившуюся невдалекѣ горѣвшую жел.-дорожную станцію, гдѣ брошенъ былъ интендантскій складъ, я послалъ офицера съ разъѣздомъ, разсчитывая получить изъ интендантства овса для лошадей бригады и вещи для людей. Но интендантскій складъ часъ тому назадъ спѣшно въ паникѣ эвакуировался, вещи не были выданы вовремя, а брошены, складъ горѣлъ, и даже овса нельзя было получить въ достаточномъ количествѣ.

Въ Динской я встрѣтилъ начальника Конной группы генерала Секретева, ѣхавшаго съ однимъ только вѣстовымъ.

— Что будемъ дѣлать дальше, Ваше превосходительство? Какія распоряженія?

Генералъ Секретевъ, потерявшій, по его собственному выраженію, сердце, безнадежно махнулъ рукой.

— Все равно, никакія приказанія не исполняются! — и поѣхалъ дальше, нахлобучивъ на глаза фуражку.

Вѣроятно, генералъ, бросивъ эту фразу, не учелъ обстоятельства, что приказанія и директивы могутъ исполниться только тогда, когда они отдаются въ приказахъ и распоряженіяхъ своевременно, а не предоставлены интуиціи подчиненныхъ.

Простоявъ до 16 часовъ у Динской и пропустивъ запоздавшія и отставшія части, я двинулся съ бригадой по направленію къ Екатеринодару и, не доходя 10 верстъ, остановился на ночлегъ на шоссе, у сторожевой будки, выславъ въ сторону противника, на 5 верстъ впередъ, наблюдательные разъѣзды. Ночь прошла спокойно, противникъ не безпокоилъ. Утромъ отъ разъѣздовъ получены донесенія, что они вошли въ соприкосновеніе съ красными и подъ давленіемъ сильныхъ разъѣздовъ противника медленно, ведя перестрѣлку, отходятъ.

4-го марта, около 10 часовъ утра, бригада подходила къ Екатеринодару. Проходя мимо аэродрома, я удивился спокойствію и безпечности летчиковъ: на аэродромѣ стояло много машинъ, какъ бы въ ожиданіи, чтобы ихъ захватили большевики. Я спросилъ у находившагося здѣсь офицера, что предполагается дѣлать съ аэропланами и извѣстна ли обстановка. Офицеръ-летчикъ отвѣтилъ, что обстановка неизвѣстна и никакихъ распоряженій не получено. Я попросилъ къ себѣ начальника отряда. Явившійся полковникъ очень удивился и заволновался, когда узналъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Екатеринодара находятся непріятельскіе разъѣзды. Никакихъ распоряженій и свѣдѣній онъ не получалъ. Впечатлѣніе такое, что объ аэропланахъ будто бы забыли, хотя самолеты намъ были очень и очень нужны. По просьбѣ начальника базы, я оставилъ на аэродромѣ одну сотню въ прикрытіе, дабы дать возможность спокойно приготовить машины къ отлету. На аэродромѣ засуетились, сожгли и привели въ негодность нѣкоторыя не готовыя къ отлету машины, чего, конечно, не случилось бы, если бы своевременно были приняты мѣры къ планомѣрной эвакуаціи такого цѣннаго для насъ военнаго матеріала. Учитывая такіе поразительныя факты небрежности или легкомыслія, невольно зарождается мысль о зломъ умыслѣ, послѣдующее еще болѣе убѣждаетъ въ этомъ. Весь этотъ хаосъ и неудачи нельзя приписывать только инертности, небрежности или глупости.

Будемъ надѣяться, что будущій историкъ прольетъ свѣтъ на всѣ эти обстоятельства.

Когда я съ бригадой вступилъ въ Екатеринодаръ, городъ былъ загроможденъ обозами, бѣженцами, ранеными и всякаго рода тыловыми учрежденіями. Распоряженіе о порядкѣ эвакуаціи не было сдѣлано своевременно. Въ городѣ царила

паника. Все металось, все стремилось къ единственной переправѣ по жел.-дорожному мосту. Второй мостъ еще (?) не былъ поправленъ!

На жел.-дорожномъ мосту образовалась пробка, строевыя части перемѣшаны съ обозами и подводами бѣженцевъ, тутъ же по мосту двигался поѣздъ. Раздававшіеся по временамъ за городомъ ружейные выстрѣлы еще больше усиливали панику. Никто переправой не руководилъ, каждый торопился скорѣе переправиться на лѣвый берегъ Кубани. Люди сбрасывали другъ друга въ рѣку. Видя такую обстановку, я, по своей иниціативѣ, послалъ одинъ полкъ бригады занять заставами сѣверныя окраины города, такъ какъ въ случаѣ появленія даже небольшихъ разъѣздовъ противника, можно было ожидать катастрофы. Скоро моему примѣру послѣдовалъ еще какой-то полкъ, который, простоявъ съ утра у переправы и учитывая обстановку, рѣшилъ, что лучше ожидать своей очереди за городомъ, занявъ позицію.

4-го вечеромъ я съ бригадой переправился на лѣвый берегъ Кубани, оставивъ одинъ полкъ въ выселкахъ у самаго берега, а съ остальными частями отошелъ на ночлегъ въ аулъ Бжегокай, въ нѣсколькихъ верстахъ къ западу отъ жел. дороги Екатеринодаръ — Георги Афипская.

4-й Конный корпусъ расположился на ночлегъ въ Новодимитріевской. Мостъ у Екатеринодара былъ взорванъ, но такъ неудачно, что на слѣдующій день, 5-го марта, большевики положили доски и переправили развѣдчиковъ. Расположенный въ выселкахъ, недалеко отъ моста, 29-й кон. полкъ прогналъ красныхъ и даже переправилъ своихъ развѣдчиковъ въ городъ, пробывшихъ тамъ нѣсколько часовъ и возвратившихся съ продуктами для полка и сахаромъ, взятымъ изъ брошенныхъ тамъ обозовъ.

Объ укрѣпленіи лѣваго берега Кубани, или объ охранѣ его и наблюденіи, никто не позаботился. Распоряженій никакихъ отъ командованія не поступало.

На 4-й Конный корпусъ,ставшій на ночлегъ въ Новодимитріевской, въ ночь съ 4-го на 5-е марта, «зеленые» сдѣлали нападеніе, но послѣ 2-хъ часового боя были отбиты. Потери были съ обѣихъ сторонъ.

6-го марта я получилъ приказаніе перейти съ бригадой въ аулъ Тахтамукай, гдѣ сосредоточивается 4 Конный корпусъ. Въ раіонѣ Тахтамукая 4-й корпусъ получилъ сообщеніе, что

Донская армія, по постановленію Верховнаго Круга, прервала всякія сношенія съ Добровольческой Арміей и начальникамъ бригадъ и дивизій предлагается дѣйствовать по своему усмотрѣнію самостоятельно.

Здѣсь же, въ пути, состоялось совѣщаніе старшихъ начальниковъ, на которомъ рѣшили не разъединяясь дѣйствовать вмѣстѣ и отойти въ Грузію, гдѣ предполагали отдохнуть и оправиться, дабы вновь продолжать борьбу.

Связь съ Донской Арміей и Главнымъ Командованіемъ была прервана. Во временное командованіе 4-мъ Коннымъ корпусомъ вступилъ Начальникъ 10-й Конной дивизіи, генералъ Николаевъ. Отсюда начинается новый періодъ нашего тернистаго пути къ Черноморскому Побережью.

*

* *

Внимательно оцѣнивая обстановку и сопоставляя ее съ со всѣми распоряженіями и дѣйствіями верховнаго командованія Донской Арміи, связанными съ нашимъ отходомъ за Кубань, нельзя не придти къ нѣкоторымъ печальнымъ выводамъ. Невольно возникаетъ вопросъ и закрадывается сомнѣніе: — было ли, вообще, у Донского Командованія какое-либо опредѣленное рѣшеніе или планъ дальнѣйшихъ дѣйствій за Кубанью?

Если рѣшили отойти за Кубань, да и другого рѣшенія при создавшейся обстановкѣ, пожалуй, и не могло быть, то почему заблаговременно нашъ тылъ не былъ эвакуированъ?

Почему раіонъ за Кубанью не былъ подготовленъ для обороны? Почему своевременно не были поправлены мосты и переправы? Почему систематически оставлялись краснымъ интендантскіе и муниціонные склады? Почему аэропланы были брошены у Екатеринодара? Почему мотали безъ цѣли и пользы всю конницу, вмѣсто того, чтобы оставить на фронтѣ лишь арріергарды?

Казалось бы, что если рѣшено было отойти за Кубань, не ввязываясь съ противникомъ въ бой, по той или иной причинѣ (а что это было такъ, доказываютъ факты, ибо не было сдѣлано ни одной серьезной попытки къ сопротивленію), то почему бы не послать заблаговременно въ тыловой раіонъ одну-двѣ бригады съ задачей очистить и эвакуировать тылъ,

привести въ порядокъ мосты и переправы и, что самое главное, укрѣпить лѣвый берегъ Кубани, подготовить оборонительныя позиціи или рубежи, приспособить ихъ для защиты и прикрытія, въ случаѣ нужды, а также очистить раіонъ отъ «зеленыхъ» бандъ. Все это было возможно, времени было достаточно, тѣмъ болѣе, что шедшіе за нами красные особой активности не проявляли, даже иниціатива была въ нашихъ рукахъ. Объ этомъ говорили, это было мнѣніе почти всѣхъ старшихъ начальниковъ, но Командующій Донской Арміей думалъ, повидимому, иначе.

Какую цѣль онъ преслѣдовалъ, выматывая окончательно нашу конницу и, какъ бы умышленно, ставя ее въ самыя пагубныя и рискованныя положенія? Зачѣмъ создавалъ безпорядокъ и панику, держа всѣ тыловыя учрежденія на фронтѣ до послѣдняго момента?

Въ послѣдніе дни нашего отхода Донская конница безъ боя была приведена въ состояніе почти полной небоеспособности.

При своевременной и раціональной подготовкѣ отхода за Кубань, картина получилась бы совершенно другая. Даже одна недѣля отдыха была бы достаточна, чтобы наша конница вновь пріобрѣла бы былую мощь и способность побѣждать. За Кубань отошли лучшіе люди. Все колеблющееся, малодушное, ненадежное и потерявшее вѣру въ побѣду отстало и ушло к себѣ домой.

Чѣмъ больше думаешь надъ этими вопросами, тѣмъ ярче вырисовывается и непонятнѣй становится процедура систематическаго разложенія арміи: громадные склады и запасы фуража и обмундированія были брошены противнику, при полной возможности ихъ эвакуировать, а люди были раздѣты и разуты; на Черноморскомъ Побережьѣ погибли тысячи лошадей и только потому, что не было подковъ, копыта на переходахъ по шоссе стирались, лошади падали и дохли ежедневно сотнями.

Кто виноватъ въ этомъ погромѣ?

Этотъ вопросъ даже не поднимался, хотя виновники всѣмъ извѣстны.

Неумѣнье, неопытность, некомпетентность не могутъ служить оправданіемъ, ибо командовалъ арміей не диллетантъ, не присяжный повѣренный, а офицеръ Генеральнаго Штаба.

Чѣмъ занималось Главное Командованіе Донской Арміи и

тѣ, въ чьихъ рукахъ была власть? Всѣмъ и, главнымъ образомъ, личной политикой, но только не судьбой арміи.

Исторія, конечно, ихъ осудитъ, но не покараетъ. Исторія судья строгій, но карать не можетъ.

21.

ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

6-е марта 1920 года. Донской Конный корпусъ и 14-я Отд. конная бригада сосредоточились въ раіонѣ аула Шенджи. Сообщеніе о разрывѣ Донской Арміи съ Добровольческой, по постановленію Верховнаго Круга, произвело на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. Политиканы губили армію.

Ввиду неясности обстановки и общей растерянности, сначала рѣшено было каждой бригадѣ дѣйствовать самостоятельно, отходить и пробиваться по своему усмотрѣнію, избравъ себѣ путь слѣдованія, и когда уже нѣкоторыя бригады тронулись въ разныхъ направленіяхъ, принято было новое рѣшеніе, — идти всей Конной группой вмѣстѣ, не раздѣляясь, и по мѣрѣ выясненія обстановки принять то или иное рѣшеніе и выбрать раіонъ, гдѣ можно дать частямъ возможность отдохнуть и привести себя въ порядокъ, для продолженія дальнѣйшей борьбы.

На другой день начался нашъ кошмарный походъ по Кубанской области, съ ежедневными стычками и перестрѣлками съ «зелеными». Дороги по размытому оттепелью чернозему были ужасны. Грязь вязкая, жирная, липкая засасывала. Двуколки и повозки вязли, лошади выбивались изъ силъ, падали и гибли въ грязи. Для вытаскиванія пушекъ приходилось наряжать цѣлыя сотни людей въ помощь артиллеристамъ. Хорошо еще, что въ началѣ нашего движенія можно было въ казачьихъ станицахъ доставать фуражъ и хлѣбъ. Сначала наша группа взяла направленіе на востокъ и, переправившись черезъ вздувшуюся рѣчку Пшишъ, заняла станицу Рязанскую, но послѣ длительной перестрѣлки съ противникомъ отошла на ночлегъ въ раіонъ аула Гатлукай.

На другой день рѣшено идти въ станицу Саратовскую, черезъ станицу Бакинскую. При подходѣ къ Бакинской завя-

залась перестрѣлка съ зелеными, занимавшими станицу. Бандиты были выбиты и, продолжая движеніе, къ вечеру Конная группа вошла въ станицу Саратовскую.

*
* *

По прибытіи въ ст. Саратовскую я съ прискорбіемъ узналъ о смерти моего бывшаго командира полка, генералъ-маіора И. Т. Житкова, убитаго здѣсь наканунѣ нашего прихода.

Дня за два до нашего вступленія въ станицу, сюда прибыла Запасная Донская бригада, которой командовалъ генералъ-маіоръ Житковъ, бывшій въ 1910-12 годахъ командиромъ моего родного 3-го Донского Казачьяго Ермака Тимофеева полка. Очевидно, бригада не приняла необходимыхъ мѣръ охраненія и предосторожности и вечеромъ на станицу было сдѣлано нападеніе зеленыхъ. Въ завязавшемся бою былъ убитъ командиръ бригады ген. Житковъ и его сынъ подъесаулъ Житковъ.

Это былъ первый и послѣдній бой, въ которомъ принималъ участіе покойный Иванъ Тимофеевичъ. Судьба, казалось, зло подшутила надъ нимъ.

Когда вопросъ касается родного полка, я не могу не остановиться на воспоминаніяхъ и не сказать нѣсколько словъ о бывшемъ командирѣ близкаго моему сердцу полка. Всю свою жизнь Иванъ Тимофеевичъ мечталъ о войнѣ, готовился къ ней и когда на склонѣ предѣльнаго возраста получилъ полкъ, сталъ его усиленно готовить къ войнѣ, дѣлалъ частые маневры, тревоги, гонялъ полкъ по лѣсистымъ и песчанымъ холмамъ окрестностей Вильны, настолько часто, что лошади обратились въ борзыхъ кобелей и когда, послѣ одной выводки лошадей, начальникъ дивизіи разнесъ въ приказѣ состояніе тѣлъ лошадей въ полку, то не только маневры въ горахъ были забыты, но даже и конныя ученія сократились и все вниманіе было обращено на тѣла лошадей. Весь свой служебный опытъ, пріобрѣтенный за долгую службу и особенно за время своей службы въ 4-мъ Донскомъ Казачьемъ полку, которымъ въ послѣднихъ годахъ прошлаго вѣка командовалъ извѣстный всему Дону своей эксцентричностью полковникъ Абрамовъ; Иванъ Тимофеевичъ, старавшійся во всемъ подражать Абрамову, изложилъ весь свой служебный опытъ въ

изданной имъ изящной книжкѣ, состоявшей изъ наставленій и взглядовъ на воспитаніе, обученіе и подготовку казаковъ. Въ этихъ наставленіяхъ и приказахъ часто проводилась довольно парадоксальныя или весьма оригинальныя мысли, и поэтому Иванъ Тимофеевичъ, боясь критики и шутокъ молодежи, не дѣлалъ эту книжку общимъ достояніемъ и только въ знакъ особаго расположенія и довѣрія иногда дарилъ ее нѣкоторымъ офицерамъ. Ему полкъ обязанъ основаніемъ и оборудованіемъ полкового музея, гдѣ было собрано много цѣнныхъ въ историческомъ смыслѣ предметовъ и документовъ, портреты почти всѣхъ бывшихъ командировъ полка за послѣднія сто лѣтъ, нѣсколько старинныхъ портретовъ Ермака, составлена исторія полка, пополнена библіотека; много и другихъ полезныхъ вещей сдѣлалъ покойный для полка. Въ Иванѣ Тимофеевичѣ сочеталась командирская строгость съ отеческой заботливостью и отзывчивостью. Въ 1917 году Иванъ Тимофеевичъ былъ произведенъ въ генералы съ увольненіемъ въ отставку по предѣльному возрасту. За нѣсколько мѣсяцевъ до отставки полковникъ Житковъ побывалъ въ Петербургѣ, гдѣ имѣлъ счастье представиться Государю и удостоился бесѣды съ Его Величествомъ. Въ разговорѣ Государь, когда Ему доложилъ Иванъ Тимофеевичъ, что уходитъ въ отставку по предѣльному возрасту, замѣтилъ: «Вы еще такой молодецъ», на что Иванъ Тимофеевичъ отвѣтилъ: «Да, еще чувствую силу и могъ бы послужить Вашему Императорскому Величеству». Государь улыбнулся, но ничего не сказалъ.

Въ Гражданскую войну генералъ Житковъ былъ призванъ изъ отставки на службу и получилъ запасную бригаду. По роду службы бригадѣ не приходилось участвовать въ бояхъ, и вдругъ здѣсь, въ тылу, въ Саратовской станицѣ, въ первомъ же бою съ разбойниками-зелеными, выѣхавшій на бѣломъ конѣ, въ генеральскомъ пальто съ красными отворотами, Иванъ Тимофеевичъ былъ убитъ одной из первыхъ пуль. Да будетъ земля ему легка. Вѣчная память отцу-командиру!

*
* *

Въ станицѣ Саратовской мы соединились съ частями Кубанской Арміи. Сюда же прибылъ со своими «волками» и ге-

нералъ Шкуро, совѣтовавшій намъ отойти въ богатый хлѣбомъ Майкопскій раіонъ, гдѣ, якобы, можно спокойно отдохнуть и оправиться для дальнѣйшей борьбы.

Въ Саратовской, на совѣщаніи старшихъ начальниковъ, рѣшено было идти къ Черноморскому Побережью, а дальше, въ зависимости отъ обстановки, хоть на край свѣта, но только не къ большевикамъ.

Путь нашъ лежалъ черезъ станицы: Саратовскую, Кутаискую, Линейную, Кабардинскую, Ходыженскую и далѣе, по большой дорогѣ черезъ армянское село Елисаветовское, черезъ перевалъ Индюкъ къ Туапсе. Мы двигались двумя или тремя колоннами черезъ поименованныя или сосѣднія станицы. Пересѣченная и гористая мѣстность, покрытая лѣсами, благопріятствовала партизанскимъ дѣйствіямъ зеленыхъ, ютившихся въ лѣсахъ и станицахъ. Почти ежедневно съ ними бывали стычки и перестрѣлки. Насъ часто безпокоили они по ночамъ внезапными обстрѣлами занимаемыхъ нами станицъ, нападали на оставшіе обозы и грабили ихъ. О красныхъ у насъ не было почти никакихъ свѣдѣній до выхода нашего на Черноморское Побережье. По прибытіи въ станицу Ходыженскую, при распредѣленіи мѣстъ для ночлега, 14-й бригадѣ была назначена станица Нефтяная, отстоявшая на 10 верстъ къ юго-востоку отъ нашего пути слѣдованія. Сдѣлавъ еще этотъ переходъ и подходя въ сумеркахъ къ Нефтяной, въ узкомъ горномъ дефилѣ бригада была встрѣчена сильнымъ пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ зеленыхъ. Завязался ночной бой, въ обходъ были посланы спѣшенныя сотни, мѣстность горная, незнакомая, ночь темная, перестрѣлка затянулась, появились убитые и раненые; такъ какъ наша цѣль была не овладѣніе станицей, а лишь ночлегъ, я, во избѣжаніе лишнихъ потерь, оттянулъ части версты на двѣ отъ станицы и въ удобной для привала долинѣ сдѣлалъ 4-хъ часовой отдыхъ, и къ утру прибылъ съ бригадой въ Ходыженскую, какъ разъ ко времени выступленія Конной группы на Елисаветовское.

У хутора Ходыженскаго путь нашъ былъ прегражденъ большими бандами зеленыхъ, и только послѣ часовой перестрѣлки, при чемъ даже пришлось примѣнять артиллерію, мы двинулись дальше. Изъ Елисаветовскаго, безъ дальнѣйшихъ инцидентовъ, поднимаясь по горной дорогѣ, мы пере-

валили горный проходъ Индюкъ и спустились у Туапсе на шоссе Черноморскаго Побережья.

Шоссе оказалось для насъ еще гибельнѣй проселочныхъ грязныхъ дорогъ Кубани. Лошади стирали о камни копыта и, за отсутствіемъ запасныхъ подковъ, падали и дохли сотнями. Все шоссе отъ Туапсе до хут. Веселаго было усѣяно конскими трупами. Съ фуражомъ и довольствіемъ людей дѣло обстояло хуже. У населенія ничего нельзя купить, жители влачили полуголодное существованіе. Зерна для лошадей не было. На подножномъ корму также нельзя было держать лошадей, ибо весна только началась и трава едва показалась изъ почвы. Хлѣба не было. Питались кукурузой, доставать которую приходилось съ большимъ трудомъ. За продовольствіемъ, на фуражировки посылались въ горы офицерскіе разъѣзды, гдѣ имъ зачастую приходилось вести форменные бои, чтобы получить нѣсколько пудовъ кукурузной муки. Вопросъ съ довольствіемъ былъ поставленъ настолько остро, что казаки были предоставлены самимъ себѣ и должны были сами заботиться о своемъ питаніи. Калмыки были въ лучшемъ положеніи, ибо конины было вдоволь.

Когда и гдѣ мы соединились съ Кубанской Арміей генерала Букретова, точно не помню. Осталось у меня въ памяти, что въ Ходыженской съ нами была Черкесская дивизія, а при выходѣ на Черноморское Побережье мы какъ бы растворились въ морѣ кубанцевъ.

Много событій ускользнуло изъ моей памяти — на Черноморскомъ Побережьѣ я заболѣлъ кавказской маляріей въ очень тяжелой формѣ, къ счастью непродолжительной, и нѣсколько переходовъ сдѣлалъ въ конныхъ носилкахъ. Оправился я вполнѣ лишь въ Хостѣ, гдѣ мы простояли нѣсколько дней въ ожиданіи кораблей для погрузки въ Крымъ.

Объ обстановкѣ, при которой совершалось наше движеніе по Черноморскому шоссе, можно судить по приложенной къ настоящимъ замѣткамъ копіи моего показанія по дѣлу о сдачѣ Кубанской Арміи.

Когда мы спустились съ горъ въ г. Туапсе, у насъ уже было значительное количество больныхъ и безлошадныхъ казаковъ. Тащить ихъ за собою походнымъ порядкомъ не представлялось возможнымъ, поэтому было рѣшено отправить ихъ въ Крымъ на пароходахъ.

Въ этомъ смыслѣ было получено распоряженіе отъ командира Донского Коннаго корпуса, Въ Туапсе, на одинъ изъ отходящихъ въ Крымъ пароходовъ, я погрузилъ около 250 больныхъ и безлошадныхъ казаковъ 14-й бригады, туда же были погружены казаки и другихъ донскихъ частей. Погрузка была закончена и пароходъ готовился къ отплытію. Я и генералъ Рубашкинъ находились на пристани. Совершенно неожиданно появился генералъ Писаревъ и, обращаясь къ коменданту парохода, приказалъ выгрузить донцовъ. Я вмѣшался и заявилъ ему, что получилъ распоряженіе отъ командира 4-го Донского корпуса погрузить этихъ казаковъ и выгружать ихъ не намѣренъ. Ген. Писаревъ загорячился, отвѣтилъ мнѣ рѣзко и повышеннымъ тономъ, что получено распоряженіе донцовъ въ Крымъ не грузить, а только кубанцевъ и что онъ заставитъ исполнить его требованіе и подкрѣпитъ его, если нужно, шестью пулеметами. Я спокойно ему отвѣтилъ, что прежде всего прошу его, если онъ желаетъ со мной разговаривать, не повышать голоса, ибо я не глухъ и могу кричать еще громче его, что же касается пулеметовъ, то противъ его шести я выставлю двѣнадцать, но донцовъ выгружать не буду. Мой отвѣтъ былъ холоднымъ душемъ и успокоилъ не въ мѣру и не къ мѣсту ненужную строптивость. На этомъ инцидентъ закончился и пароходъ отошелъ въ Крымъ.

Въ раіонѣ Туапсе Конная группа отдыхала нѣсколько дней. Мѣсто стоянки 14-й бригадѣ назначено въ имѣніи, кажется, князя Голицина, находящемся въ 4-5 верстахъ по шоссе къ югу отъ Туапсе.

Посланные въ имѣніе квартирьеры были встрѣчены какими-то господами въ буркахъ, заявившими квартирьерамъ, что имѣніе занято членами Верховнаго Круга и не можетъ быть уступлено войсковымъ частямъ.

Въ связи съ послѣднимъ постановленіемъ Верховнаго Круга о разрывѣ съ Добровольческой арміей, настроеніе въ частяхъ, вообще, противъ всѣхъ «круговъ» было враждебнымъ. Доложившему мнѣ старшему квартирьеру о нежеланіи депутатовъ оставить имѣніе, я приказалъ объявить «г. г. членамъ Верховнаго Круга», чтобы къ приходу бригады помѣщеніе было очищено, въ противномъ случаѣ г. г. члены будутъ оттуда выгнаны плетьми. При подходѣ штаба бригады къ господскому дома имѣнія, изъ воротъ вынырнули на ко-

няхъ человѣкъ двадцать, завернутыхъ въ бурки, съ нахлобученными на глаза папахами г. г. «вершителей нашихъ судебъ».

При дальнѣйшемъ движенiи по шоссе, на одномъ изъ переходовъ, я встрѣтилъ одноглазаго «трибуна», полковника Гнилорыбова во главѣ «Коннаго отряда Верховнаго Круга», численностью въ... 7 человѣкъ. Все стремилось въ Грузiю. Съ Крымскимъ командованiемъ велись переговоры о погрузкѣ и эвакуацiи въ Крымъ. Генералъ Стариковъ нѣсколько разъ ѣздилъ в Крымъ и обратно, но результаты этихъ переговоровъ были неутѣшительны. Крымское Командованiе почему-то упорно отклоняло желанiе донцовъ грузиться въ Крымъ. Кубанцы, повидимому, особеннаго желанiя къ переброскѣ въ Крымъ не проявляли, хотя несомнѣнно, если бы былъ присланъ своевременно достаточный тоннажъ, то по инерцiи за донцами поплыли бы и кубанцы. Но тоннажа не было. Назрѣвало большое преступленiе: истощенную, но лучшую часть бѣлой конницы, по неизвѣстнымъ намъ соображенiямъ, рѣшено было бросить на произволъ судьбы на Кавказѣ. Вступившiй въ командованiе 4-мъ Коннымъ корпусомъ энергичный генералъ Калининъ усиленно хлопоталъ и принималъ всѣ мѣры для спасенiя донской конницы, но Крымское Командованiе, подъ различными предлогами, уклонялось отъ присылки кораблей. Тогда рѣшено было идти въ Грузiю и объ этомъ уже велись переговоры съ грузинскимъ правительствомъ. Въ срединѣ апрѣля генералъ Калининъ уполномочилъ меня отправиться въ Грузiю и добиться у грузинскаго правительства разрѣшенiя нашимъ частямъ перейти границу. Но уже въ пути, на грузинской почти границѣ, я получилъ новое порученiе: войти, какъ представитель Донского корпуса, въ составъ делегацiи, уполномоченной Кубанскимъ Атаманомъ, генераломъ Букретовымъ, для веденiя переговоровъ съ большевиками о заключенiи перемирiя. Переговоры эти довольно подробно изложены мною ниже, въ моемъ показанiи по дѣлу о сдачѣ Кубанской армiи. Генералъ Калининъ, вмѣстѣ съ генераломъ Султаномъ Киличъ-Гиреемъ, начальникомъ Черкесской дивизiи, отправились въ Грузiю для переговоровъ, но не добившись успѣха, на другой день оба вернулись обратно.

Конечно, въ Грузiю мы могли бы войти и безъ разрѣшенiя грузинскаго правительства, ибо грузинская армiя того вре-

мени, стоявшая на границѣ, была совершенно небоеспособна, даже въ сравненіи съ нашими голодными и истощенными частями. Появленіе одного нашего полка, производившаго пробную пристрѣлку пулеметовъ, такъ подѣйствовало на грузинскія пограничныя части, что онѣ, бросивъ свои посты, поспѣшно, въ паникѣ, отошли на 60 верстъ вглубь страны, и только съ большимъ трудомъ удалось ихъ успокоить и вновь водворить на границу. Но дѣло было не въ Грузинской арміи, а въ томъ, что англійское морское командованіе заявило намъ, что въ случаѣ, если мы, безъ согласія грузинскаго правительства, вступимъ въ предѣлы Грузіи, англичане отказываютъ намъ въ помощи довольствіемъ — ни одного фунта хлѣба, ни одного гарнца овса. Разсчитывать же на возможность полученія продовольствія въ Грузіи мы не могли, ибо нищее населеніе съ трудомъ перебивалось, питаясь рыбою да кукурузой, и достать на мѣстѣ что-либо для 60-тысячной арміи не было никакой надежды.

19-го апрѣля части стали подходить къ хутору Веселому, гдѣ 20 апрѣля часть донцовъ была погружена, безъ лошадей и сѣделъ, на англійскіе военныя суда для отправки въ Крымъ. Лошади и сѣдла брошены на берегу. Такимъ образомъ, изъ 60 тысячъ лучшей конницы, въ Крымъ прибыло лишь нѣсколько тысячъ безлошадныхъ. А можно было и времени было достаточно (цѣлый мѣсяцъ шли переговоры съ Крымомъ) для эвакуаціи всей конницы, ибо противникъ насъ не преслѣдовалъ и только въ послѣдніе дни проявилъ нѣкоторую активность. Главнымъ нашимъ врагомъ былъ голодъ.

Кубанская Конная армія и Донской корпусъ, вовремя переброшенные въ Крымъ, безъ сомнѣнія измѣнили бы обстановку въ Крыму въ нашу пользу. Искать виновниковъ нашего разгрома — дѣло исторіи. Нашъ долгъ лишь правдиво записать, что мы видѣли и какъ видѣли.

22.

СДАЧА КУБАНСКОЙ АРМІИ

Докладъ генерала Голубинцева Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга Россіи генералу Врангелю.

16-го апрѣля 1920 года, находясь съ ввѣренной мнѣ 14-й Донской Отдѣльной Конной бригадой въ м. Хоста, я получилъ

приказаніе отъ комкора IV Донск. Коннаго корпуса генерала Калинина прибыть немедленно въ Адлеръ. Здѣсь генералъ Калининъ сказалъ мнѣ, что возлагаетъ на меня очень серьезное порученіе, такъ какъ полагаетъ, что я такъ же какъ и онъ одинаково оцѣниваемъ создавшуюся обстановку и такъ же смотримъ на вещи. Обстановка создалась слѣдующая: 1. полное паденіе боеспособности кубанскихъ частей. 2. Отсутствіе продуктовъ и фуража. 3. Уменьшеніе занимаемой территоріи съ каждымъ днемъ. 4. Враждебное отношеніе голодныхъ жителей. 5. Категорическій отказъ грузинъ пропустить наши части черезъ свою территорію. 6. Отсутствіе тоннажа для погрузки въ Крымъ. Такимъ образомъ, армія находится въ критическомъ положеніи: — направо горы съ «зелеными», съ которыми ведутся постоянно столкновенія и перестрѣлки при фуражировкахъ; налѣво море; съ фронта наступающіе большевики, а сзади грузины. Все это дѣйствуетъ на части разлагающимъ образомъ и боеспособность рѣзко падаетъ съ каждымъ днемъ.

Ввиду этого необходимо, тѣмъ или инымъ способомъ, во что бы то ни стало, задержать наступленіе большевиковъ на нѣсколько дней и выиграть время, хотя бы 3-5 дней, можетъ быть, къ этому времени подойдутъ транспорты для отправки частей въ Крымъ, или удастся придти къ соглашенію съ грузинами.

Съ цѣлью задержать наступленіе большевиковъ, Кубанскій Атаманъ генералъ Букретовъ рѣшилъ начать переговоры съ красными о перемиріи, имъ же назначена комиссія въ составѣ: генерала Морозова, полковника Дрелинга и предсѣдателя кубанскаго правительства Иваниса. Отъ Донского корпуса генералъ Калининъ для этой же цѣли — задержать наступленіе большевиковъ — назначаетъ меня и предлагаетъ за полученіемъ инструкцій о переговорахъ и полномочій явиться Кубанскому Атаману, гдѣ уже приготовленъ автомобиль и меня ждутъ.

Въ 15 час. 30 мин. я прибылъ къ квартирѣ атамана, въ Адлеръ. Атамана не видѣлъ, но у автомобиля меня поджидали полковникъ Дрелингъ и Иванисъ. Полк. Дрелингъ передалъ мнѣ удостовѣреніе отъ атамана (копію прилагаю) и сказалъ, что необходимо скорѣе ѣхать къ генералу Морозову на позиціи у рѣки Мацесты и тамъ обстановка покажетъ дальнѣйшее.

Около 18 час. 30 мин. мы прибыли къ генералу Морозову, находившемуся на дачѣ, верстахъ въ 4-хъ къ югу отъ Сочи, здѣсь же передъ дачей занимали позицію цѣпи кубанцевъ.

Генералъ Морозовъ сообщилъ намъ, что при перемѣнѣ позиціи телефонъ со старой позиціи не былъ испорченъ и онъ, Морозовъ, подойдя на звонокъ къ телефону, случайно разговорился съ совѣтскимъ начдивомъ Егоровымъ, который далъ ему понять, что онъ не прочь войти въ переговоры о временномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій, такъ какъ, якобы, переговоры объ этомъ уже ведутся въ Крыму между центральной совѣтской властью и нашимъ командованіемъ.

Предсѣдатель кубанскаго правительства Иванисъ вызвалъ къ телефону Егорова и передалъ ему, что наше командованіе и онъ согласны войти въ переговоры о перемиріи, что уполномоченная комиссія прибыла и ждетъ прибытія Егорова. Егоровъ предложилъ нашей комиссіи пріѣхать въ Сочи, но я категорически отказался ѣхать въ Сочи въ расположеніе красныхъ и заявилъ, что буду разговаривать съ большевиками только на нейтральной полосѣ. Егоровъ выразилъ изумленіе по поводу нашего недовѣрія къ нимъ, но согласился назначить встрѣчу. Мѣсто встрѣчи было назначено на желѣзнодорожномъ мосту, находившемся между нашими и красными цѣпями.

Въ 21 часъ мы прибыли къ мосту, черезъ 3-4 минуты прибыли и представители отъ большевиковъ: комендантъ штаба, два комиссара и командиръ полка. Самъ начдивъ не пріѣхалъ.

Послѣ бесѣды выяснилось, что прибывшія лица уполномочены только начдивомъ и не могутъ безъ разрѣшенія высшаго командованія заключать перемирія, но что по телефону переговорятъ съ командармомъ и что прибудетъ особая съ полномочіями делегація, или они сами будутъ уполномочены и тогда по телефону сообщатъ намъ о времени новой встрѣчи. Во всякомъ случаѣ, пока военныя дѣйствія, по крайней мѣрѣ на 24 часа, хотя и не оффиціально, будутъ прекращены.

Такимъ образомъ, я полагалъ, что часть возложенной на насъ задачи выполнена: — мы выиграли 1-2 сутокъ, перемиріе не было заключено, но военныхъ дѣйствій, повидимому, большевики начинать не будутъ до новой встрѣчи.

Изъ встрѣчи съ большевиками я вынесъ впечатлѣніе, что они съ бо́льшей охотой будутъ вести переговоры, чѣмъ вой-

ну, и ѣхалъ назадъ съ увѣренностью, что намъ удастся на нѣсколько дней затянуть переговоры о перемиріи и, такимъ образомъ, выполнить въ полной мѣрѣ возложенное на насъ порученіе. Въ тотъ же вечеръ мы выѣхали въ Адлеръ.

День 17-го апрѣля прошелъ спокойно, хотя ген. Морозовъ оттянулъ свои части верстъ на пять назадъ, за рѣку Мацесту. Въ тотъ же день нами были выработаны мотивированныя предварительныя условія для веденія переговоровъ о перемиріи. Точнаго содержанія ихъ не помню, но приблизительно слѣдующія. 1. Немедленное прекращеніе военныхъ дѣйствій до заключенія перемирія. 2. Установленіе нейтральной зоны. 3. Пропускъ на Кубань и Донъ бѣженцевъ и больныхъ.

Наше желаніе заключить перемиріе мы мотивировали тѣмъ, что насталъ моментъ, когда намъ приходится рѣшать вопросъ — переходить ли границу Грузіи, и тогда, естественно, придется совмѣстно съ грузинами обратить наше оружіе противъ русскихъ, чего намъ не хотѣлось бы дѣлать, а въ случаѣ, если наступленіе красныхъ будетъ продолжаться, мы принуждены будемъ разгрузить себя, отправивъ въ Грузію наши тыловыя учрежденія, бѣженцевъ и больныхъ, что уже насъ, конечно, свяжетъ съ грузинами.

Эти условія были переданы краснымъ 18-го апрѣля. Въ тотъ же день, въ 14 часовъ, въ Адлерѣ, Кубанскій Атаманъ собралъ у себя уполномоченную комиссію и сообщилъ отвѣтъ красныхъ, переданный въ формѣ ультиматума, сообщенный генераломъ Морозовымъ по телефону и прилагаемый здѣсь.

На состоявшемся по этому поводу совѣщаніи комиссіи, въ присутствіи атамана Букретова, было рѣшено тянуть переговоры насколько возможно дольше, для чего ѣхать немедленно къ генералу Морозову и оттуда вновь вызвать красныхъ на переговоры и вмѣстѣ съ тѣмъ готовиться къ упорной оборонѣ. Генералу Морозову сообщено по телефону, что комиссія сейчасъ выѣзжаетъ къ нему для новой встрѣчи съ уполномоченными отъ красныхъ, такъ какъ въ ультиматумѣ много неяснаго, требующаго разъясненія и необходима новая встрѣча.

Въ 18 часовъ состоялась новая встрѣча съ уполномоченными отъ краснаго командованія, также въ нейтральной зонѣ, въ одной изъ пустыхъ дачъ. Фамилій вновь прибывшихъ,

кромѣ возглавляющаго товарища Сутина, я не помню, полномочій ихъ мы не разсматривали, ибо не предавали серьезнаго значенія условіямъ, ставя себѣ единственной цѣлью выигрышъ времени, ибо мы разговарили на разныхъ языкахъ: мы о перемиріи, они о сдачѣ. На состоявшемся засѣданіи делегацій были внесены нами такія поправки къ ультиматуму, которыхъ красные уполномоченные сами рѣшить не могли, но которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могли имѣть существеннаго значенія, чтобы изъ-за нихъ прервать переговоры и начать вновь войну. Напримѣръ: параграфъ 4 о лошадяхъ и параграфъ 5 о холодномъ оружіи.

Такимъ образомъ, совѣщаніе не пришло къ опредѣленному рѣшенію и большевики поѣхали за разъясненіями, а мы въ Адлеръ. Дальнѣйшая программа нашихъ дѣйствій должна быть такова (это также было извѣстно генералу Морозову): — по полученіи отвѣта, какого бы онъ ни былъ содержанія, мы потребуемъ еще 2-3 дня для разъясненія казакамъ; затѣмъ отвѣтимъ, что намъ казаковъ убѣдить не удалось и будемъ просить красныхъ прислать намъ для разъясненія своихъ 2-хъ членовъ, которыхъ мы также разсчитывали возить около 3-хъ дней по нѣкоторымъ частямъ, гдѣ къ этому времени будутъ заготовлены оппоненты, а затѣмъ, если еще понадобится время, назначить комиссію для выработки техническихъ условій сдачи (для чего предполагали назначить новую комиссію, такъ какъ я и Иванисъ категорически отказались разговаривать о сдаче), на что также надо будетъ не менѣе двухъ дней; къ этому времени предполагалось уже погрузить почти всѣ части, а оставшійся небольшой заслонъ могъ бы уйти въ горы или въ Грузію черезъ Красную Поляну, имѣя бо́льшую вѣроятность разсчитывать добыть для себя продовольствіе.

Программа эта была вполнѣ возможна, такъ какъ части въ политическомъ отношеніи были вполнѣ благонадежны и среди нашихъ казаковъ сочувствующихъ большевикамъ не было. Въ боевомъ отношеніи части были, за нѣкоторымъ исключеніемъ, плохи и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія фуража и продуктовъ. Лошади падали сотнями, люди по нѣсколько дней питались однимъ мясомъ и то въ очень ограниченномъ количествѣ; бывали и такіе дни, когда ничего не ѣли. Продуктовъ изъ интендантства почти не получали, у населенія также ничего не было и жители сами влачили по-

луголодное существованіе. Ко всему этому слѣдуетъ добавить антагонизмъ между кубанцами и донцами, возникшій на почвѣ распредѣленія продуктовъ изъ интендантства. Въ то время, какъ кубанцы, если и не обильно, то, во свякомъ случаѣ, получали достаточное количество хлѣба, консервовъ, масла, донцы буквально голодали. Какъ примѣръ укажу, что кубанцы на базарѣ въ Сочи даже торговали продуктами, шеколадомъ, а въ Лазаревскомъ полковникъ К. обратился въ интендантство отпустить для него 2 фунта хлѣба, и въ этомъ ему было отказано; продукты были, но отпускались только кубанскимъ частямъ.

Въ ночь съ 18 на 19 апрѣля я былъ вызванъ генераломъ Букретовымъ къ себѣ, гдѣ нашелъ полковника Дрелинга и предсѣдателя кубанскаго правительства Иваниса. Отъ большевиковъ былъ полученъ отвѣтъ, отклоняющій наши поправки и требующій отвѣта на ультиматумъ къ 12 часамъ дня 19-го апрѣля.

Въ отвѣтъ краснымъ, черезъ генерала Морозова, была передана телефонограмма, приблизительно такого содержанія: для принятія ультиматума необходимо разъяснить его казакамъ, для чего требуется не менѣе 2-3 дней.

Затѣмъ генералъ Букретовъ приказалъ 10-й Донской Конной бригадѣ занять позицію для обороны на рѣкѣ Хостѣ.

Утромъ 19-го, часовъ около 12-ти, я зашелъ къ атаману Букретову узнать, что дѣлается на позиціяхъ. Атаманъ сообщилъ мнѣ, что генералъ Морозовъ ведетъ съ красными переговоры о техническихъ условіяхъ сдачи, и что командующій 10-й Донской бригадой, полковникъ Чапчиковъ, не нашелъ возможнымъ занять позицію у Хосты и 10-я бригада вернулась назадъ на квартиры. Я спросилъ, кто же уполномочилъ генерала Морозова вести переговоры о техническихъ условіяхъ сдачи? Генералъ пожалъ плечами и добавилъ, что находящіеся здѣсь члены Кубанской Рады сейчасъ рѣшаютъ вопросъ: остаться ли Кубанскому Атаману здѣсь, или уѣхать. Я сказалъ генералу, что господинъ Букретовъ могъ бы остаться здѣсь, если пожелаетъ, но Кубанскій Атаманъ не имѣетъ права выдать себя на поруганіе красной сволочи. Атаманъ отвѣтилъ, что онъ такъ же думаетъ.

Не знаю, что рѣшила Кубанская Рада, но черезъ часъ атаманъ уѣхалъ на пароходѣ, а еще черезъ часъ въ квартиру атамана явился кубанскій офицеръ съ карауломъ, не знаю,

по чьему приказанію, вѣроятно, по распоряженію членовъ Рады, съ цѣлью арестовать атамана и не дать ему возможности уѣхать.

Въ это время въ Адлеръ прибыла снявшаяся съ позицій Кубанская бригада, открывъ, такимъ образомъ, фронтъ.

Въ 16 часовъ въ тотъ же день я уѣхалъ изъ Адлера къ себѣ въ бригаду. Адлеръ былъ переполненъ бросившими фронтъ кубанцами. 20-го, при погрузкѣ въ хут. Веселомъ, я узналъ, что 19-го апрѣля Морозовъ отдалъ приказъ всѣмъ частямъ оставаться въ защищаемыхъ пунктахъ и приготовиться къ сдачѣ. Приказъ былъ подписанъ «Командующимъ Войсками Черноморскато Побережья» генераломъ Морозовымъ.

Кѣмъ былъ назначенъ ген. Морозовъ командующимъ войсками Черноморскаго Побережья — атаманомъ или красными — не знаю.

Переговоры съ красными велись открыто, результаты и ультиматумъ красныхъ, по приказанію Кубанскаго Атамана, полковникъ Дрелингъ сообщалъ въ части. Казаки интересовались переговорами постольку, поскольку они касались прекращенія военныхъ дѣйствій. Къ сдачѣ относились отрицательно, но воевать не хотѣли. Большая часть казаковъ, особенно донцы, желали ѣхать въ Крымъ, но многіе, не имѣя силъ разстаться съ лошадьми, уходили небольшими группами въ горы.

Я не слыхалъ о приказѣ Букретова, запрещавшемъ выѣздъ въ Крымъ. Въ Туапсе предположено было погрузить насколько хватитъ тоннажа, донцовъ для отправки въ Крымъ. Въ первую очередь были погружены безлошадные и тѣ, у кого лошади казались не годными для продолженія дальнѣйшей службы; часть ихъ была отправлена, но большую часть опять выгрузили. Комкоръ, генералъ Стариковъ, сказалъ мнѣ, что генералъ Писаревъ передалъ ему, что получена телеграмма за подписью генерала Коновалова о категорическомъ запрещеніи погрузки донцовъ въ Крымъ.

О безнадежномъ положеніи въ Крыму я не слыхалъ, чтобы кому-нибудь объ этомъ говорилъ Атаманъ Букретовъ. Мнѣ онъ сказалъ, что лично онъ предпочитаетъ ѣхать въ Батумъ, такъ какъ тамъ якобы положеніе твердое, туда же онъ предполагаетъ эвакуировать около 1000-2000 наиболѣе надежныхъ людей, больше не позволяютъ средства, чтобы

тамъ, создавъ ячейку, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, вновь начать дѣйствія противъ красныхъ. Объ этомъ мнѣ говорилъ и Иванисъ.

Сдача была рѣшена, повидимому, единолично генераломъ Морозовымъ; какъ она происходила, не знаю, но мнѣ, здѣсь уже, въ Евпаторіи, разсказывалъ офицеръ 28-го Донск. конного полка, что, по приказанію генерала Морозова, отъ частей въ городъ Сочи были высланы делегаты для ознакомленія, а затѣмъ были назначены пункты, гдѣ складывать оружіе, и послѣ сдачи оружія части въ конномъ строю, подъ командой оставшихся начальниковъ, отправлялись въ Сочи. Этотъ же офицеръ, бѣжавшій въ послѣдній моментъ, былъ въ штабѣ Морозова, гдѣ всѣ были безъ погонъ и называли другъ друга «товарищами».

Насколько помню, донскихъ казаковъ было въ строю около 12.000, а всего на довольствіи около 18.000. Донскія части, входившія въ составъ 4-го Донского Коннаго корпуса, были страшно истрепаны переходами по шоссе, голодовкой, плохой ковкой, особенно страдали отъ недостатка подковъ. Лошади, стирая копыта, подали ежедневно многими десятками, если не сотнями, шоссе было усѣяно конскими трупами чуть ли не черезъ каждые 10-20 шаговъ, на дорогахъ лежали издыхающія или дохлыя лошади. Большинство частей не имѣли достаточнаго количества винтовокъ. Полное почти отсутствіе обозовъ. Дисциплина расшаталась. Нѣкоторыя части занимались грабежомъ, пьянствомъ и насиліемъ надъ бѣженцами, даже по приказаніямъ командировъ частей. Напримѣръ, Калединовскій полкъ (полк. Чапчиковъ) отнялъ у Хоперскаго Окружного Атамана лошадей (у полк. Васильева), избилъ кой-кого изъ офицеровъ, держалъ подъ арестомъ Окружного ветеринарнаго врача. Отнимались лошади у проѣзжавшихъ одиночныхъ людей. Каждый день съ пастбищъ крались лошади. Люди самовольно переходили изъ одной части въ другую. Командиръ Калединовскаго полка даже переманивалъ людей къ себѣ изъ другихъ полковъ. Высшее командованіе, повидимому, не въ состояніи было справиться съ такими командирами.

Но въ боевомъ отношеніи нѣкоторыя части, при извѣстной настойчивости, меньше совѣтуясь, а категорически приказывая, можно было использовать. Уйти въ Грузію можно было только сбивъ грузинъ стоящихъ на границѣ, ибо грузинскія

власти категорически отказались дать разрѣшеніе на пропускъ нашихъ частей, даже безъ оружія. Сбить же грузинъ было легко, ибо части, по крайней мѣрѣ стоявшія на границѣ, не отличались ни воинственностью, ни упорствомъ: такъ, напримѣръ, когда 19 апрѣля наши части производили пробную стрѣльбу изъ пулеметовъ, грузины, стоявшіе на границѣ, разбѣжались и стоило потомъ большихъ усилій ихъ собрать и возвратить на посты.

г. Евпаторія, 1920 г. Генералъ-маіоръ Голубинцевъ

*
* *

Войсковой Атаманъ Кубанскаго
Казачьяго Войска
№ 497/к 16 апрѣля 1920 года
Адлеръ

Удостовѣреніе

Дано отъ Командующаго Войсками Кавказскаго Побережья Командиру 14-й Донской Казачьей бригады Генералъ-маіору Голубинцеву въ томъ, что дѣйствительно состоитъ членомъ комиссіи, уполномоченной мною вести переговоры о перемиріи съ Войсками Совѣтской Россіи, дѣйствующими на фронтѣ Кавказскаго побережья, что подписью и приложеніемъ казенной печати удостовѣряется.

Командующій Войсками Кавказскаго Побережья и Войсковой Атаманъ Кубанскаго Казачьяго Войска
Генералъ-маіоръ Букретовъ

Членъ Кубанскаго Краевого Правительства по военнымъ дѣламъ
Генералъ-лейтенантъ Болховитиновъ

*
* *

Текстъ письменнаго предложенія большевикамъ для веденія переговоровъ о перемиріи
17/IV ст. ст. 1920 г. Адлеръ.

1. Прекращеніе враждебныхъ дѣйствій и заключеніе перемирія впредь до подписанія мирнаго договора.

2. Въ основаніе при выработкѣ условій перемирія, а впослѣдствіи мирнаго договора, должны быть положены слѣдующія идеи:

а) Обѣ стороны должны смотрѣть другъ на друга, какъ на части одного великаго народа и не стремиться къ униженію или уничтоженію противника, какъ то бываетъ при внѣшнихъ войнахъ. Сторонамъ надлежитъ думать лишь о свѣтломъ общемъ будущемъ.

б) Заключенныя соглашенія должны вести къ долгому прочному миру, т. е. не имѣть въ своемъ содержаніи никакихъ пунктовъ, которые бы являлись обидными или унизительными для какой-нибудь стороны, оставляли бы чувство недоброжелательства или даже мести, не могли бы служить поводомъ къ новымъ возстаніямъ и борьбѣ.

в) Для достиженія цѣлей, указанныхъ въ первыхъ двухъ пунктахъ, необходимо принять во вниманіе особый укладъ казачьей жизни и казачьяго быта.

3. Почти трехлѣтняя гражданская война создала отмосферу взаимнаго недовѣрія, подозрительности, непримиримости. Поэтому при веденіи переговоровъ необходимо проявлять и подчеркивать особое довѣрчивое отношеніе сторонъ другъ къ другу.

4. Условія перемирія:

а) Демаркаціонная линія сторонъ, нейтральная полоса: рѣка Сочи — правый берегъ; рѣка Бзуга — лѣвый берегъ. Между ними нейтральная полоса.

б) Срокъ перемирія — до подписанія мирнаго договора.

в) Передвиженіе желающихъ жителей въ мѣстности, занятой противной стороной, съ разрѣшенія надлежащихъ начальниковъ не ниже начальниковъ дивизій. Нынѣ же выходъ на полевыя работы. Гарантированіе имъ полной неприкосновенности личной и имущественной, какъ во время движенія, такъ и на мѣстахъ, и снабженіе ихъ надлежащими документами отъ обѣихъ сторонъ.

Оригиналъ подписали: Иванисъ, полковникъ Дрелингъ, генералъ Голубинцевъ и генералъ Морозовъ.

Копія послана большевикамъ безъ подписей.

*
* *

Условія капитуляціи
переданныя большевиками черезъ ген. Морозова 17.4.1920

1. Гарантируется свобода всѣмъ сдавшимся за исключеніемъ уголовныхъ преступниковъ, которые будутъ подлежать суду революціоннаго военнаго трибунала.

2. Гарантируется свобода всѣмъ сдавшимся, искренно раскаявшимся въ своемъ проступкѣ и выразившимъ желаніе искупить свою вину передъ революціей поступленіемъ въ ряды Красной Арміи и принятіемъ активнаго участія въ борьбѣ съ Польшей, посягнувшей на исконныя русскія территоріи.

3. Иниціаторамъ и руководителямъ возстаній свобода не гарантируется. Они подлежатъ или привлеченію въ трудовые баталіоны или заключенію въ концентраціонные лагери до конца гражданской войны и только въ видѣ особой милости они могутъ быть допущены въ ряды Красной Арміи.

4. Все огнестрѣльное оружіе и шашки подлежатъ сдачѣ. Кинжалы могутъ быть сохранены подъ честное слово съ тѣмъ, что они не будутъ обращены противъ совѣтской власти и отдѣльныхъ ея представителей.

5. Содѣйствіе возвращенію на родину будетъ оказано, поскольку позволяютъ разрушенные войной пути.

6. Гарантируется неприкосновенность личности всѣмъ, согласно пунктамъ 1 и 2. Неприкосновенность имущества гарантируется всѣмъ живущимъ своимъ трудомъ, не принадлежащимъ къ классу эксплуататоровъ.

7. На отвѣтъ дается двѣнадцать часовъ, считая срокъ съ момента полученія настоящихъ условій, послѣ чего, при неполученіи удовлетворительнаго отвѣта, военныя дѣйствія будутъ возобновлены съ удвоенной энергіей. Ни въ какіе мирные переговоры представители командованія тогда вступать не будутъ. Условія будутъ считаться нарушенными, если хоть одинъ человѣкъ, послѣ полученія условій пе-

ремирія, будетъ пропущенъ въ Грузію или уѣдетъ въ Крымъ.

Командующій 9-й Совѣтской Арміей
Василенко
Членъ Военно-революціоннаго совѣта
Онучинъ
Передалъ условія военный комиссаръ 50-й дивизіи
Рабиновичъ.

23.

ПОСЛѢДНІЙ ЭТАПЪ

Переговоры съ большевиками прерваны. Разложеніе въ войскахъ началось, хотя эксцессовъ и не было. Фронтъ агонизировалъ. Положеніе тревожное. Кубанцы оставляли позаціи и наводняли Адлеръ.

Утромъ 19 апрѣля я посѣтилъ Кубанскаго Атамана, онъ готовился къ отъѣзду въ Батумъ. Изъ штаба Донского корпуса получено сообщеніе, что завтра, 20-го апрѣля, ожидаются транспорты для погрузки частей въ Крымъ. Сообщеніе было неувѣренное, а потому, на всякій случай, приходилось готовиться къ худшему и искать выхода: — или уходить въ горы, или пробиваться въ Турцію. Положеніе осложнялось еще тѣмъ, чт о я былъ обремененъ больными и ранеными офицерами, а у нѣкоторыхъ, кромѣ того, были и семьи. Необходимо было принять мѣры къ ихъ своевременной эвакуаціи, тѣмъ или инымъ способомъ. Выходъ былъ одинъ — найти подходящее судно. Для этой цѣли я, съ письменнаго разрѣшенія генерала Букретова, реквизировалъ одну из большихъ турецкихъ парусныхъ фелукъ, находившихся въ Адлерѣ. Въ нее были погружены больные и тѣ, кто не могъ слѣдовать походнымъ порядкомъ. Эту фелуку я разсчитывалъ имѣть въ своемъ распоряженіи при движеніи бригады вдоль берега моря. Комендантомъ я назначилъ энергичнаго офицера съ приказаніемъ, держась берега, отойти въ хуторъ Веселый и стать на рейдѣ, держа со мною связь. Фелука была перегружена и служила предметомъ зависти нѣкоторыхъ кубанскихъ группъ, бросившихъ фронтъ и переполнявшихъ

въ это время Адлеръ. Кубанцы даже сдѣлали попытку отнять фелуку и отстоять ее удалось только выставивъ пулеметы. Около 14 часовъ фелука, подняв паруса, отплыла. Полки бригады получили распоряженіе перейти на ночлегъ въ раіонъ хутора Веселаго. Я со штабомъ бригады и нѣсколькими казаками конвойной сотни выѣхалъ въ Русскую Деревню, находившуюся у самаго берега моря, верстахъ въ 5-6 отъ хут. Веселаго. Въ эту же деревню былъ отправленъ на ночлегъ и 28-й конный полкъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Адлера я зашелъ еще разъ къ Кубанскому Атаману узнать, выѣхалъ ли онъ уже, какъ предполагалось, изъ Адлера. Дома Атамана я не засталъ и хозяйка квартиры сообщила мнѣ, что генералъ часъ тому назадъ уѣхалъ на пароходъ. Почти одновременно со мною въ квартиру Атамана явился кубанскій офицеръ съ 10-12 казаками, для ареста атамана по постановленію членовъ Кубанской Рады, какъ онъ мнѣ объяснилъ. Но въ это время атаманъ былъ уже на пароходѣ съ кубанскими юнкерами и готовился къ отплытію въ Батумъ.

Подъѣзжая къ Русской Деревнѣ, я услыхалъ пулеметную стрѣльбу, а при въѣздѣ въ деревню увидѣлъ нѣсколькихъ казаковъ, бѣгущихъ отъ берега къ избамъ. У берега стояла моя фелука, а на пескѣ одиноко красовался пулеметъ. Въ дальнѣйшемъ выяснилось, что за часъ до отплытія нашей фелуки изъ Адлера, на лодкѣ, по тому же пути, отправились два неизвѣстныхъ типа, которыхъ комендантъ нашего судна отказался взять съ собою. При проѣздѣ мимо Русской Деревни они сообщили казакамъ, что командиръ бригады и штабъ рѣшили бросить казаковъ и сѣли въ фелуку съ цѣлью уѣхать за границу. Въ 28 полку началось броженіе, пулеметчики установили пулеметъ и обстрѣляли плывшую вблизи берега фелуку. На баркѣ поднялась тревога. Комендантъ приказалъ причалить къ берегу.

Въ это время изъ деревни послышались крики: «Командиръ бригады здѣсь!» Сконфуженные казаки разбѣжались, бросивъ пулеметъ. Я прискакалъ къ берегу, обругалъ и разогналъ оставшихся казаковъ и приказалъ: фелукѣ опять сняться, идти въ х. Веселый и стать на рейдѣ, внѣ выстрѣловъ. Все обошлось сравнительно благополучно, но, повидимому, у казаковъ еще не совсѣмъ исчезло сомнѣніе, подогрѣваемое, конечно, подстрекателями, что ихъ хотятъ бросить,

хотя вслухъ они и не высказывали этого. Въ этомъ отношенiи надо отдать справедливость казакамъ, что у нихъ есть врожденное чувство такта, сдержанности и собственнаго достоинства, что проявлялось даже въ такихъ исключительно тяжелыхъ обстоятельствахъ, когда еще свѣжо было сообщенiе генераловъ Старикова и Писарева, что донцовъ приказано не грузить въ Крымъ. Такимъ образомъ, основанiе къ недовѣрiю и сомнѣнiю было. Въ корабли, прибывающiе изъ Крыма для погрузки, также слабо вѣрили. Чувствовалось извѣстное напряженiе.

Когда поднявшая паруса фелука отдѣлилась отъ берега, я еще нѣкоторое время оставался на пристани, чтобы убѣдиться, что судно отошло достаточно далеко отъ берега и внѣ выстрѣловъ.

Вдругъ изъ деревни показался разъѣздъ около 15 коней, во главѣ съ бравымъ подхорунжимъ 28 полка изъ вольноопредѣляющихся, фамилiи его я не помню, но за его подвижность и порывистость казаки его прозвали «броневикомъ».

Разъѣздъ неожиданно налетѣлъ на меня.

— Куда?

Не ожидавшiй встрѣтить меня подхорунжiй, смутившись, доложилъ, что онъ посланъ остановить отплывшую безъ разрѣшенiя фелуку.

— Кѣмъ посланъ? — Но кѣмъ, подхорунжiй, повидимому, не зналъ или не отдавалъ себѣ отчета.

— Фелука ушла по моему приказанiю, съ больными и ранеными, — замѣтилъ я спокойно.

«Броневикъ» молчалъ и лицо его выражало нерѣшительность.

— А какъ ваше производство? Нѣтъ еще приказа? — спросилъ я, желая перемѣнить тему разговора.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Превосходительство, хотя представленiе сдѣлано четыре мѣсяца тому назадъ, — оживился подхорунжiй. Очевидно я попалъ въ больное мѣсто.

— Если черезъ мѣсяцъ приказа не будетъ, вы мнѣ лично напомните въ Крыму.

— Покорно благодарю, Ваше Превосходительство!

— А теперь поѣзжайте по квартирамъ и завтра на погрузку.

— Счастливо оставаться, Ваше Превосходительство! — и разъѣздъ повернулъ обратно въ деревню.

Часовъ около семи вечера ко мнѣ явился временно командующій 28-мъ коннымъ полкомъ, сотникъ Коротковъ, и сконфуженно доложилъ, что казаки 28-го полка желали бы поговорить со мной о положеніи и что, по его мнѣнію, настроеніе у нихъ спокойное.

Я приказалъ собрать полкъ на полянѣ, пригласилъ съ собою нѣсколько офицеровъ штаба съ ординарцами, безъ оружія, но у каждаго по два револьвера и по двѣ бомбы въ карманахъ, и явился на бесѣду.

На площадкѣ собралось около 200 казаковъ 28-го полка. Раздалась команда «смирно!» Поздоровался. Отвѣтили дружно: «Здравія желаемъ, Ваше Превосходительство!»

— Что угодно? Что хотите знать?

Объяснилъ обстановку здѣсь и въ Крыму, сказалъ, что завтра предполагается погрузка, что часть кораблей уже въ Веселомъ.

Начались вопросы дѣлового и довольно мирнаго характера. Особенно смущалъ казаковъ вопросъ о лошадяхъ: тяжело было имъ, природнымъ конникамъ, разставаться съ вѣрными друзьями, съ которыми продѣлали двѣ тяжелыхъ войны.

Наконецъ, одинъ изъ казаковъ заискивающимъ тономъ сказалъ: «Мы, Ваше Превосходительство, вмѣстѣ съ Вами возстаніе поднимали, вмѣстѣ воевали, вмѣстѣ, если надо будетъ, и въ плѣнъ пойдемъ!»

Я отвѣтилъ смѣясь: «Правда, мы вмѣстѣ воевали, вмѣстѣ поднимали возстаніе, если Богъ приведетъ, еще вмѣстѣ будемъ воевать, но въ плѣнъ мнѣ съ вами, пока живъ, не по пути!»

Кто-то изъ заднихъ рядовъ что-то бормочетъ, слышны слабыя реплики.

— Кто это тамъ, сзади? Что хочешь сказать, иди сюда, чего прячешься за спину другихъ!

Никто не показывается. Казаки смущенно смѣются. Бесѣда окончена.

— Итакъ, завтра на погрузку, а теперь по домамъ!

Командующій полкомъ командуетъ: «Смирно! Кругомъ! По домамъ шагомъ маршъ!»

Энергичная команда, увѣренный тонъ, а, главнымъ образомъ, привычка къ дисциплинѣ дѣлаютъ свое дѣло. Казаки медленно, будто нехотя, но мирно расходятся.

Вообще, надо замѣтить, что казаки, при всѣхъ своихъ положительныхъ военныхъ качествахъ и доблести, при неудачахъ возстаній, какъ это подтверждаетъ намъ исторія, часто стремятся разсчитаться головами своихъ вождей и начальниковъ. Въ этихъ случаяхъ только самообладаніе, рѣшимость и авторитетъ начальника могутъ сдержать толпу отъ выступленій. Малѣйшее колебаніе, уступчивость или робость, какъ масло налитое въ огонь, увеличиваютъ пламя.

Эти обстоятельства я всегда учитывалъ, ибо уже нѣсколько разъ бывалъ въ такомъ положеніи во время военныхъ неудачъ при противобольшевицкихъ возстаніяхъ и еще раньше, при военныхъ волненіяхъ въ началѣ революціи.

Наступаетъ тревожная ночь. Конвойцы мнѣ докладываютъ, что казаки 28 полка собираются группами и шепчутся, большинство изъ нихъ не желаетъ грузиться безъ лошадей. Полковникъ Красовскій поздно вечеромъ мнѣ сообщилъ, что онъ у себя за окномъ слышалъ разговоръ, что надо арестовать офицеровъ, на что одинъ изъ собесѣдниковъ замѣтилъ: «Какъ ихъ арестуешь, каждый изъ нихъ раньше двадцать человѣкъ убьетъ!»

Ночь тяжелая. Большинство казаковъ не спитъ. У меня во дворѣ мои конвойцы собираются группами и совѣщаются. Около 12 часовъ ночи изъ хутора Веселаго возвратился, бывшій въ штабѣ корпуса для связи, сотникъ Фокинъ. Докладываетъ мнѣ о порядкѣ завтрашней погрузки, а также о томъ, что онъ обратилъ вниманіе, что у выхода изъ нашей деревни стоятъ часовые, а противъ моей квартиры также постъ, но укрыто, въ кустахъ, дабы его не было видно. Совѣтуетъ мнѣ, по предложенію командира корпуса, не дожидаясь утра, лично переѣхать ночью же въ хут. Веселый, а части, желающія грузиться, подойдутъ утромъ. Если часовые рѣшатся воспрепятствовать, то двухъ хорошихъ ударовъ шашкой будетъ достаточно заставить ихъ очистить путь. Я, конечно, не могу на это согласиться, такъ какъ не хочу, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь могъ бы сказать, что въ критическую минуту генералъ Голубинцевъ бросилъ своихъ казаковъ. Сотникъ Фокинъ отправляется въ Адлеръ самъ съ докладомъ командиру корпуса о положеніи. Меня особенно безпокоило обстоятельство, что со мной находилась жена; правда, она уже сдѣлала верхомъ около тысячи верстъ и въ мужскомъ платьи, но все же создается извѣстное затрудне-

ніе. Жена безмятежно спитъ, не сознавая тревожной обстановки. У меня, конечно, планъ готовъ на случай, если рѣшатся арестовать меня: израсходую двѣ бомбы и разряжу два револьвера, оставивъ только два послѣднихъ патрона — одинъ для жены, другой для себя.

На разсвѣтѣ, около 3-3½ часовъ, слышу, кто-то входитъ и слабый стукъ въ дверь.

— Войди! — входитъ конвоецъ, урядникъ Ильинъ.

— Что скажешь, Ильинъ?

— Пришелъ проститься съ Вами, Ваше Превосходительство, мы, Тюковновцы, сейчасъ уходимъ въ горы. Рѣшили безъ лошадей не грузиться, а сдаваться большевикамъ не желаемъ. Я пришелъ, отъ имени всѣхъ Тюковновцевъ, проститься съ Вами.

Простились. Расцѣловались.

Тюковновцы составляли 1-ую полусотню моей конвойной сотни. Съ самаго начала возстанія всѣ казаки хутора Тюковного, Усть-Хоперской станицы, славились своей консервативностью и ненавистью къ большевикамъ, служили у меня въ конвоѣ, какъ люди самые вѣрные и надежные.

Я взглянулъ въ окно. Въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ промелькнуло нѣсколько конныхъ казаковъ, направлявшихся къ окраинѣ деревни, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ Тюковновцевъ.

Утромъ, въ 8 часовъ, я отдалъ распоряженіе строиться и выступить на погрузку въ х. Веселый. Передъ моей квартирой построилась оставшаяся 2-я полусотня конвойцевъ, въ порядкѣ, подтянутая, отлично вооруженная. Ближе къ выходу изъ деревни строится 28-й конный полкъ, на три четверти растерявшій свои винтовки.

Во главѣ съ командующимъ полкомъ, сотникомъ Коротковымъ, полкъ выступилъ по направленію на хут. Веселый, свернулъ налѣво по шоссе, оставивъ на поворотѣ маякъ для насъ. Черезъ 10 минутъ выступилъ штабъ бригады съ конвойной сотней и, не сворачивая на шоссе, двинулся напрямикъ, параллельно берегу моря, по лѣсной дорогѣ, съ проводникомъ изъ мѣстныхъ жителей. Проѣзжая мимо двора, занятаго пулеметчиками, я обратилъ вниманіе, что они готовы, но медлятъ съ выступленіемъ.

— Чего ждешь, Мельниковъ, почему не ведешь команду?

— Боюсь, Ваше Превосходительство, начальникъ штаба меня разстрѣляетъ за то, что обстрѣлялъ фелуку, — откровенно заявляетъ пулеметный урядникъ.

— Нѣтъ, не бойся, обѣщаю поставить на этомъ крестъ, веди команду!

Пулеметчики засуетились и стали выходить со двора.

Я поѣхалъ въ хвостѣ конвойной сотни, какъ бы въ арріергардѣ, ибо не особенно довѣрялъ пулеметчикамъ, считаясь съ тѣмъ, что они могли открыть огонь по хвосту колонны, по мнѣ же, я былъ увѣренъ, они не рѣшатся, ибо, вообще, я пользовался извѣстнымъ уваженіемъ и довѣріемъ среди казаковъ бригады.

Перейдя вбродъ рѣку Псоу, ниже моста, почти у самаго ея впаденія въ море, штабъ бригады, около 11 часовъ, прибылъ къ мѣсту погрузки.

На рейдѣ стояло нѣсколько англійскихъ военныхъ кораблей. Погрузка на военныя суда уже началась. Грузился калмыцкій полкъ. Англійскіе матросы на шлюпкахъ перевозили на корабли только людей съ винтовками, даже сѣделъ не разрѣшалось брать съ собою. Тяжело было смотрѣть, какъ казаки прощались со своими лошадями. Многіе въ послѣдній моментъ отказывались отъ погрузки и уходили въ Грузію. Всѣ желающіе могли погрузиться. За хуторомъ слышна безпорядочная стрѣльба изъ винтовокъ и пулеметовъ.

При проходѣ частей на погрузку, на шоссе, черезъ мостъ на рѣкѣ Псоу, происходило безпорядочное столпленіе; нѣкоторые казаки митинговали и пытались остановить шедшія на погрузку сотни. Когда къ мосту подошелъ 29-й конный полкъ, нѣсколько казаковъ, занимавшихъ мостъ, пытались было остановить командира полка, есаула Акимова, ѣхавшаго во главѣ полка, желая схватить за узду коня.

— Прочь! Руки обрубаю всякому, кто посмѣетъ дотронуться до уздечки! — заревелъ есаулъ, выхватывая шашку.

Смѣльчаковъ остановить коня не нашлось и полкъ безпрепятственно прибылъ въ хут. Веселый.

Не такъ благополучно обошлось съ 28-мъ полкомъ; часть полка не пожелала грузиться безъ лошадей и ушла сдаваться большевикамъ, уведя съ собою и вр. командующаго полкомъ, сотника Короткова. Какъ мнѣ передавали потомъ, сотникъ Коротковъ, при попыткѣ скрыться отъ полка, былъ убитъ своими же казаками.

Бо́льшая часть казаковъ 29 и 30 конныхъ полковъ и около половины 28-го полка погрузились на англійскія суда, а часть ушла въ Грузію, не желая бросать лошадей.

Во время погрузки, въ полуверстѣ отъ берега, происходили митинги, ибо разложеніе, въ связи съ приказомъ генерала Морозова о сдачѣ коснулось почти всѣхъ частей и контактъ съ большевиками, черезъ ген. Морозова, налаживался. Часть шла на погрузку, часть уходила въ горы или въ Грузію, часть готовилась къ сдачѣ.

Къ вечеру погрузка закончилась, англичане забрали на суда всѣхъ пожелавшихъ грузиться въ Крымъ, и на другой день англійскіе броненосцы «Кородокъ» и «Марльборо» доставили насъ въ Ѳеодосію. Здѣсь командиръ корпуса произвелъ смотръ частямъ 4-го Коннаго корпуса, прибывшимъ въ Крымъ.

*

* *

Въ Ѳеодосіи, въ послѣдній разъ, въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ города, собрались на прощальномъ банкетѣ всѣ прибывшіе въ Крымъ г. г. офицеры Усть-Медвѣдицкой Конной бригады.

Дня черезъ два всѣ донскія части были изъ Ѳеодосіи погружены на русскіе пароходы «Вампуа» и другіе и отправлены въ Акъ-Мечеть. Штабъ 14-й бригады расположился въ дер. Тарпанчи. Согласно приказу по Донскому Войску отъ 10 апрѣля 1920 года, всѣ части Донской Арміи переформировывались и сводились въ два корпуса. 21-го мая Усть-Медвѣдицкая Конная бригада закончила свое существованіе. Казаки были отправлены въ Саки, гдѣ происходило формированіе новыхъ донскихъ дивизій. Офицеры, большей частью, были зачислены въ Донской Офицерскій Резервъ. Я не получилъ новаго назначенія и былъ причисленъ къ Офицерскому Резерву. Вскорѣ я былъ приглашенъ Донскимъ Атаманомъ, генераломъ Богаевскимъ, по дѣламъ службы, въ его канцелярію, гдѣ Атаманъ сообщилъ, что Главнокомандующій, генералъ Врангель, запросилъ его, почему я не получилъ назначенія, а потому не желаю ли я получить соотвѣтствующее назначеніе въ Донской Арміи?

Я отвѣтилъ, что я усталъ, а потому предпочелъ бы отдох-

нуть нѣкоторое время, а, кромѣ того, я не считаю для себя возможнымъ быть причиною отстраненія кого-либо изъ лицъ, уже получившихъ назначеніе и, какъ мнѣ извѣстно, на тѣ командныя должности, на которыя я могъ бы претендовать.

Черезъ нѣсколько дней, получивъ двухмѣсячный заграничный отпускъ, я уѣхалъ въ Константинополь, надѣясь тамъ получить визу въ Польшу, гдѣ у меня было недвижимое имущество, которое необходимо было привести въ порядокъ. Польскій консулъ въ Константинополѣ не могъ мнѣ дать визы безъ разрѣшенія польскаго правительства и обѣщалъ сдѣлать телеграфный запросъ въ Варшаву; но прошла недѣля, двѣ, три, и я понялъ, что мнѣ визы не получить и возвратился въ Крымъ.

Несмотря на одержанную недавно блестящую побѣду надъ красной конницей Жлобы, положеніе въ Крыму было не твердымъ. Чувствовалась разруха. Я побывалъ въ Севастополѣ, въ штабѣ Главнокомандующаго, тамъ настроеніе было непонятно оптимистическое. Одинъ изъ генераловъ ставки мнѣ сказалъ, что теперь у насъ положеніе очень твердое, Перекопъ обращенъ въ настоящій Верденъ. По имѣющимся же у меня, хотя и не провѣреннымъ даннымъ, на Перекопѣ укрѣпленій почти не было. Я послалъ на Перекопъ офицера, сотника Щелконогова, провѣрить этотъ «Верденъ». Возвратившійся офицеръ мнѣ доложилъ, что по обѣ стороны шоссе, ведущаго къ Перекопу, построены проволочныя загражденія въ нѣсколько рядовъ, приблизительно на полверсты въ каждую сторону, а дальше протянутъ лишь одинъ рядъ проволоки, причемъ колья частью вывернуты и валяются на землѣ. Окопы запущены, обвалившіеся, мелкіе и по своей конструкціи самые примитивные и, какъ онъ выразился, «вродѣ тѣхъ, какіе конница строила въ Полѣсьѣ». Лично я на Перекопѣ не былъ и потому ничего не могу добавить.

Что же касается тыла, то и здѣсь было далеко неблагополучно. Коснусь лишь положенія офицеровъ Донского Офицерскаго Резерва, расположеннаго въ Евпаторіи. Матеріально офицеръ былъ обезпеченъ настолько плохо, что были случаи самоубійства на почвѣ голода. Особенно тяжело было положеніе рядового офицерства. Офицеры были раздѣты, многіе безъ сапогъ. Денегъ почти не получали, что заставляло офицера продавать послѣднія вещи, толкаясь на базарѣ, среди всякаго сброда. Я, напримѣръ, видѣлъ въ караулѣ на по-

сту офицера съ винтовкой, въ опоркахъ и почти въ одномъ бѣльѣ (кап. Добронравовъ). Послѣ повторнаго случая самоубійства пріѣзжалъ Начальникъ Штаба Войска Донского, генералъ Алексѣевъ. Офицерамъ выдали авансъ по семи тысячъ рублей, но затѣмъ удержали изъ жалованья. Чему равнялся этотъ авансъ въ семь тысячъ рублей, можно судить по тому, что приблизительно, около этого времени газета стоила 500 рублей, а обѣдъ въ плохой кухмистерской — около 5000 рублей, пятикопѣечный шоколадъ 700 рублей.

Дабы не умереть съ голоду, офицеры принуждены были образовывать артели грузчиковъ и работать на пристани, конкурируя съ портовыми рабочими. Въ послѣднее время у офицеровъ были отняты денщики и зачастую приходилось видѣть офицера на базарѣ съ комсой въ рукахъ, или стоящаго въ очередяхъ за хлѣбомъ у булочныхъ и т. п. Все это, конечно, отражалось на моральномъ состояніи офицера. Ниже я привожу письмо одного офицера, отправлявшагося съ партизанскимъ отрядомъ полковника Назарова. Отрядъ имѣлъ задачу прорваться на Донъ и поднять тамъ возстаніе.

Этому начальнику партизанскаго отряда, къ слову сказать, никто не вѣрилъ, но бѣжали изъ резерва куда угодно, лишь бы уйти и вырваться изъ этаго унижающаго чувство офицерскаго достоинства состоянія въ резервѣ.

Ближайшему начальству, повидимому, трудно было разобраться въ душевномъ состояніи офицера, поставленнаго волею судебъ въ исключительно трудныя, небывалыя и неслыханныя условія. Не понимали офицера, а если не понимали, то и не могли ничего сдѣлать. Неужели 500-600 офицеровъ были непосильнымъ бременемъ для Войска и ничего нельзя было сдѣлать? А нужно было такъ мало — накормить и одѣть. Какъ иллюстрацію къ вышесказанному привожу полученное мною письмо отъ подъесаула Козловцева:

«Ваше Превосходительство!

Убывая изъ резерва въ партизанскій отрядъ полковника Назарова, я считаю своей непремѣнной обязанностью доложить Вашему Превосходительству о своей искренней благодарности, которую я испытываю при воспоминаніи о своей службѣ за все время гражданской войны, сперва въ ввѣренныхъ Вамъ Освободительныхъ Войскахъ Усть-Медвѣдицкаго Округа, а затѣмъ въ Усть-Медвѣдицкой Конной

дивизіи и въ 14-й бригадѣ. Я все-таки питаю надежду, что въ недалекомъ будущемъ, съ разрѣшенія Вашего Превосходительства, вновь буду находиться въ рядахъ войскъ подъ Вашимъ командованіемъ.

Мы — офицеры резерва, поставлены въ такое безвыходное положеніе хоз. канцеляріей резерва, что насъ нисколько не удивляютъ бывшіе случаи самоубійства офицеровъ на почвѣ голода. Мы бѣжимъ изъ резерва. Насъ удивляетъ и поражаетъ, что хозяйственная канцелярія не можетъ справиться по довольствію, вѣдь только одного баталіона по численности офицеровъ.

Пріѣздъ генерала Алексѣева ничуть не подвинулъ дѣла впередъ. Канцелярія спѣшно выдала намъ по 7 тыс. рублей, а теперь при выдачѣ жалованья за май мѣсяцъ, она вычитываетъ и мы остаемся у разбитаго корыта.

Бывая въ караулѣ въ тюрьмѣ, мы наблюдаемъ, что арестантовъ кормятъ гораздо лучше, чѣмъ питается нашъ офицеръ резерва. Невольно напрашивается мысль, что состояніе въ резервѣ хуже каторги; но за что? .. И оказывается, что мы отбываемъ это наказаніе лишь по винѣ хоз. чиновъ резерва, которые не могутъ двинуть впередъ хозяйственный аппаратъ, по какой-то причинѣ?

Мы бѣжимъ изъ резерва въ боевую часть, зная напередъ, что тамъ лучше должно быть... тамъ не придется думать съ утра до вечера о питаніи; эта мысль о желудочныхъ интересахъ такъ принижаетъ насъ.

У насъ, офицеровъ, служившихъ подъ командой Вашего Превосходительства, живетъ мысль, что недалеко то время, когда мы подъ Вашимъ руководствомъ снова пойдемъ по роднымъ мѣстамъ и страшное время сидѣнія въ Евпаторіи, страшное по винѣ какихъ-то чиновниковъ, неуязвимыхъ никѣмъ и ничѣмъ, намъ приходится такъ думать, это время забудется нами, какъ одинъ изъ непріятныхъ эпизодовъ жизни. Нашъ отдыхъ только на фронтѣ, въ тылу же только трепаніе нервовъ!

Всегда покорный слуга Вашего Превосходительства
Подъесаулъ Козловцевъ.»

Въ приведенномъ выше письмѣ упоминается имя полковника Назарова. Не могу не отмѣтить нѣкоторыми штрихами личность полковника Назарова.

Өеодоръ Димитріевичъ Назаровъ, казакъ станицы Ново-Николаевской, прапорщикъ изъ народныхъ учителей. Въ 1917 году, въ Кіевѣ, на Обще-Казачьемъ Съѣздѣ, былъ кандидатомъ въ предсѣдатели съѣзда. Судя по высказаннымъ имъ въ своей рѣчи взглядамъ, онъ былъ по политическимъ убѣжденіямъ значительно лѣвѣе выбраннаго въ предсѣдатели съезда своего конкурента Павла Агѣева.

Мнѣ разсказывали, что въ 1918 году, во время начинавшагося противобольшевицкаго движенія на Дону, Назаровъ формировалъ отрядъ въ деревнѣ Орловкѣ; на вопросъ проѣзжавшаго въ это время черезъ Орловку Походнаго Атамана, генерала Попова, какъ идетъ формированіе, Назаровъ отвѣтилъ, указывая на погонъ: «Плохо, чинъ малъ, звѣздочка мѣшаетъ!»

Генералъ смѣясь замѣтилъ: «Что же вамъ мѣшаетъ снять звѣздочку?» Этотъ отвѣтъ Назаровъ счелъ за производство въ есаулы и съ тѣхъ поръ сталъ именовать себя есауломъ. Затѣмъ, Назаровъ попадаетъ въ Войсковой Кругъ. При провѣркѣ полномочій возникаетъ сомнѣніе въ его чинѣ; запросили Походнаго Атомана, генерала Попова. Генералъ Поповъ якобы отвѣтилъ: «Онъ прапорщикъ, но достоинъ быть есауломъ».

О производствѣ его въ полковники никто не знаетъ, также какъ и о его дѣятельности на фронтѣ. Говорятъ, что специализировался онъ на полученіи милліонныхъ авансовъ на всякаго рода авантюрныя предпріятія, но, къ сожалѣнію, всѣ они оказались неудачными. Однимъ изъ этихъ предпріятій было и формированіе партизанскаго отряда въ Крыму, для высадки гдѣ-либо на Дону, съ цѣлью поднять тамъ возстаніе.

Авансъ полученъ. Формированіе не представляетъ труда: — всѣ бѣгутъ изъ Донского Офицерскаго Резерва куда угодно и съ кѣмъ угодно. Назаровъ реквизируетъ моторную лодку въ Евпаторіи у грека Гутто, Полицейская улица № 11, за одинъ милліонъ рублей, затѣмъ вскорѣ перепродаетъ ее за 25 милліоновъ рублей. Отрядъ, изъ 25-30 офицеровъ, высаживается гдѣ-то въ раіонѣ станицы Ново-Николаевской, доходитъ до станицы Константиновской, гдѣ былъ весь уничтоженъ большевиками. Почти всѣ офицеры погибли, за исключеніемъ начальника отряда, которому, по его разсказамъ, удалось бѣжать въ Ростовъ, гдѣ онъ поступаетъ въ красную батарею, которой командуетъ его братъ, а затѣмъ вновь съ

женою (новой) переходитъ нашу линію въ раіонѣ Токмака съ документами машиниста.

Разслѣдованія по этому поводу не было никакого. При эвакуаціи изъ Крыма, на пароходѣ «Труворъ», у Назарова произошелъ инцидентъ съ полковникомъ Ходкевичемъ. Назаровъ былъ вызванъ на дуэль, которая должна была состояться въ окрестностяхъ города Анхіало, но въ послѣдній моментъ, несмотря на то, что всѣ условія были оговорены и мѣсто для поединка было назначено, Назаровъ уклонился. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Назарова въ Софіи въ 1921 году, откуда онъ уѣхалъ въ Константинополь, гдѣ еще два раза получилъ авансъ у Донского Атамана на поѣздку на Дальній Востокъ. Въ первый разъ поѣздка почему-то не ссотоялась, а затѣмъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, получивъ второй авансъ, Назаровъ уѣхалъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ Софіи было получено извѣстіе, что онъ погибъ гдѣ-то на Дальнемъ Востокѣ, при довольно загадочныхъ обстоятельствахъ, работая, будто бы, на два фронта.

24.

РАЗГРОМЪ КОННОЙ ГРУППЫ ЖЛОБЫ

20-VI-1920

На мрачномъ фонѣ Крымскаго періода борьбы яркой звѣздой или, вѣрнѣе, лебединой пѣсней бѣлаго движенія, явился блестящій, по своему размаху и искусству руководства, разгромъ красной конницы Жлобы.

Въ срединѣ іюня 1920 года бѣлая армія въ Сѣверной Тавріи занимала слѣдующее положеніе:

Донской корпусъ генерала Абрамова занималъ участокъ западнѣе Ногайска — села: Романовка, Юрьевка, станц. Нельговка и Черниговка.

1-й Корпусъ генерала Кутепова — раіонъ: колонію Вернесдорфъ, хут. Куркулакъ, Эристовка и Васильевка.

2-й Корпусъ генерала Слащева занималъ участокъ лѣвѣе Перваго корпуса, по лѣвому берегу Днѣпра до деревни В. Ле-

петиха. Еще дальше по лѣвому берегу Днѣпра сосредоточилась группа генерала Барбовича.

Противъ частей Бѣлой Арміи, по правому берегу Днѣпра, была расположена XIII сов. армія товарища Уборевича, усиленная 15-й, 40-й и 42-й стрѣлковыми дивизіями, двумя отдѣльными стрѣлковыми бригадами, 2-й Кавалерійской дивизіей Блинова и сильной конной группой Жлобы (бывш. шахтеръ), въ составѣ 18 конныхъ полковъ, хорошо снабженныхъ матеріально и технически. Общая численность красныхъ достигала 35.000 штыковъ и 11.000 сабель.

Совѣтское командованіе поставило себѣ задачей разбить Бѣлую Армію и отнять богатую хлѣбомъ Таврію. Для чего командующій XIII арміей тов. Уборевичъ рѣшилъ, ведя демонстративныя операціи въ раіонѣ Днѣпра, главный ударъ нанести двумя группами: пѣхотной дивизіей товарища Федько, которой была дана задача, наступая съ сѣвера, между желѣзнодорожными линіями Александровскъ—Мелитополь и Федоровка—Верх. Токмакъ, нанести ударъ и разбить 1-ый Корпусъ. Одновременно конная группа Жлобы, наступая вдоль большой дороги Черниговка—Мелитополь, долиною рѣки Молочная, должна была, прорвавъ части Донского корпуса и разбивъ ихъ, занять Мелитополь и выйдя, такимъ образомъ, въ тылъ корпуса Кутепова, отрѣзать его отъ Крыма и разбить совмѣстно съ наступавшей группой тов. Федько.

14 іюня красные крупными силами перешли въ наступленіе. Бои шли съ перемѣннымъ успѣхомъ. На участкѣ Донского корпуса красные потерпѣли пораженіе, потерявъ 1200 плѣнныхъ и 40 пулеметовъ.

На фронтѣ 1-го корпуса большевики сначала имѣли успѣхъ и овладѣли д. Скелевата, но подоспѣвшими резервами были отброшены. На остальныхъ участкахъ рядъ демонстрацій. Слѣдующіе дни бои продолжаютъ усиливаться.

16-го іюня конная группа Жлобы, сосредоточенная въ раіонѣ Царевоконстантиновка—Пологи, также перешла въ наступленіе въ направленіи раіона В. Токмакъ—Черниговка. Опрокинувъ слабыя пѣшія части Донского корпуса, красная конница прорвалась въ тылъ корпуса, но здѣсь была встрѣчена донской конницей, самолетами и отрядомъ броневиковъ и, потерявъ восемь орудій, откатилась назадъ.

Въ это же время обозначился успѣхъ и у генерала Кутепо-

ва: 1-й корпусъ перешелъ въ контръ-атаку и оттѣснилъ красныхъ, захвативъ двѣ тысячи плѣнныхъ и 8 пулеметовъ.

19-го іюня бои возобновились съ новой силой, красные вновь перешли въ наступленіе по всему фронту. Атаки большевиковъ на дер. Новоспаская и на другихъ участкахъ были неудачны. Въ этотъ день донская конница захватила у красныхъ 3 орудія и плѣнныхъ, при чемъ большую поддержку донцамъ оказали летчики, забросавъ противника бомбами. Попытка красныхъ, въ этотъ же день, на В. Токмакскомъ направленіи, атаковать у дер. Александровка наши части, окончилась для большевиковъ также неудачно — встрѣченные донцами, они были отбиты и, потерявъ 2 орудія и 6 пулеметовъ, отошли.

Такимъ образомъ, красные, за время шестидневныхъ неудачныхъ боевъ, понесли большія потери, какъ матеріально, такъ и морально, главнымъ образомъ. Бѣлое командованіе рѣшило использовать благопріятную обстановку и захватить иниціативу въ свои руки. Оставалось еще ликвидировать сильную и наиболѣе опасную группу Жлобы.

Конная масса Жлобы, втянутая въ теченіе боевъ въ образовавшійся узкій мѣшокъ, оказалась окруженной стойкими частями Бѣлой Арміи. Стѣсненная пространствомъ, красная конница утеряла значительныя преимущества и качества конницы: подвижность и поворотливость; оставалось только завязать этотъ мѣшокъ. Благодаря безтолковому управленію и самонадѣянности, красная конница, вмѣсто содѣйствія своей арміи и нанесенія рѣшительнаго удара противнику, сама попала въ ловушку и сдѣлалась заманчивымъ объектомъ бѣлаго командованія.

Всю находившуюся поблизости конницу бѣлое командованіе направило къ выходу изъ мѣшка. На линію желѣзной дороги, прилегавшей къ мѣсту предполагаемыхъ дѣйствій, были выдвинуты четыре бронепоѣзда; сосредоточены были также броневики и самолеты и усилены пѣхотныя части. Вся перегруппировка была сдѣлана ночью и еще до разсвѣта, 20 іюня, бѣлыя части перешли въ наступленіе для окруженія и окончательной ликвидаціи красной конницы Жлобы.

Несмотря на огонь нашихъ батарей, бившихъ прямой наводкой красныхъ на выборъ, конница Жлобы вначалѣ проявила достаточно хладнокровія и оказала сильное сопротивленіе, но затѣмъ, видя себя окруженной и избиваемой, сдѣ-

лала рядъ отчаянныхъ попытокъ прорваться всей конной массой. Но все оказалось напраснымъ и красныхъ охватила паника. Потерявъ организованность и сплоченность, они стали искать спасенія въ бѣгствѣ, что ихъ окончательно добило. Часть группы во главѣ съ Жлобой, разстрѣливаемая со всѣхъ сторонъ, бросилась на сѣверо-западъ въ раіонъ Б. Токмака, но у колоніи Мунтау попала подъ пулеметный огонь нашей пѣхоты; круто повернувъ на сѣверо-востокъ и разбившись на группы, красные пытались прорваться къ сѣверу отъ желѣзной дороги, но, встрѣченные бронепоѣздами, бросились вдоль полотна желѣзной дороги въ направленіи на колонію Ландскроне. Здѣсь имъ перерѣзала путь донская конница генерала Морозова и вмѣстѣ съ подоспѣвшими на подводахъ корниловцами окончательно добила. Красныя части были уничтожены, частью взяты въ плѣнъ. Товарищъ Жлоба успѣлъ выскочить изъ этой кровавой бойни на своемъ автомобилѣ только чудомъ.

Другая половина красной конницы, находившаяся въ хвостѣ и менѣе пострадавшая, бросилась отъ колоніи Фриденору на юго-востокъ, но, встрѣтившись съ приближавшейся ей навстрѣчу конницей генерала Калинина, уклонилась отъ боя и свернула назадъ на кол. Моргенау, надѣясь, повидимому, соединиться съ оставленной ею головной частью конной группы.

Параллельное преслѣдованіе конницей генерала Калинина и появившимися самолетами, огонь изъ каждой деревни пѣхоты добровольцевъ, неизвѣстность обстановки и, какъ результатъ, паника, заставили и эту часть конной группы искать спасенія въ бѣгствѣ, не думая о сопротивленіи. Не доходя до кол. Моргенау, подгоняемая донской конницей, бомбами и пулеметнымъ огнемъ самолетовъ, красные бросились вразсыпную на востокъ и только благодаря запозданію конницы ген. Морозова, еще продолжавшей ликвидацію головной части красной группы, имъ удалось, наконецъ, выскользнуть изъ кольца на просторъ.

20 іюня конная группа Жлобы прекратила свое существованіе, потерявъ всю артиллерію, обозы, пулеметы, массу плѣнныхъ и все военное имущество.

Разгромъ группы Жлобы является рѣдкимъ примѣромъ въ военной исторіи окруженія и полнаго уничтоженія большой группы конницы.

Продолжавшіеся еще 21 и 22 іюня бои носили уже характеръ частичныхъ боевъ и продиктованы были скорѣе чувствомъ взаимной выручки по отношенію къ погибавшимъ остаткамъ группы тов. Жлобы.

Чѣмъ объяснить полный разгромъ и уничтоженіе сильной и организованной конной группы красныхъ?

Несмотря на смѣлый и, казалось бы, правильно задуманный планъ и на добросовѣстное его выполненіе, красные потерпѣли полную неудачу. Причины надо искать: 1. Въ умѣломъ использованіи техники бѣлымъ командованіемъ. 2. Въ стойкости и умѣніи быстро маневрировать бѣлыхъ частей, особенно конницы. 3. Въ правильной и своевременной оцѣнкѣ обстановки и принятіи быстрыхъ и смѣлыхъ рѣшеній.

Конечно, еще имѣло большое значеніе, что во главѣ красной конницы стоялъ совершенно негодный для этой роли начальникъ, съ большой самоувѣренностью, но съ ничтожными знаніями, опытомъ и способностями. Еще разъ повторилась старая историческая истина: — исторія конницы — исторія ея начальниковъ. Къ сожалѣнію, это правило часто игнорируютъ и всегда небезнаказанно.

25.

ЭВАКУАЦІЯ

Наступила осень. Съ фронта получались тревожныя свѣдѣнія. Въ концѣ октября сводки говорятъ о прорывѣ большевиками 1-й линіи перекопскихъ укрѣпленій и о томъ, что наши части заняли для обороны вторую укрѣпленную линію. Было ясно, что теперь намъ въ Крыму не удержаться. Всѣ готовились къ эвакуаціи, но громко говорить объ этомъ не рѣшались.

28 октября, начальникъ офицерскаго резерва, генералъ Корнѣевъ, мнѣ сказалъ, что ввиду тревожныхъ дней, онъ считаетъ необходимымъ установить особое дежурство г. г. генераловъ офицерскаго резерва и на сегодня дежурнымъ генераломъ назначаетъ меня. По должности, провѣряя особые

караулы и дежурныя части, я около 12 часовъ ночи, вмѣстѣ съ полковникомъ Красовскимъ, зашелъ на телеграфную станцію. Дежурный телеграфистъ сообщилъ мнѣ, что только что генералъ Апостоловъ, Предсѣдатель Донского Привительства, разговаривалъ по прямому проводу съ Донскимъ Атаманомъ. Я взялъ ленту и предложилъ чиновнику прочитать. Атаманъ изъ Севастополя говоритъ Апостолову: «Завтра утромъ, въ лучшемъ для васъ случаѣ вечеромъ, въ Евпаторіи будутъ разъѣзды красныхъ. Предупреди нашихъ и членовъ Круга, чтобы поторопились грузиться. Чѣмъ меньшее число покинетъ Крымъ, тѣмъ лучше, такъ какъ за границей всѣмъ грозитъ голодъ и лишенія».

Это было для насъ ново; правда, это чувствовалось, но никто объ этомъ не говорилъ. Тыловыя учрежденія, Кругъ и т. п. готовились къ эвакуаціи, но о Донскомъ Офицерскомъ Резервѣ забыли, или вѣрнѣе, рѣшили забыть. Всѣ офицеры находились по своимъ квартирамъ, разбросаннымъ по окраинамъ города, въ полномъ невѣденіи объ обстановкѣ.

При выходѣ изъ телеграфной станціи я встрѣтилъ казаковъ, нагруженныхъ кроватями и матрацами.

— Куда и зачѣмъ?

— На пароходъ грузиться.

— Чьи вещи?

— Донского интенданта.

— Гдѣ онъ?

— Еще съ вечера на пароходѣ.

Разговоръ Атамана съ генераломъ Апостоловымъ и встрѣча съ казаками, тащившими на погрузку вещи, заставили меня принять нѣкоторыя мѣры. Я пошелъ на пристань. На рейдѣ стояло нѣсколько пароходовъ. У самой пристани находился небольшой пароходъ «Елпидифоръ». Подъ покровомъ ночи, тыловыя учрежденія и члены Круга, безъ шума, спѣшно грузились на пароходъ. Впечатлѣніе получалось, что все, какъ будто, дѣлалось крадучись, тайкомъ, какъ бы готовясь къ бѣгству.

Я отправился съ докладомъ къ Начальнику резерва, генералу Корнѣеву. Онъ былъ совершенно не въ курсѣ дѣла, какъ о положеніи на фронтѣ, такъ и о начавшейся погрузкѣ. Переданная ему мною бесѣда Атамана Богаевскаго, по прямому проводу, съ ген. Апостоловымъ, была для него откровеніемъ. Я настоялъ, чтобы сейчасъ же было отдано распоря-

женіе и немедленно разослано съ нарочными: — «Всѣмъ г. г. офицерамъ резерва завтра, 29-X, къ 7-ми часамъ утра, явиться къ штабу резерва и быть готовыми къ погрузкѣ». Приказаніе получилось во-время и къ 8-ми часамъ утра двѣ офицерскихъ сотни, подъ командой полковника Короченцева, были построены у пристани. Погрузка была уже въ полномъ разгарѣ. Пароходы были распредѣлены между разными учрежденіями, но для офицерскаго резерва мѣста не оказалось. Кадеты Донского корпуса были погружены на парусное судно. На нѣкоторыхъ судахъ угля не было, надо было погрузить съ пристани, но рабочихъ не было. Я отправился въ Управленіе Начальника Гарнизона, генерала Ларіонова. Начальника гарнизона въ канцеляріи не было, распоряжался начальникъ штаба. На мой вопросъ, какой пароходъ назначенъ для Донского Офицерскаго Резерва, начальникъ штаба отвѣтилъ, что для офицерскаго резерва пока нѣтъ парохода, но что еще ожидаются суда. По тону отвѣта видно было, что онъ самъ не вѣритъ и не надѣется на прибытіе новыхъ пароходовъ, да и стоявшія на рейдѣ суда, не имѣя достаточнаго количества угля, не могли сдѣлать рейса до Константинополя. Начальникъ штаба спросилъ меня, какъ обстоитъ дѣло съ погрузкой угля (за отсутствіемъ рабочихъ-грузчиковъ, уголь могли погрузить лишь офицеры резерва). Я ему отвѣтилъ, что погрузка начнется послѣ того, какъ будетъ назначенъ пароходъ для офицеровъ резерва. Начальникъ штаба загорячился; тогда я ему категорически заявилъ, что ручаюсь, что ни одно судно не уйдетъ изъ Евпаторіи до тѣхъ поръ, пока не будетъ назначенъ пароходъ для офицеровъ резерва. Онъ побѣжалъ съ докладомъ къ Начальнику Гарнизона и, возвратившись минутъ черезъ десять, заявилъ, что для офицерскаго резерва назначается пароходъ «Полонія» и просилъ скорѣе приступить къ погрузкѣ угля. Я отправился на пристань. На окраинахъ города шла стрѣльба. Мѣстные большевики напали на интендантскія подводы, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ охраны разбѣжались. На улицахъ дѣлались попытки къ демонстраціямъ съ красными флагами. Я передалъ распоряженіе начальника гарнизона полковнику Короченцеву о погрузкѣ и выслалъ офицерскія заставы и караулы въ ближайшія къ пристани улицы, дабы предупредить выступленія мѣстныхъ коммунистовъ. Дружными усиліями офицеровъ, часа черезъ два, уголь былъ погруженъ. На пристани

были поставлены пулеметы и началась планомѣрная погрузка. Въ 15 часовъ погрузка закончилась, а въ 16 часовъ, 29-го октября, суда, покинувъ Евпаторію, отошли въ Севастополь.

Пароходы были переполнены. На «Полоніи» палуба, трюмъ, всѣ проходы были заняты семьями офицеровъ резерва. 30 октября, въ 3 часа утра, «Полонія» прибыла на Севастопольскій рейдъ, а въ 12 час. мы тронулись въ направленіи на Константинополь. Но когда мы прошли минное поле, то къ нашему крайнему изумленію, «Полонія» вмѣсто курса на Константинополь взяла направленіе на Евпаторію. Офицеры на пароходѣ заволновались: — зачѣмъ, почему опять въ Евпаторію?! — и просили меня выяснить въ чемъ дѣло и принять мѣры. По пути намъ попалось навстрѣчу моторное судно, шедшее изъ Евпаторіи; бывшіе на немъ офицеры сообщили, что Евпаторія уже занята красными. Я спросилъ капитана «Полоніи» Купріянова, куда мы идемъ? Послѣ нѣкотораго колебанія капитанъ сознался, что идетъ въ Евпаторію, гдѣ на рейдѣ надѣется найти отплывшую, по его предположеніямъ, сегодня изъ Севастополя греческую яхту, на которой, якобы, находится его жена. Это судно ждало «Полонію» въ Севастополѣ, но затѣмъ ушло въ Евпаторію, полагая, что «Полонія» тамъ. Объясненіе показалось мнѣ мало удовлетворительнымъ, тѣмъ болѣе, что были слухи, что въ раіонѣ Евпаторіи находится красная моторная лодка «Николай», вооруженная пулеметами. Рисковать нашимъ судномъ, переполненномъ дѣтьми и женщинами, я полагалъ слишкомъ неразумнымъ и доложилъ объ этомъ начальнику резерва, генералу Корнѣеву; онъ согласился со мною и назначилъ меня комендантомъ парохода, съ предписаніемъ дѣйствовать по обстановкѣ. Я предложилъ капитану «Полоніи» немедленно взять курсъ на Константинополь. Капитанъ категорически отказался, угрожая снять всю команду, если я буду настаивать. Тогда я рѣшилъ дѣйствовать иначе. Среди офицеровъ резерва оказался бывшій штурманъ; я его назначилъ командиромъ судна и приказалъ взять курсъ на Константинополь. Въ машинное отдѣленіе спустилъ нѣсколько офицеровъ съ винтовками и объявилъ капитану и командѣ, что если машины будутъ испорчены, или на насъ будетъ сдѣлано нападеніе большевиковъ, то первымъ дѣломъ капитанъ будетъ повѣшенъ, а вся команда разстрѣляна. Средство оказалось дѣй-

ствительнымъ. Послѣ нѣкотораго воя, команда смирилась и «Полонія» вновь взяла направленіе на Константинополь.

1-го ноября мы вошли въ Босфоръ. Насъ окружили греческія лодки торговцевъ хлѣбомъ, фруктами, шеколадомъ и т. п. Цѣны неимовѣрныя: за небольшой хлѣбъ платили по турецкой лирѣ, наши деньги отказывались брать. Дня черезъ два французы стали доставлять намъ хлѣбъ и консервы.

Сначала мы стояли на рейдѣ у Константинополя, потомъ у Принцевыхъ островов, затѣмъ опять у Константинополя. Черезъ нѣсколько дней насъ перегрузили на русскій пароходъ «Труворъ».

Приказано было сдать всѣ винтовки французамъ. Наученный горькимъ опытомъ, я оставилъ около десяти винтовокъ у моихъ офицеровъ и, какъ оказалось впослѣдствіи, не напрасно.

Началось наше безконечное плаваніе изъ Константинополя въ Мраморное море, оттуда назадъ въ Бургазъ, затѣмъ въ Варну, обратно въ Бургазъ и опять назадъ. Безъ инцидента не обошлось и на «Труворѣ». Команда парохода, почти сплошь состоявшая изъ большевиковъ, составила заговоръ, рѣшила арестовать администрацію парохода и идти въ Одессу, гдѣ сдать пароходъ большевикамъ. Мы молча наблюдали подозрительное поведеніе матросовъ, были начеку, но не вмѣшивались. Ввиду наличія винтовокъ у нѣкоторыхъ офицеровъ и чувствуя за собой наблюденіе, команда долго не рѣшалась привести свой планъ въ исполненіе, пока, наконецъ, самъ капитанъ парохода не раскрылъ заговора. Зачинщики были арестованы и переданы болгарскимъ властямъ въ Варнѣ.

Черезъ нѣсколько недѣль плаванія, 6-го декабря по старому стилю, въ день Св. Николая Чудотворца, мы прибыли вновь въ Бургазъ, гдѣ желающіе могли высадиться на землю и походнымъ порядкомъ направились въ назначенный намъ пунктъ, въ городъ Анхіало, а остальная часть эмигрантовъ, остававшихся на пароходѣ, въ тотъ же день также прибыла въ Анхіало, но вслѣдствіе бурной погоды, выгрузку можно было сдѣлать только на другой день. Нашъ путь изъ Евпаторіи въ Анхіало по морю длился 38 дней. Пока шли переговоры о мѣстѣ нашей высадки, мы плавали по морю. Санитарное состояніе парохода было ужаснымъ: всѣ пассажиры были буквально покрыты насѣкомыми, тѣснота невообразимая,

спали на полу, на лѣстницахъ, у трубъ и всюду, гдѣ только можно было найти мѣстечко прилечь.

Наше долгое плаваніе объясняется тѣмъ, что болгарскія власти сначала отказались насъ принять, и только благодаря французамъ, сопровождавшимъ насъ съ тремя миноносцами, мы были высажены въ Болгаріи.

Въ эмиграцію мы привезли съ собою горсть родной земли и смертельную ненависть къ большевикамъ.

26.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Подводя итоги пережитаго, невольно ищешь причины нашихъ неудачъ и ошибокъ. Не входя въ детальную критику военныхъ операцій Гражданской войны, нельзя, хотя бы слегка, не коснуться нѣкоторыхъ тяжелыхъ, а подчасъ и вопіющихъ упущеній.

Говорятъ, критиковать легко, а создавать трудно. Можетъ быть, это отчасти и правильно, по старой народной пословицѣ: «послѣ драки кулаками не машутъ», но замалчивать и скрывать ошибки и упущенія едва ли полезно, а разборъ событій и дѣятельности нельзя смѣшивать съ порицаніемъ или обвиненіемъ, ибо критика не только вскрываетъ причины неудачъ или ошибокъ, но и оправдываетъ ихъ.

Много было проявлено воинской доблести арміей, что и говорить, но кромѣ воинской доблести техническихъ исполнителей приказовъ и директивъ, для общаго успѣха и достиженія цѣли нужно еще умѣлое и талантливое руководство высшаго командованія, не только техническое и стратегическое, но въ условіяхъ гражданской войны и политическое, иначе говоря, должна быть и идеологія и цѣль войны. Каждый боецъ долженъ знать, за что онъ и для чего борется.

Не говоря о неравенствѣ силъ противниковъ, остановимся на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и причинахъ, способствовавшихъ нашему пораженію:

1. Большія потери во время только что законченной внѣшней войны въ офицерскомъ составѣ, особенно среди кадро-

выхъ офицеровъ, сильно сказались въ періодъ Гражданской войны.

На высшія командныя должности часто попадали, выдвинутые обстоятельствами, молодые офицеры, лишенные опыта, не всегда ясно оцѣнивавшіе обстановку и терявшіеся при руководствѣ большими конными соединеніями; особенно это чувствовалось въ послѣдній періодъ войны (см. главу 19-ю наст. труда).

Старая истина, что конницей долженъ и можетъ руководить съ успѣхомъ только опытный кавалеристъ, прошедшій съ юныхъ лѣтъ суровую и долгую школу коннаго дѣла, была нарушена самимъ Командующимъ Донской Арміей, генераломъ Сидоринымъ, самоувѣренно рѣшившимъ лично командовать конной арміей въ мартѣ 20-го года. Результаты не замедлили сказаться въ этотъ краткій, но безславный періодъ: — пониженіе воинскаго духа, потеря вѣры въ начальниковъ, потеря территоріи, потеря артиллеріи, пулеметовъ, обозовъ... (см. гл. 20-ю). Иныхъ результатовъ и трудно было ожидать, ибо искусство управленія достигается не столько наукой, сколько трудами и опытомъ. Какой же опытъ могъ быть у генерала Сидорина, ставленника лѣваго крыла Донского Войскового Круга, офицера, хотя и Генеральнаго Штаба, но никогда не служившаго въ конницѣ, весь строевой опытъ котораго ограничивался командованіемъ саперной ротой?

Книжный опытъ, вѣроятно, толкнулъ его и на другой неудачный экспериментъ по конному дѣлу: — въ срединѣ лѣта 19-го года, по его инициативѣ и по иностраннымъ образцамъ, не показавшимъ ни практичности, ни преимущества, наши легкія и подвижныя конныя 4-хъ полковыя дивизіи были переформированы въ громоздкія и неповоротливыя 9-ти полковыя дивизіи, и въ тотъ періодъ, когда у насъ такъ остро чувствовался недостатокъ въ опытныхъ штабъ-офицерахъ, даже на должности командировъ полковъ. Все это подтверждаетъ, что одной книжной мудрости, безъ опыта, далеко недостаточно, чтобы стать полководцемъ, конникомъ и администраторомъ.

2. Второй причиной, вытекающей, конечно, изъ первой, слѣдуетъ считать (даже неудобно говорить объ этомъ) отсутствіе толковыхъ директивъ и приказовъ. Какъ общее правило, въ продолженіе всей операціи, въ началѣ 1920 года — февраль-мартъ, — лично руководимой генераломъ Сидори-

нымъ, штабы дивизій и бригадъ не получали никакихъ директивъ и приказовъ, оріентирующихъ ихъ о цѣли, задачахъ, общей обстановкѣ, противникѣ, своихъ войскахъ и, такимъ образомъ, были поставлены въ положеніе какихъ-то автоматовъ съ завязанными глазами. Отсутсвіе связи и свѣдѣній о своихъ войскахъ часто бывали причиною неожиданныхъ катастрофъ (см. гл. 19-ую, уничтоженіе 1-го Куб. к-са).

3. Третья ошибка, или вѣрнѣе преступленіе — это неумѣніе, или нежеланіе, удовлетворительно организовать тылъ, какъ въ смыслѣ своевременнаго снабженія арміи фуражомъ, довольствіемъ и снаряженіемъ, такъ и, главнымъ образомъ, обороны и приведенія въ порядокъ сообщеній.

Люди были голодны, раздѣты, разуты; лошади безъ фуража и подковъ — результатъ: болѣзни, деморализація, потеря боеспособности и гибель тысячъ лошадей, въ то время, когда громадные запасы фуража, вещей и снаряженія были брошены краснымъ.

Что же касается оборудованія тыловыхъ сообщеній, починки и устройства дорогъ, мостовъ и переправъ, подготовки для обороны рѣкъ, рубежей и проходовъ, устройства оборонительныхъ линій и препятствій для противника, объ этомъ даже никто и не помышлялъ. Въ этомъ отношеніи были нарушены самыя элементарныя правила обороны тыла.

Объ административномъ устройствѣ тыла и безопасности и говорить не приходится, ибо съ военной точки зрѣнія его вовсе не было. За Кубанью было полное царство «зеленыхъ».

4. Четвертая причина. Если судить по нашимъ операціямъ, особенно во второй половинѣ Гражданской войны, можно безошибочно вывести заключеніе, что, вообще, у главнаго командованія не было опредѣленнаго, или даже ясно осознаннаго плана веденія войны. Въ сущности, если главное командованіе и имѣло опредѣленную цѣль — разбить большевиковъ, то какъ достигнуть этой цѣли, опредѣленныхъ способовъ и методовъ не было. Были, какъ бы случайные, частные успѣхи и пораженія, но о причинахъ тѣхъ и другихъ никто не думалъ. Никто не задавалъ себѣ вопроса — почему это произошло? Не старались исправить ошибокъ или учесть опытъ, дабы ихъ не повторять. Все дѣлалось какъ бы на «ура», хотя, по удачному выраженію генерала Павлова, «тавренныхъ» стратеговъ у насъ было много.

Новороссійская катастрофа, Голгоѳа Черноморскаго По-

бережья, гибель конницы, брошенной на произволъ судьбы, разрывъ между Донской и Добровольческой арміями, неспособность флота содѣйствовать эвакуаціи войскъ Кавказскаго Побережья въ Крымъ, сдача Кубанской Арміи, зеленые, Круги, Рады, Особыя Совѣщанія — все говоритъ о неразберихѣ и хаосѣ.

5. Забывали еще одно существенное обстоятельство, что люди и лошади не машины, что живая сила коня и всадника имѣетъ извѣстный предѣлъ, что получить максимумъ работы отъ конницы можно только при умѣломъ и раціональномъ использованіи ея силы. Забыли, что нельзя безнаказанно мотать лошадей, что послѣ извѣстнаго періода работы частямъ непремѣнно нуженъ хотя бы кратковременный отдыхъ, а особенно въ условіяхъ минувшей гражданской войны, когда большой процентъ какъ людей, такъ и молодыхъ командировъ недостаточно былъ подготовленъ. Въ данномъ случаѣ, своевременный отдыхъ въ тылу служилъ бы не только для возстановленія силъ и приведенія въ порядокъ людей и лошадей, но и былъ бы школой для заполненія недочетовъ въ подготовкѣ частей и командировъ и для закрѣпленія дисциплины и спайки частей.

Переутомленіе всегда оказывало пагубное вліяніе на наши части, дисциплина падала, полки таяли какъ воскъ. Послѣ трехмѣсячной непрерывной и безсмѣнной работы, боевой составъ полковъ, имѣвшихъ въ строю по 1000 сабель, падалъ до 150-200 сабель (см. гл. 10-ю). Вмѣсто отвода въ краткосрочный отдыхъ, гдѣ полки приходили бы въ нормальное состояніе, предпочитали переформированіе, сокращеніе числа единицъ, сведеніе нѣсколькихъ частей въ одну, вслѣдствіе чего части, спаянныея уже боевыми успѣхами, начинавшія пріобрѣтать традиціи, вѣру въ своихъ начальниковъ, опять обращались во вновь сформированныя, получали новыхъ неизвѣстныхъ имъ начальниковъ, что, конечно, не могло не отражаться на ихъ стойкости и лишало ихъ вѣры и привязанности къ своимъ начальникамъ и похвальной гордости своей частью. А тылы, между тѣмъ, неимовѣрно росли, обозы были переполнены людьми, не знающими своихъ частей. Ростовъ былъ переполненъ офицерами, а сотнями на фронтѣ командовали урядники и вахмистра.

Если мы внимательно прослѣдимъ всѣ періоды Гражданской войны, мы увидимъ, что когда наши части были свѣжи,

послѣ отдыха и сыты, мы наступали и били, какъ хотѣли, превосходящаго насъ по численности противника, но какъ только наступало переутомленіе, перебои въ снабженіи, части таяли, боеспособность падала и мы вновь откатывались назадъ, чтобы послѣ отдыха опять перейти въ наступленіе.

Резервовъ у насъ почти никогда не было, а тылы были заполнены массой здоровыхъ людей, ибо организаціи тыла не было.

6. О техническомъ оборудованіи частей и о снабженіи амуницiей и оружіемъ я не буду говорить. Возможно, что у насъ не было въ достаточномъ количествѣ ни того, ни другого. Я, напримѣръ, для моей дивизіи почти ничего не получилъ. Винтовки, пушки, пулеметы, также какъ и всякаго рода телефонное и телеграфное имущество, походныя кухни, двуколки, мотоциклеты, до духовыхъ инструментовъ для хора трубачей включительно, я взялъ съ боя у красныхъ и даже снабжалъ сосѣднія части ими. Но бронемашинъ, къ сожалѣнію, почти не было, а при раціональномъ ихъ использованіи, онѣ могли бы сыграть большую роль. Въ своихъ замѣткахъ я упоминалъ, что появленіе у противника броневыхъ автомобилей производило въ нашихъ частяхъ панику, вслѣдствіе кажущейся безпомощности бороться съ ними, или что-либо имъ противопоставить. Объ этомъ я, однажды, находясь въ Новочеркасскѣ, лично докладывалъ генералу Сидорину и просилъ, по возможности, снабдить дивизію хотя бы двумя машинами, на что генералъ Сидоринъ отвѣтилъ, что дѣлается все возможное.

По моимъ наблюденіямъ, съ броневыми частями у насъ было не совсѣмъ благополучно. Въ тылу были сформированы броневыя отдѣленія, но на фронтъ они почти не попадали. Мнѣ раза два-три изъ штаба сообщали, что высылаются въ дивизію бронеавтомобили, но всякій разъ, не доходя до моего штаба 50-60 верстъ, машины почему-то портились и возвращались обратно для ремонта. Очень жаль, конечно, ибо на фронтѣ онѣ могли бы показать себя, гдѣ содѣйствуя нашимъ частямъ и, подъ командой боевыхъ офицеровъ, были бы весьма полезны.

Въ настоящихъ замѣткахъ, отмѣчая нѣкоторые наши недочеты и ошибки, я не хотѣлъ бы касаться политическихъ ошибокъ, но не могу обойти молчаніемъ одну изъ нихъ, такъ какъ она была тѣсно связана съ настроеніемъ частей и цѣ-

лями войны — эта ошибка — «непредрѣшенчество», какъ о формѣ будущаго устройства Россіи, такъ и о ликвидаціи послѣдствій революціи. Невольно возникали вопросы: за что мы воюемъ? Предположимъ, мы свернемъ шею большевикамъ, а дальше что?.. Опять керенщина? Опять болтовня и соціальные опыты? Или, можетъ быть, полукрасная, слюнявая, соціалистическая республика? Стоитъ ли изъ-за этой дребедени копья ломать, воевать, жертвовать собою?

А если бы въ то время, когда движеніе наше уже окрѣпло и наша красновато-либеральная оппозиція, мечтавшая объ «углубленіи» революціи была не страшна, былъ бы взятъ національно-русскій путь, и на своихъ знаменахъ смѣло поставили лозунги, которыхъ такъ ждалъ изстрадавшійся отъ революціонныхъ экспериментовъ народъ: «Самодержавный Царь — хозяинъ земли русской», **«Земля крестьянамъ, данная царскимъ манифестомъ»,** «Амнистія всѣмъ, принимавшимъ участіе въ революціи» и «Рабочее законодательство», тогда бы бѣлое движеніе пріобрѣло живую душу и стало бы чисто бѣлымъ, безъ красноватаго налета въ видѣ всякаго калибра политическихъ дѣятелей съ соціалистическими тенденціями, которыми были заполнены наши тылы, учрежденія, совѣщанія и круги, и даже отчасти командныв должности; тогда зараза не коснулась бы нѣкоторыхъ частей и не нашли бы мѣста въ полковыхъ маршахъ куплеты: «Царь намъ не кумиръ» и т. п. Тогда и не посмѣли бы появиться изрѣченія изъ устъ нѣкоторыхъ большихъ начальниковъ: «Я республиканецъ; если въ Россіи будетъ монархія, то мнѣ въ Россіи мѣста не будетъ»; или еще хуже и гаже, изъ рѣчи другого генерала: «Не бойтесь, съ нашихъ знаменъ стерто имя самодержца, стерто прочно и въ сердцахъ нашихъ».

Наши цѣли — бойцовъ на фронтѣ — были различны съ цѣлями тыловыхъ проходимцевъ и демагоговъ; ихъ пугали успѣхи бѣлыхъ армій. Мы боролись за спасеніе Россіи, а они за спасеніе Революціи.

Это главная ошибка внутренней политики. Не менѣе грубой ошибкой была и наша неопредѣленная внѣшняя политика. Но о ней много написано и не буду повторять. Результаты на лицо, и страданіямъ русскаго народа конца не видно.

Неуменіе, или нежеланіе, столковаться съ Польшей, Украйной и даже избѣжать треній съ казачьими областями — этой основной опорой борьбы съ революціей — боязнь потерять

достиженія 17-го года и обнажить грязное бѣлье измѣны и предательства, заставляло «основоположниковъ революціи», прикрываясь бѣлыми плащами патріотизма, вести закамуфлированную политику «дѣвушки съ прошлымъ».

Игнорированіе реальной обстановки и смѣхотворная, никому не нужная вѣрность бывшимъ союзникамъ, безсильнымъ, по цѣлому ряду причинъ, помочь намъ, да и не проявлявшихъ особаго желанія къ этому, ибо симпатіи ихъ были на сторонѣ революціи, не скрывались и заставляли даже отклонять предложенную намъ руку помощи истинныхъ друзей Россіи. Если бы этихъ «ошибокъ» не было, Россія не лежала бы въ прахѣ и рабствѣ, а мы не скитались бы по всему свѣту съ волчьими «нансеновскими» паспортами, навязанными намъ благодарными союзниками.

КОНЕЦ

1925 г. Софія.

ЗАМѢТКА

къ статьѣ Г. Янова, помѣщенной въ 3-мъ томѣ «Донской Лѣтописи»: «Донъ подъ большевиками весною 1918 г. и возстаніе станицъ на Дону»

Въ статьѣ г. Янова, въ 3-мъ томѣ «Донской Лѣтописи»: «Донъ подъ большевиками весною 1918 г. и возстаніе станицъ на Дону», на стараницахъ 26 и 27, изложены не точно нѣкоторыя событія по возстанію казаковъ въ Усть-Медвѣдицкомъ Округѣ, совершенно искажающія истину; слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторыя поправки и разъясненія, а именно:

1. «Совѣтъ Вольныхъ Хуторовъ и Станицъ» образованъ не «сотникомъ Веденинымъ съ группой интеллигенціи», а избранъ по настоянію Командующаго «Освободительными Войсками Вольныхъ Хуторовъ и Станицъ Усть-Медвѣдицкаго Округа», войскового старшины Голубинцева «Чрезвычайнымъ Съѣздомъ Хуторовъ и Станицъ Усть-Медвѣдицкаго Округа», въ ночь съ 26-го на 27--е апрѣля, по старому стилю, 1918 года на хут. Большомъ Усть-Хоперской станицы, то-есть черезъ два дня послѣ Усть-Хоперскаго возстанія. Состоялъ Совѣтъ первоначально изъ пяти членовъ: сотника Веденина, хорунжаго Лащенова, урядника Алферова, казака Алферова и еще одного казака, а затѣмъ уже, по мѣрѣ расширенія возстанія, пополнялся по одному делегату отъ каждой вновь занятой станицы.

2. Партизанскій отрядъ подъесаула Алексѣева былъ сформированъ преимущественно изъ Усть-Медвѣдицкой учащейся молодежи подъесауломъ Бабкинымъ, въ первые дни послѣ занятія Усть-Медвѣдицы Усть-Хоперскими казаками. 5-го мая подъесаулъ Бабкинъ былъ убитъ въ бою у хут. Зимняцкаго, послѣ его смерти отрядъ принялъ его помощникъ подъесаулъ Алексѣевъ.

3. Постановленіе Съѣзда Совѣтовъ Усть-Хоперской станицы 25 апрѣля 1918 года о непризнаніи совѣтской власти и о мобилизаціи сдѣлано не «подъ вліяніемъ» Совѣта Вольныхъ

Хуторовъ и Станицъ, еще не существовавшаго въ то время, а было отдавно подготовлено и искрой послужило лишь извѣстіе объ оружіи, посланномъ У.-Медвѣдицкимъ совѣтомъ въ слободу Чистяковку на вооруженіе крестьянъ.

4. Связь съ нѣмцами была установлена въ первые дни возстанія, а 5 мая въ Новочеркасскъ съ докладомъ о возстаніи мною были командированы два офицера: есаулъ Красовскій и сотникъ Орѣховъ.

5. Части генерала Фицхелаурова подошли къ Усть-Медвѣдицѣ не 9-го іюня, а 5-го іюля.

Генералъ-маіоръ Голубинцевъ .

ЗАМѢТКА

къ статьѣ П. Н. Краснова: «Всевеликое Войско Донское», помѣщенной въ «Архивѣ Русской Революціи», въ томѣ V.

1. На страницѣ 226 т. V «Арх. Русской Революціи», перечисляются къ 12 мая 1918 года, 14 самостоятельныхъ отрядовъ, подчиненныхъ Войсковому Штабу, въ числѣ которыхъ поименованъ отрядъ «есаула Веденѣева». Такого отряда, да и вообще, такого офицера въ это время въ Усть-Медвѣдицкомъ Округѣ не было. Съ 25 апрѣля по 5-е іюля 1918 года Командующимъ Освободительными Войсками Вольныхъ Хуторовъ и Станицъ У.-Медвѣдицкаго Округа былъ войсковой старшина Голубинцевъ, отряды котораго были общей численностью около 10.000 казаковъ, о чемъ упомянуто и въ запискахъ генерала Денисова, бывшаго въ то время Командующимъ Донской Арміей, въ приложеніи къ 1-му тому, а также отмѣчено въ схемахъ, изданныхъ Штабомъ Войска Донского.

2. На стр. 227 сказано, что къ 1-му іюня на сѣверѣ Дона была группа полковника Алферова — слѣдуетъ исправить: на сѣверѣ Дона были двѣ совершенно семостоятельныя группы — Верхне-Донская полк. Алферова и Усть-Медвѣдицкая, войскового старшины Голубинцева (см. схемы изд. Войсковымъ штабомъ).

3. На стр. 233 читаемъ: «. . .почти одновременно и генералъ Мамонтовъ вошелъ въ связь съ отрядами полковниковъ Ста-

рикова и Секретова, очищавшихъ отъ большевиковъ Усть-Медвѣдицкій Округъ». Въ это время, т. е. около половины мая 1918 года, да и вообще до 5-го іюля 1918 года, въ Усть-Медвѣдицкомъ Округѣ отрядовъ полковниковъ Старикова и Секретова не было.

4. На страницѣ 234 читаемъ: «17-го іюля казаки Хоперцы овладѣли станціями Филоново, Панфилово и Кумылга». Слѣдуетъ исправить: станція Кумылга была занята не Хоперцами, а казаками Усть-Медвѣдицкихъ полковъ 4-го Коннаго отряда войскового старшины Голубинцева, въ срединѣ іюля, одновременно со станціей Себряково, занятой частями генерала Фицхелаурова.

Генералъ-маіоръ Голубинцевъ

Druck: Alexandra Arciuk, München 2, Steinheilstr. 13, Tel. 55 09 73